М. В. Довнар-Запольский

Очерк истории

КРИВИЧСКОЙ И ДРЕГОВИЧСКОЙ ЗЕМЕЛЬ

Митрофан Довнар-Запольский

Очерк истории КРИВИЧСКОЙ и ДРЕГОВИЧСКОЙ ЗЕМЕЛЬ до конца XII столетия

Минск
Харвест

УДК 947.6
ББК 63.314(Беи)
Д58

Печатается по изданию:
Киев: типолитография тов-ва И.Н. Кушнеров и К. (в Москве):
Киевское отделение. 1891.

Довнар-Запольский, М.
Д58 Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия / Митрофан Довнар-Запольский. — Минск: Харвест, 2015. — 240 с. : ил.
ISBN 978-985-18-3584-9

Эта книга «отца» белорусской историографии М.В. Довнар-Запольского вышла в свет в 1891 году. С тех пор она не переиздавалась, поэтому практически неизвестна современным читателям. Между тем, ее содержание по-прежнему представляет значительный интерес для всех, кто интересуется историей белорусского народа.

Предлагаемое издание состоит из трех частей. В первой дано географическое описание земель кривичей и дреговичей. Во второй кратко изложена политическая история Полоцкого, Смоленского и Туровского княжеств. В третьей, дополнительной, части помещены статьи ряда авторов, знакомящие с современными взглядами на историю кривичей и дреговичей.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 947.6
ББК 63.314(Беи)

ISBN 978-985-18-3584-9

Часть I
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЗЕМЛИ КРИВИЧЕЙ И ДРЕГОВИЧЕЙ до XIII ст.

Северо-Западная часть России, известная ныне под названием Белоруссия, в древности населена была тремя различными племенами: дреговичами, радимичами и кривичами; последние делились еще на полоцких и смоленских.

Племена эти составляли в начале исторической жизни русского народа значительную часть тогдашней Руси. Насколько родственны были между собою они в древности, трудно определить в настоящее время. Однако же, всматриваясь внимательно в ход их историй и обратив внимание на то, что впоследствии они образовали одну этнографическую группу — белорусов, можно предполагать об их близком этнографическом родстве уже в то отдаленное время, когда слагалась Русь. При взгляде на исторические события этих племен мы замечаем их обособленность в общей жизни остальной Руси; происходит, очевидно, какая-то внутренняя жизнь, но ее трудно проследить за недостатком летописных данных.

Исключение как будто составляло племя радимичей, история которого почти незаметна в наших летописях;

* Примечание редактора: Автор в своем описании ссылается на географические и статистические публикации XIX века. При переиздании книги мы сняли эти ссылки.

они никогда не жили самостоятельной политической жизнью, но принадлежали к Черниговскому княжеству. Однако же радимичи не ассимилировались с северянами, несмотря на долгую совместную жизнь; напротив, примкнули к северным своим соседям кривичам и вместе с дреговичами образовали отдельную этнографическую группу.

История радимичей, быть может, указывает именно на то, что уже в древности означенные племена имели общие этнографические особенности, которые помогли им слиться в одну народность, несмотря на раздробленность и постороннее влияние. Такому слиянию трех племен в одно этнографическое целое, несомненно, помогло и то обстоятельство, что географическое положение их почти одинаково, равно как и природа занимаемой ими страны.

* * *

Южная граница дреговичей с полянами и волынянами начиналась почти возле устьев Припяти и продолжалась по всему ее течение узкою полосою по южному берегу, приблизительно по теперешней границе Волынской губернии с Минской. Далее к западу, от верхней Припяти по притоку ее Пине, граница переходила к Западному Бугу, который она пересекала где-то у Брест-Литовска (древнего Берестья). От Брест-Литовска граница, оставив направление с востока на запад, шла к северо-западу по Бугу, границе нынешней Гродненской губернии. На этой южной границе мы видим уже до XIII века следующие города: Мозырь, ныне уездный город Минской губернии, Туров, ныне местечко Мозырского уезда, Пинск (Пинеск), уездный город Минской губернии, Брест-Литовск (Берестье), уездный город Гродненской губернии.

Юго-западная граница, вероятно, не доходила дальше Дорогичина, местечка Гродненской губернии на реке Западный Буг, откуда она направлялась к Гродно, нынешнему губернскому городу. Затем, переходя в Виленскую губернию, отрезывала юго-восточную часть ее южнее города Вильно, захватывая все верховье Вилии, и переходила наконец к Двине, в Витебскую губернию. Рубеж, пересекающий Двину, проходил, вероятно, недалеко к северо-западу от Полоцка, приблизительно по теперешней границе Полоцкого уезда с Дриссенским и Себежским. Граница, захвативши верховье реки Великой, меняла северное направление на восточное и на этом пути проходила по северной границе Витебской губернии до реки Ловати, ниже Великих Лук — Новгородского города. Таким образом,

Полоцкая область заключала в себе всю озерную область Себежского и Невельского уездов, а далее заходила до озера Двинья.

На этой длинной западной и северной границе мы знаем в данный период весьма мало городов, а именно: упомянутые Дорогичин и Гродно, Заслав, Городец, Полоцк и Невель, Усвят и Еменец (ныне уездные города Витебской губернии).

Вообще, очерченная нами граница может только указывать приблизительно этнографическую границу дреговичей и полочан. За этими пределами жили литовские поселения, история которых до XIII века почти покрыта мраком неизвестности. В русских летописях мы находим только неясные намеки на литовско-русские сношения в данный период. Такая скудность известий происходит от того, что мы не имеем собственно Полоцкой летописи, которая, может быть, дала бы нам кое-какие разъяснения. Между тем сношения полочан с Литвою отличались более мирным характером. Поэтому киевские, волынские и новгородские летописи, занятые важными событиями своих областей, вовсе не знают отношений полочан к Литве.

Между тем некоторые другие источники (как, например, латышские хроники) указывают, что политические границы Полоцкого княжества были гораздо обширнее: ему принадлежали многие литовские племена.

За Усвятом, около озера Двинья, территория полоцких кривичей встречалась со смоленскими кривичами. Область последних, захватив озера Жижец и Торопецкое с городом Торопцом, переходила к верховьям Волги, где у них был город Ржев, и оттуда сворачивала на юг к Протве, притоку реки Москвы. Восточная граница смоленских кривичей заключала в себе верховье реки Протвы, откуда направлялась на юг к среднему течению Угры; по этой реке, захватывая верховья Болвы в Калужской губернии, занимала южную часть Рославльского уезда и, проходя по южной части Могилёвской губернии, севернее Чичерска, древнего радимичского города, встречалась с Днепром ниже города Рогачева.

Вот общие географические границы полочан. Впоследствии мы обратимся к более точному определению их рубежей, а теперь рассмотрим характер страны, занятой ими.

Глава 1. **Страна**

Что касается до поверхности описанного пространства, то нужно заметить, что она представляет сплошную равнину, на которой изредка попадаются отдельные точки, поднимающиеся, в общем, не более тысячи футов (300 м) над поверхностью моря*. Возвышенности эти, представляя целый ряд холмов на возвышенных равнинах, составляют один общий ряд возвышений, пересекающих всю Белоруссию — в юго-восточном направлении.

Кроме того, все равнинное пространство, заключающее Белоруссию, неодинаково поднято над поверхностью моря. В общем, Смоленская губерния лежит гораздо выше соседней Могилёвской. От Могилёвской губернии местность постепенно понижается по направлению к Припяти, долина которой, особенно верхняя часть ее с притоками Пиной и Яцольдой (Ясельдой), представляет глубокую котловину. Затем эта котловина постепенно возвышается, и западная половина Гродненской губернии представляет сравнительно возвышенную равнину.

Горный кряж, проходящей через Белоруссию, который иногда называют Алаунским, появляется в северо-восточной части Смоленской губернии в виде продолжения Валдайской возвышенности. Так, уезды этой губернии — Бельский, отчасти Сычевский и Поречский — принадлежат к самым возвышенным частям губернии.

Отсюда местность значительно понижается к югу, начиная от Дорогобужа, в уезде которого Филатове возвышается над поверхностью моря на 896,6 футов (273,3 м).

Кряж этот более узкою полосою входит в Могилёвскую губернию, в которой представляет ряд холмов. Из Смоленской губернии этот кряж входит в Могилёвскую в Оршанском уезде между Никулиным и Рудней. Затем далее направление его на местечко Бабиновичи, где он, охватывая Веретейское болото, расходится в две стороны: на Клишенки и Гришаны. Пространство около Веретейского болота представляется самим возвышенным в губернии: абсолютная высота его над уровнем моря доходит до 800–900 футов (244–274 м); Бабиновичи возвышаются на 640 футов (195 м).

Затем этот кряж проходит по Оршанскому уезду на Дубенцы, Каменку и почти по границе Сенненского уезда, возле местечка Смо-

* Один фут составляет 30,48 см. — *Ред.*

лян, деревни Козьей Горки, за которой теряется в обширных болотах и лесах.

У границ Могилёвской губернии с Минской, на границе Сенненского уезда, возвышенность делается заметною, поворачивает по границе Минской губернии к северу и, проходя в таком направлении до Колодинец, поворачивает в Минскую губернию на местечко Холопеничи. В Минской губернии около Холопенич горный кряж направляется по границе Минской губернии с Могилёвской, в которой около Григорович возвышается на 925 футов, потом от Волосович в Витебской губернии он направляется к озерам: Манец, Пельо и Берешта, местность которых возвышается над уровнем моря до 1000 футов.

По границе Витебской и Минской губерний, где кряж несколько понижается, доходя у местечка Пышногорья Витебской губернии до 755 футов высоты (230 м), направляется к границам Виленской губернии, в пределах которой — в Ковалях на 753 фута, в Варганах на 771 фут возвышается. Затем возвышенность направляется к югу на местечко Докшицы, достигая у Домашкович Минской губернии значительной высоты в 947 футов (288,6 м).

Кряж то понижается, то повышается, и проходит к югу широкою полосой по двум соседним губерниям: по Виленской губернии — по части Вилейского уезда, в котором возвышаются: Кондраты на 1015 футов, а Мядзиоль на 742 фута, Свенцянского и Виленского, в котором возвышеннейшие точки находятся при Медниках на 1036 футах, Юзефатове — на 973 футах, Янковщизне — на 959 футах, Забиржи — 938 и др.; через Ошмянский уезд, в котором высшие точки суть: Пупишки в 1106 футов, Лойцы в 987 футов, Доукны 721 фут и пр., и наконец через Лидский уезд переходит в Гродненскую губернию. Соответственно этому и по Минской губернии тянется хребет, сначала в южном, а потом в юго-западном направлении.

От Докшиц направление его идет на Домашковичи, оттуда на границу Минского и Борисовского уездов и в Лысой Горе весь кряж достигает наибольшей высоты — 1129,8 фута (344,36 м) выше поверхности моря. Отсюда он идет через Минский уезд на Дуброво, возвышаясь на 1117 футов, Залесье, возвышаясь на 1091 фут, Раков, Вольму, Койданов и Озеро, возвышаясь на 722 фута. Отсюда кряж направляется на местечки Ковалевичи (773 фута), Кондратовичи (752 фута), Юшковичи (772 фута), Мицкевичи, недалеко от Несвижа в Новогрудском уезде (755 футов) — на Клецк.

Отсюда вся эта возвышенная равнина Минской губернии круто поворачивает на запад и, едва касаясь северных границ Пинского

уезда, проходит в Гродненскую губернию к уездному городу Пружанам. Вся северо-западная часть Гродненской губернии представляет сплошную возвышенность, понижение которой в северо-восточном углу губернии, в Кобринском уезде, в долине рек Пины и Яцольды.

По обе стороны обозначенного кряжа, к северу и к югу, местность постепенно понижается. Северный склон ее понижается по течению Двинских притоков и оканчиваются долиною реки Западной Двины, а за нею страною озер по северной границе губернии, откуда берут свое начало реки Ловать и Великая.

Нижний склон понижется по течению левых притоков реки Припяти, по обе стороны которой образуется низменная болотистая долина, низшая точка которой, а следовательно и всей страны — уровень воды в реке Пине у города Пинска, возвышающейся на 435 футов (132,6 м) над уровнем моря.

На востоке понижение идет по течению Днепра. Понижение горного склона на запад ограничивается приблизительно границею Минской губернии с Волынской и Киевской, в северной части которых появляется ряд холмистых возвышенностей, образуемых отрогами Карпат. На восточной половине Днепра повышение начинается в Гомельском уезде Могилёвской губернии, средняя высота которого доходит до 550 футов над уровнем моря (деревня Пчеловка — 651 фут, Закружье — 630 футов, Корма — 537 футов и т.д.).

Рославльский и Ельнинский уезды Смоленской губернии в общем находятся около 700 футов над поверхностью моря.

***

Несмотря на то что вышеописанный нами кряж только в немногих точках своих переходит высоту за 1000 футов, он имеет весьма важное значение на распределение вод всей России и в особенности Белорусского края. Этим кряжем разделяются бассейны Западного Буга, Немана со Щарой, Западной Двины, правых верхних притоков Волги и затем всего верхнего Поднепровья.

Таким образом, в восточной части этого кряжа, в Смоленской губернии, берут начало следующие реки Волжского бассейна: Москва, Вазуза с притоками Гжатью и Косной, Осуга с Лусой, Угра с Ворей и другие.

В Двинский бассейн отсюда идут: реки Межа с Обшей, Лучесой, Березой и Каспля с Гобзой.

В Днепровский бассейн: Вязьма, Вопь, Ужа; здесь же берут начало Сож и Десна. Мы поименовали только более значительные

реки; между тем их гораздо больше берет здесь начало. Все эти реки, кроме Каспли, берут свое начало в северо-восточной части губернии, которая представляет сплошную возвышенность.

Напротив, реки Минской и Могилёвской губерний, отчасти и Витебской, почти все берут свое начало на вышеописанном кряже, который тут проходит довольно узкой полосой. С вершины этого кряжа в Западную Двину текут: Лучеса с Черницей и Оболью, Усица и Улла, берущие начало в Могилёвской губернии, и Эсса — в Минской. Особенно много вод стекает с этого кряжа в Днепр и приток его Припять: Оршица и Друть в Могилёвской губернии, Березина со своими многочисленными притоками, Гайной с Цной, с Ильшей, Ушей и Свислочью; затем в Припять впадают: Птичь, Случь с Морочью, Лан, Цна, Яцольда и Пина.

Тут же в Слуцком уезде, к северо-востоку от местечка Несвижа, берет начало Неман; в него, в верхнем его течении, вливаются многочисленные притоки, которые все берут начало на возвышенных точках горного кряжа. Правые притоки Немана следующие: Узенка у самого верховья и Сула в Минской губернии; Быстрая и Ислочь в Виленской губернии; с левой стороны впадают: Щара с Иссой, Зельвянка и другие. В систему Западного Буга отсюда текут Мухавец, Лесна и другие.

Таким образом, мы видим, что почти все реки Белоруссии берут свое начало на этом кряже. Кроме того, Припять принимает несколько притоков с юга, берущих начало в отрогах Карпат: Славечна, Уборть, Ствига, Горынь с Случью, Стырь и Стоход.

Река Западная Двина питается с севера притоками, берущими начало в озерной области северной части Витебской губернии: Торопа, начинающаяся недалеко от Торопца, Оболь, текущая из озер при местечке Озерище, Полота, Дрисса с Ницой и Солной и другие.

* * *

Что касается до геологического строения поверхности Белоруссии, то вопрос этот настолько еще не обследован, что можно дать только кое-какие отрывочные указания. Так, отложения третичной или эоценовой формации встречаются, вероятно, в большей части Белоруссии.

В Смоленской губернии они занимают всю ее западную часть, состоя из железистой глины, мергеля и песчанников. В Могилёвской губернии они занимают бассейн Сожа и вообще южные и западные части губернии; к этой же формации принадлежат горные

породы почти всей Минской губернии; здесь встречается: сланцеватая глина, кремнистый песчаник, грубозернистый известняк, мергель, рухляки и другие породы. Из тех же пород состоит вся Виленская губерния. Залежи горного известняка занимают восточную часть Смоленской губернии, встречаются в восточной части и Могилёвской губернии, в уездах Чериковском и Климовичском.

Гораздо чаще попадаются пласты девонской формации; они занимают уезды Сенненский, Оршанский, Горецкий, северные части Могилёвского и Мстиславльского, встречаются местами в Климовичском, Чериковском, Рогачевском, Чаусском, Быховском уездах. Горные породы Витебской губернии почти все состоят из пластов красного песчаника девонской формации, и наконец — в части Дисненского уезда Виленской губернии.

Пласты меловой формации встречаются редко и притом на незначительном пространстве; так, они находятся в южной части Рославльского уезда Смоленской губернии; в Могилёвской губернии они встречаются сравнительно чаще, именно: по течению рек Беседи, Сожа и Ипути, в Чаусском уезде по течению реки Вори, около Могилёва, Быхова, а также в Быховском и Рогачевском уездах; признаки меловой формации находят также в Минской губернии (в Новогрудском уезде и Речицком) и в Гродненской губернии (по Неману).

На всей поверхности Белоруссии встречаются, в обнажениях валунные толщи, а также и отдельные валуны финляндской и скандинавской пород. Валунные толщи обыкновенно состоят из валунного суглинка, серого или бурого цвета глины; суглинок этот, общая толщина которого достигает 5–10 саженей (10,65–21,3 м) и более, находится над растительною почвою; валунная глина отличается особенно тем, что она водонепроницаема*. Это особенно важное обстоятельство, послужившее, вероятно, для образования болот и озер нынешней Белоруссии.

Валунные толщи обыкновенно еще имеют под собой или над собой так называемый валунный песок. В валунных толщах попадаются валуны или эрратические камни; валун есть гранит, состоящий из слюды, кварца и ортоклаза. Так как валуны принадлежат исключительно к горным породам Альп, Скандинавии и Финляндии, то о появлении их на обширной поверхности всей Германии, отчасти Франции, всей Северо-Западной и Центральной России геологами было представлено насколько гипотез. В последнее время в геоло-

* Сажень составляет 2,1336 м. — *Ред.*

гии утвердилась гипотеза о так называемом ледниковом периоде, имевшем место на всем пространстве, где встречаются валуны.

Сущность этой гипотезы заключается в том, что в эпоху до появления животной жизни на означенном пространстве, вследствие значительного понижения температуры, все это пространство было покрыто ледниками, которые сползли с Альпийских, Скандинавских и Финлядских гор, принесших с собою и валуны. Вследствие повышения температуры Европы, от таяния этих ледников образовались моря пресных вод, которые со временем исчезли.

Таким образом можно до некоторой степени объяснить необыкновенное скопление болотных и озерных вод белорусского Полесья. Представляя значительное углубление поверхности, долина эта послужила естественным бассейном для стока высыхавших вод первобытного моря; между тем значительные залежи валунных отложений, которые особенно часты и обширны именно на пространстве Полесья (в Гродненской губернии, Виленской и Смоленской они встречаются реже, чаще отдельные валуны) препятствовали почве всасывать в себя воду, которая таким образом и образовала своим скоплением болота и озера, давая в то же время источник для многочисленных рек и ручьев.

Скопление воды на пространстве белорусского Полесья было гораздо значительнее даже уже в историческое время. На это указывает, между прочим, значительное число высыхающих рек, озер и болот, обмеление многих рек (например Друти, Припяти и др.) и, наконец, иловатая почва, происходящая от речных наносов, попадающаяся весьма часто вдали от существующих ныне рек и озер и, следовательно, указывающая на существование их и в других местах. К этому присоединяются и народные предания о большом скоплении пресной воды в долине Припяти и других местах.

Пласты новейшого образования, составляющие почву Белоруссии, состоят обыкновенно из супеска, мергеля, изредка торфа и ила; чернозем попадается редко, на небольших пространствах, и притом в виде весьма тонкого слоя. Так, такие залежи чернозема находятся только в некоторых частях Виленской губернии, именно в северной части Трокского уезда, он идет по левому берегу Вилии, переходит на правый берег и занимает северную часть Виленского уезда, северо-восточную часть Свенцянского и часть Дисненского. В остальной Белоруссии не встречается более или менее обширных залежей чернозема; напротив, в ней преобладают другие малоплодородные виды почвы.

Вообще, преобладающая почва — глинистая с большей или меньшей примесью песка, кварца, слюды и других смывающихся частей, а еще реже чисто каменистая.

Остальные виды почвы встречаются реже. Торф находится в Бельском, Смоленском, Духовщинском и Поречском уездах Смоленской губернии, в Рогачевском, Быховском и Оршанском уездах Могилёвской губернии. Огромные залежи торфа нам лично удалось видеть на всем пространстве северной части Пинского уезда: в Телеханской волости у озера Выгоношти; в Погостской у озера Погоста, села Порохонска; в Доброславской волости и отчасти в Давыд-Городецкой эти залежи занимают десятки верст. В Речицком уезде торф в больших залежах находится в Дерновичской волости.

***

Между различными факторами, обусловливающими человеческую жизнь и имеющими на нее сильное влияние, — орошению должно отвести одно из первых мест.

Не говоря уже о чисто физическом влиянии скопления вод, как например количества атмосферных осадков на человеческую жизнь, реки и озера имеют огромное значение в политических и торговых сношениях племен. Реки служили единственным удобным путем как для торговых, так и для военных колонизационных предприятий. Проложение дорог через непроходимые девственные леса, через болота было невозможно в древности: это потребовало бы необыкновенных усилий со стороны племени — так как страны, занятые русскими племенами, были весьма обширны и при этом мало населены. Во всех случаях река служила самой удобной дорогой; путешествие по ней не требовало особенных усилий: в легком челноке, в небольшом количестве людей можно было пробраться из отдаленного Полоцка в Киев, или Новгород, или в хазарский Итиль на устье Волги.

Направление рек Российской равнины имеет особенно важное значение в отношении путей сообщения. Посредством рек соединяются отдаленнейшие части России, сближаясь с Каспийским морем и Уральскими горами посредством Волги, западные притоки которой разделяются только небольшими волоками от притоков Западной Двины и Днепра; в свою очередь притоки Днепра и Западной Двины близко подходят к притокам Вислы и Немана. Посредством Волги же идет сообщение к Белому и Балтийскому морям. Что касается собственно земли кривичей и древиговичей, то она занимала одно из выгоднейших, по отношению водных путей,

положений: из нее, как из центра, расходятся важнейшие реки, соединяющие ее с отдаленнейшими окраинами великой Российской равнины.

На северо-востоке ее пределов берут начало Волга и Западная Двина, недалеко от них начинается Днепр. Эти три реки сближаются вместе со своими многочисленными притоками с Черным, Балтийским, Белым и Каспийским морями. Западная половина рассматриваемой области заключает в себя верховье Немана, среднее течение Западного Буга, почти все, за исключением верховьев, течение Припяти, оба берега Днепра с его многоводными притоками и южные притоки Западной Двины.

Таким образом Белоруссия занимает весьма выгодное положение относительно водных путей сообщения. Это положение способствовало в древности быстрому, успешному ходу колонизационного движения в среду финских и литовских народцев, а также и развитию обширных торговых сношений.

Окраина Кривичской земли доходила в древности до верховьев Волги. Последняя берет свое начало в Осташковском уезде Тверской губернии из небольшого ключа на Валдайской возвышенности, имеющей абсолютную высоту в 840 футов (256 м); первоначально Волга представляет небольшой ручеек в полтора аршина шириною (1,067 м), но уже у озера Волго, через которое она протекает, ширина ее доходит до 20 саженей (42,7 м). На протяжении 90 верст (96 км) она в настоящее время не судоходна*. На этом пространстве она течет в низменных болотистых берегах.

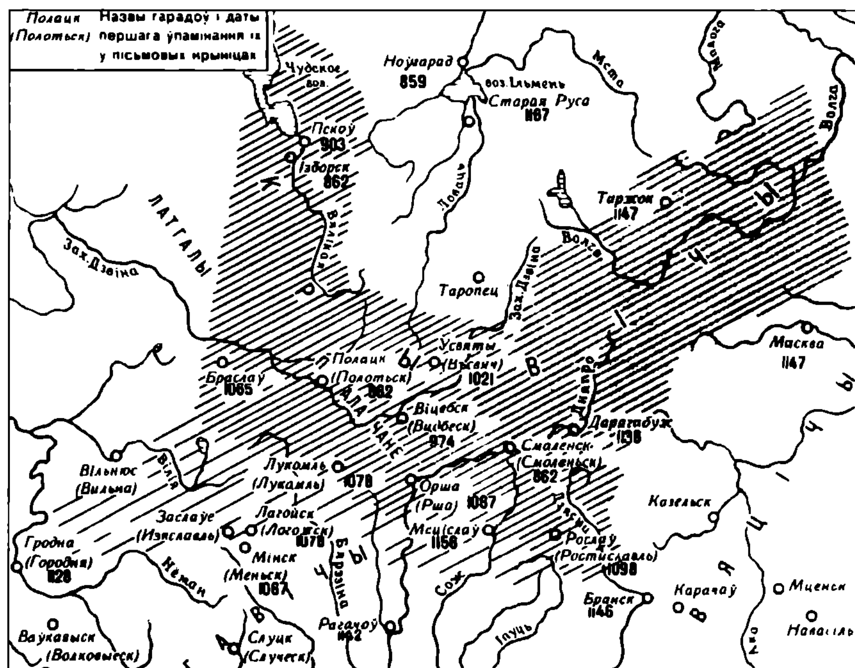
Земли смоленских кривичей доходили только до верхнего течения Волги, вероятно, не ниже Зубцова.

Поэтому более важное для них значение имели Волжские притоки, чем она сама. Из более важных притоков ее, омывающих землю смоленских Кривичей, заметим: Вазуза берет начало в болотах Вяземского уезда, у деревни Митрюховой; длина ее течения 140 верст /149,3 км. — *Ред.*/; берега верхнего течения высоки и круты; из притоков замечательны Касня и Гжать, из левых — Осуга.

Далее из рек Окского бассейна замечательны: Москва с притоком Протвой, на верховьях которой проходила граница смоленских кривичей; более важна Угра, берущая начало в Ельнинском уезде близ деревни Угрицы; длина ее течения 400 верст (426,7 км); берега Угры крутые, местами обрывистые; из притоков важна Воря.

---

* Аршин — 0,7112 м; верста — 1,0668 км. — *Ред.*

Ареал расселения кривичей

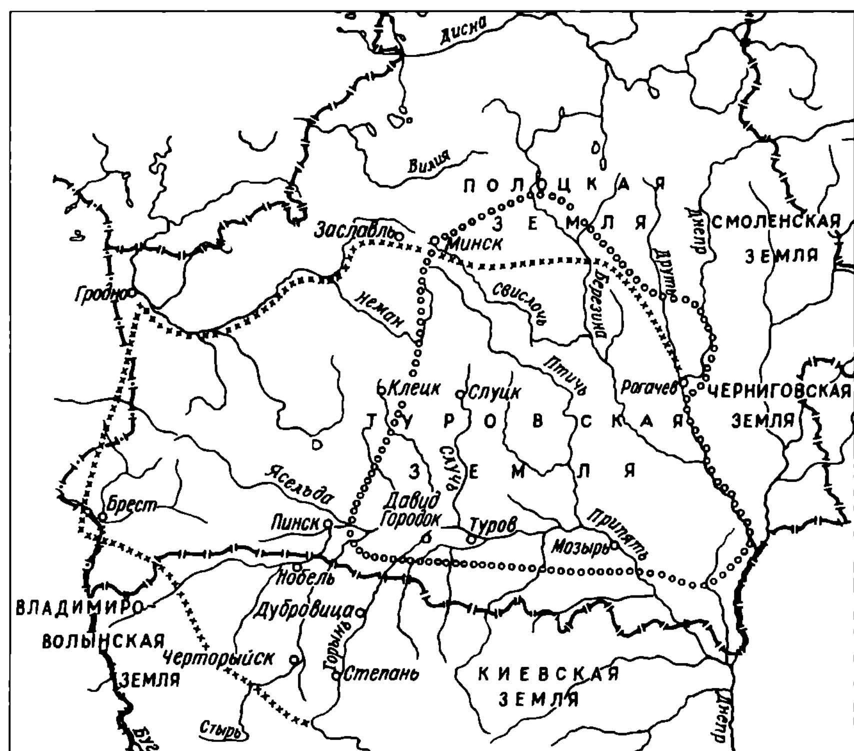
В 13 верстах от истоков Волги берет начало другая важная река — Западная Двина; она начинается из небольшого озера Двинца посреди болот и идет на высоте более чем 800 футов. Сначала она течет небольшим ручейком по оврагу, поросшему кустарником, но на 15-й версте выходит в большое (13 верст в длину) озеро Охват Жаденье, откуда вытекает уже довольно широкою рекою — в 8 саженей (17 м. — *Ред.*).

Дно Западной Двины местами каменистое, хрящеватое, попадается много порогов и отмелей, что делает ее не совсем удобною для судоходства. Берега ее большею частью песчаны и каменисты; они в Витебской губернии высоки и обрывисты; вообще левый берег более возвышен, чем правый. Длина течения Двины более 900 верст (свыше 960 км. — *Ред.*).

Из правых притоков более замечательны: Торопа, Усвят, вытекающая из озера того же имени, Полота; последняя берет начало из озер Ведето, Колпино, Туричино и Неключь; дно ее ямистое, течение тихое, извилистое; и, наконец, Дрисса. С левой стороны Двина принимает: Межу с Общей, Касплю, Уллу, Дисну и другие.

Земля дреговичей омывается верхним Неманом и его притоками: Щарой, Вилией, Уссой и другими, и Западным Бугом. Неман берет свое начало в лесистой местности Игуменского уезда Минской губернии (ныне Червенский район. — *Ред.*), недалеко от деревни Догиничи. Длина течения Немана простирается до 810 верст (864 км). Первоначально Неман течет небольшою речкою в 18– 25 сажень ширины (38,4–53,3 м) у Нового Сверженя. Дно его вообще песчаное; верхний Неман течет по широкой луговой долине, пересекающей холмистую возвышенность; в Лидском уезде ниже местечка Белицы правый берег Немана крут и возвышен. Из притоков наиболее важны: Усса, Лоша, Сервеч, Свислочь, Вилия и Щара; последние две имеют особенно важное значение, как естественная колонизационная дорога в земли литовских племен.

Вилия берет начало в Борисовском уезде Минской губернии, протекает до впадения в Неман при городе Ковно — 420 верст (448 км. — *Ред.*). Дно верхнего течения этой реки иловатое, берега плос-

Ареал расселения дреговичей

кие и лесистые; в Виленской губернии они круты и возвышены. Другой, не менее важный приток Немана, Щара, берет начало в Новогрудском уезде Минской губернии, недалеко от местечка Столович; сначала она течет по луговой долине, но с 62-й версты в низменных, болотистых, большею частью торфяных берегах.

Другая важная река, орошающая часть земли дреговичей — древнюю Берестейскую землю — Западный Буг. Он берет начало в Карпатах и течет на протяжении 686 верст (732 км), впадает с правой стороны в Вислу. Из притоков его важнейшие: Мухавец, Нарев и Нурец.

Система верхнего Днепра и главного его притока Припяти покрывает всю среднюю Белоруссию и имеет то преимущественное значение, что она соединяет внутренние части этой страны с окраинными реками: Волжской системой, Двиной, Неманом и Бугом.

Днепр начинается в Смоленской губернии, в Бельском уезде, из небольшого озера Мшара, лежащего в болотах Волковского леса. Длина его течения до впадения в Черное море доходит до 1700 верст (1814 км); общее направление течения — с севера на юг. Берега Днепра чрезвычайно разнообразны, но вообще правый берег возвышен, господствует над левым; почти все города построены на правом возвышенном берегу, так как левые берега его большею частью подвержены сильным весенним разливам, препятствующим правильному сообщению.

Верхний Днепр до Дорогобужа не судоходен; он течет в отлогих низменных берегах, шириною от 3 до 6 аршин (2,13–4,26 м). Более возвышены берега после впадения с правой стороны небольшой речки Жерди, дно становится местами песчаное, местами каменистое. У впадения Вязьмы ширина Днепра доходит до 25 (53 м) и более саженей; берега на этом пространстве высоки, часто круты, пересекаются оврагами и лощинами. От Дорогобужа Днепр течет по открытой долине в 3 версты шириною (3,2 км), суживающейся у деревни Шевелевой до полуторы версты (1,6 км). После впадения реки Вопи берега Днепра представляют низменную болотистую долину, покрытую лугами и сеножатями.

Ниже Смоленска правый берег становится господствующим над левым, за исключением болотистых низменных устьев Припяти и Тетерева. Из левых, омывающих Белоруссию, притоков Днепра наиболее важные: Вязьма, Осьма, Сож и Десна. Из них Сож берет начало в болотах южной части Смоленского уезда. Длина его до впадения в Днепр 500 верст; не менее важны были его притоки: Проня, Беседь, Ипуть и другие.

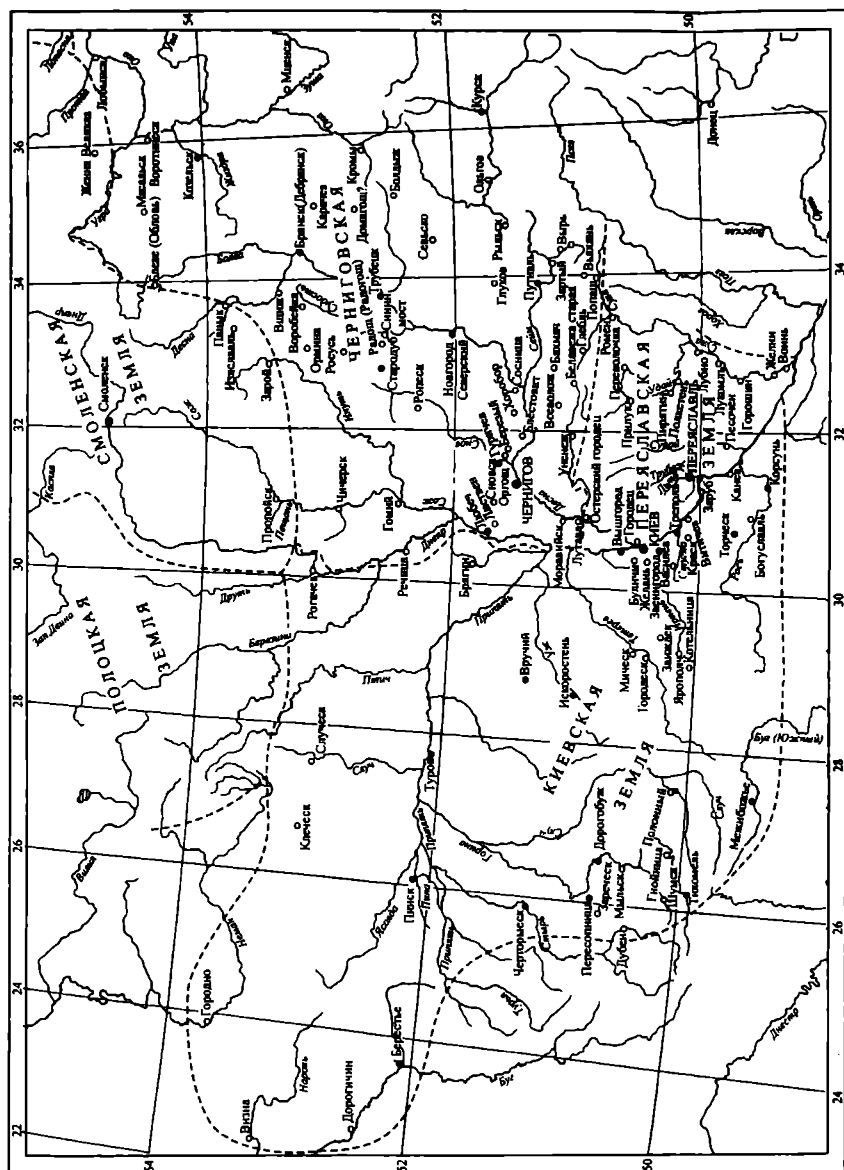
Другой важный левый приток Днепра — Десна принадлежит Белорусскому краю только своими верховьями и соединяет восточные части ее со средним течением Днепра. Десна начинается в Ельнинском уезде Смоленской губернии, недалеко от города Ельни, вблизи села Ярославля; общая длина ее течения 700 верст, но в Смоленской губернии она проходит только 100 верст: из притоков важнейший — Болва.

Правые притоки Днепра имели огромное значение для дреговичей; на них стоят важнейшие в древности города, по ним шло сообщение с литвой, ятвягами и поляками. Из притоков замечательны: Вопь, Оршица, Друть.

Последняя берет начало на границе Сенненского и Оршанского уездов на возвышенной части губернии; длина ее течения 250 верст. Она течет по неширокой долине (версты в полторы), покрытой болотами и озерами; нижнее ее течение при впадении в Днепр у Рогачева идет по широкой луговой долине. В настоящее время Друть только сплавная река, но в древности была судоходна; множество притоков ее высохло; остались только во многих местах ряды озер и болот, свидетельствующие о прежних речках.

Ареал расселения радимичей

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ
ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ
ЧЕРНИГОВСКАЯ
КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ
ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ ЗЕМЛЯ
Смоленск
ЧЕРНИГОВ
КИЕВ
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
Курск
Новгород Северский
Путивль
Глухов
Рыльск
Любеч
Вышгород
Белгород
Вручий
Искоростень
Туров
Пинск
Берестье
Городно
Случеск
Клеческ
Рогачев
Речица
Торческ
Корсунь
Канев
Дорогобуж
Чарторыйск
Дубен
Визна
Дорогичин

Земли Руси

Ниже Друти, на границе Минской и Могилёвской губерний, впадает в Днепр Березина. Она берет начало на плоской возвышенности недалеко от местечка Докшицы Борисовского уезда, и проходит до устья около 500 верст; на своем пути она протекает через озера Мядель и Пялик. Течение Березины образует узкую долину, чрезвычайно болотистую и низменную; отлогие берега ее покрыты лесами.

Еще ниже Березины вливается в Днепр Припять, омывающая нижнюю часть Западной Белоруссии. Она берет начало в Волынской губернии из озер и болота около села Гуполы и образует до 15 ручейков, сливающихся вместе. Собственное свое название Припять носит только после слияния с рекой Яцольдою у Пинска. До этого места она состоит из множества притоков, текущих под различными названиями; они соединяются в озере Любядзь Пинского уезда. От этого озера Припять снова течет, разделившись на несколько рукавов, из которых главный носит название Парока, и собирает свои воды в озере Набель; в промежутке между озерами Любядзью и Набелем в Припять впадает Стоход; за озером Набелем она снова разделяется на несколько рукавов, из которых главный называется Струменем, а другой — Припятью, и течет до слияния с Яцольдой, на протяжении 80 верст, приняв на этом пути Веселуху и Пину и соединившись посредством одного из рукавов со Стырью.

После слияния с Яцольдою Припять уже известна под этим именем до своего впадения в Днепр; длина течения ее доходит до 740 верст. Дно ее в верхнем течении иловатое, далее песчаное, а местами каменистое; берега низменны и болотисты, только кое-где они возвышаются; так, например у города Мозыря левый берег значительно возвышается; правый более возвышается у деревни Загоряны Мозырского уезда.

Из верхних притоков Припяти особенно важны Пина и Яцольда; последня начинается в Волковыском уезде Гродненской губернии недалеко от местечка Новый Двор в обширных, покрытых лесом болотах. Яцольда течет в низменной болотистой долине, проходит через большое озеро Споровское.

В своем дальнейшем течении Припять принимает несколько весьма важных притоков, из которых укажем на правые: Стырь со Стублой, Горынь, Ствига, Плотница и Славечно; из левых: Бобрик, Цна, Лань, Случь, Птичь и другие.

Глава 2
Пути сообщения

Естественно, что при таком обилии вод и их расположении в области, занятой кривичами и дреговичами, проходили важнейшие водные пути в древности. Через земли кривичей соединялся юг с торговым Новгородом, и через нее же проходили наиболее удобные пути на восток, в земли инородцев.

Из озерной области в Подвинье существовало несколько путей. Один из них шел на Еменец, полоцкий город, и Великие Луки, новгородский город. Можно следующим образом определить Еменецкий путь. Из Двины он шел по реке Оболи, которая соединяется с озером Озерищем, откуда теперь небольшой волок к озеру Еменец; из него в озеро Невель, из которого рекой Яменкой соединялся с Ловатью. В этих местах сохранилось предание, что воды Невельского озера когда-то сливались с Оболью. Если это так (что вполне правдоподобно), то в озерную область шел непосредственный путь из Двины, без волоков.

Кроме того, по всему этому пути разбросаны признаки древних поселений, в виде курганов, городищ и укреплений. Курганы Городокского уезда, по сообщению Сементовского, расположены по направленно древних путей сообщения города Невеля с Витебском и Двиною — вдоль нынешнего Санкт-Петербургского шоссе, начинаясь почти от самого города и кончая северной частью уезда, и по течению Оболи*. Замечательно, что именно у озер Еменца, Невеля, Озерища и других на том же пути находим наибольшее число древних сооружений. О них Сементовский говорит:

> «Но самое большее число курганов и притом громадной величины, скопленных более или менее значительными группами, находится в северо-восточном углу Городокского уезда, именно в той части его, которая расположена над рекой Ловатью, между Суражским и Невельским уездами, на землях казенного имения Стаек и части Горковского общества»**.

* Сементовский-Курило Александр Максимович (1821–1893), белорусский этнограф, археолог и краевед. В 1860–90 гг. секретарь Витебского губернского статистического комитета. Редактировал «Витебские губернские новости», а также «Памятную книжку Витебской губернии». — *Ред.*

** Сементовский А.М Памятники старины Витебской губернии, раздел 8.

Кроме того, мы на этом пути находим у озера Озерища при селе Дубинине городище. При этом же озере, на землях Свиридовского сельского общества, находится замечательное городище с остатками укреплений, рва и мостов; народная память сохранила о нем предание как о недоступном месте.

Еменецким путем ходил на Полоцк в 1185 году князь Давид Ростиславич с новгородцами и смольнянами.

Другой путь из Подвинья в озерную область лежал на Торопец. Из Двины он шел рекою Торопою до озера Торопецкого; оттуда небольшим волоком в реку Сережу, впадающую в Ловать; этим путем шел в 1168 году Ростислав Мстиславич на свидание с сыном своим (Святославом. — *Ред.*) в Новгород*.

Третий путь шел на реку Судомир. Летопись так его определяет: Брячислав Изяславич ограбил Новгород и «поиде Полотьску опять; и пришедшю ему к Судомири реце» — был здесь побежден настигнувшим его Ярославом (см. Ипатьевскую летопись. — *Ред.*). Река Судома (приток Шелони) берет начало на границе Порховского и Псковского уездов и впадает в Шелонь у села Княжьи Горы.

Четвертый путь из Подвинья в озерную область лежал, по определению профессора Барсова, из Ловати в приток ее Кунью к озеру Жижицкому (или Жезцо-Живец), где находился богатый смоленский город Жижци, оттуда к озеру Двинье, из которого вытекает река Двинка, впадающая в Двину**.

Из Полоцка существовал, по-видимому, прямой путь в Новгород, что вполне соответствует обширным торговым сношениям этих городов.

Этим путем бежал из Новгорода Святослав (умер в 1164 г. — *Ред.*), брат великого Киевского князя Всеволода Ольговича. Этот князь боялся проходить через смоленские земли враждебного ему Ростислава Мстиславича и избрал более дальний путь через Полоцк. На этот же путь мы имеем еще указание в летописи под 1128 годом. Во время известного похода Мстислава на полоцких князей, новгородцы тоже отправились на них и дошли до Неклоча. В настоящее время есть озеро Неклочь, из которого берет начало река Полота.

---

* Ростислав Мстиславич — князь Смоленский в 1125–1159 гг., великий князь Киевский в 1154, 1159–1167 гг. — *Ред.*

** Барсов Николай Павлович (1839–1889) — профессор Варшавского университета, автор крупных работ по исторической географии. Довнар-Запольский ссылается в основном на 2-е издание (1885 г.) книги Барсова «Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи». — *Ред.*

Следовательно, новгородцы направились к Полоцку, но остановились на пути вследствие прекращения военных действий.

Таким образом, из Подвинья в озерную область шло пять путей. Покойный профессор Барсов указывает еще путь на Лучин, но, как увидим ниже, смоленский Лучин никак нельзя приурочить к озеру Лучин в Псковской губернии, а потому и существование пути на это озеро следуете отрицать.

Обратимся теперь к путям, соединявшим Подвинье с Поднепровьем.

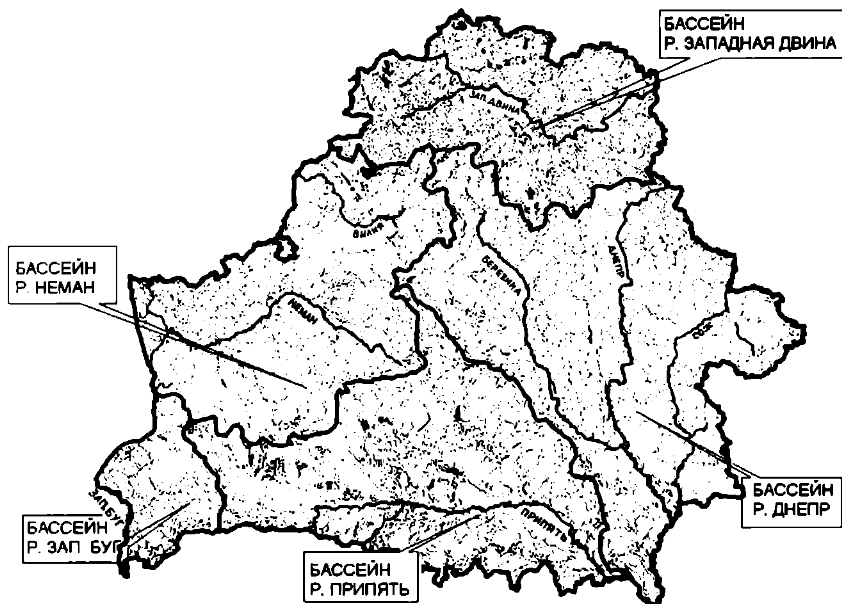
Днепр отделяется от Двины всего небольшим волоком в 30 верст от Смоленска к озеру Каспле и реке того же имени, впадающей в Двину. К сожалению, источники не дают точных указаний на пути из Поднепровья в Подвинье. Есть один только намек, принимаемый, впрочем, Барсовым за несомненное свидетельство о пути. Это путь через реку Касплю, правда, самый естественный. Он шел из Двины по реке Каспле и из Каспли соединялся с Днепром волоком.

Днепр, на своем пути из среднего течения к верхнему, т. е. приблизительно немного выше впадения Припяти далее к Смоленску, делает слишком значительный изгиб, который при проезде, особенно против течения, требовал много лишнего времени и траты сил. Ввиду этого из Киева в Смоленск существовал более прямой путь. Он шел по Сожу, верховья которого находятся невдалеке от Смоленска. Этот путь, быть может, более мелководный в верхнем течении Сожа, давал однако возможность обойти изгиб Днепра. Этим путем шел в 1168 году Ростислав из Киева в Новгород через Смоленск; он проезжал через город Чичерск. На обратном пути он, возвращаясь в исходе зимы, когда мог опасаться разлива рек (в марте), также держался этого прямого пути и умер в Зарубе, недалеко от Сожа.

Известие об этом пути нужно принять с некоторою оговоркою. Летопись говорит, что Ростислав пошел «на зиму», что может означать, что он шел зимою, а может быть еще осенью. Но на существование этого пути, кроме его естественного положения, указывает еще то, что город Прупой (на Соже при впадении Прони) был пограничным и, очевидно, таможенным городом: в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича здесь отмечена корчемная дань, т. е. дань с корчем, устроенным для проезжающих.

Для обхода того же изгиба Днепра с западной его стороны существовал прямой путь из среднего Подвинья в среднее Поднепровье. Этот путь проходил таким образом: из Двины он шел по реке Улле, впадающей в Двину у местечка Улла, между Витебском и Полоцком.

Уллою путь шел до Лепельского озера, из которого берет она начало и в которое впадает река Эсса. Среднее течение Эссы соединяется с озером Плавье, из которого берет начало приток Березины Сергут, небольшим волоком, по которому теперь проходит Березинский канал. Впрочем, немного севернее канала есть, посредине означенного волока, озеро у деревни Оконо, соединяющееся с Эссою небольшою реченкою, так что волок является совершенно незначительным, версты в три.

Основные реки Беларуси

На этот путь мы находим указание в летописях при описании бегства Святослава Ольговича из Новгорода в 1141 году. Святослав, опасаясь враждебного Смоленского князя Ростислава Мстиславича, направил бегство свое через Полоцк, а с полоцкими князьями в то время брат его Всеволод и все Ольговичи находились в дружественных отношениях*. Вместе со Святославом бежал и посадник новгородский Якун и его брат Прокопий. Новгородцы погнались за ним «и яша Якуна на Плиси». Плиса находится в Минской губернии и

* Обе начинавшие враждовать княжеские линии старались привлечь на свою сторону полоцких князей. Всеволод начал свои сношения раньше и скрепил дружбу браком. — *Авт.*

впадает в Березину через Бобр, ниже Борисова. Очевидно, Якун, вместе с князем, из Полоцка направились по Березине, естественному прямому пути в среднее Поднепровье по полоцким владениям. Но избегая погони, Якун с братом свернул во время пути с Березины на Бобр и Плису, желая спрятаться в глухих местах. Здесь-то и был он схвачен новгородцами.

Соединение путей из Поднепровья в Подвинье и оттуда в озерную область и Балтийское море было известно в древности под названием пути «из Варяг в Греки». Вот как определяет его летописец:

> «И бе путь из Варяг в Грекы: и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и втечеть в озеро великое Нево и того озера внидет устье в море Варяское».

Среднюю часть пути — из Днепра до Ловати летописец представлял себе неясно, полагая, что эти реки соединяются только волоком, на что обратил уже внимание профессор Барсов.

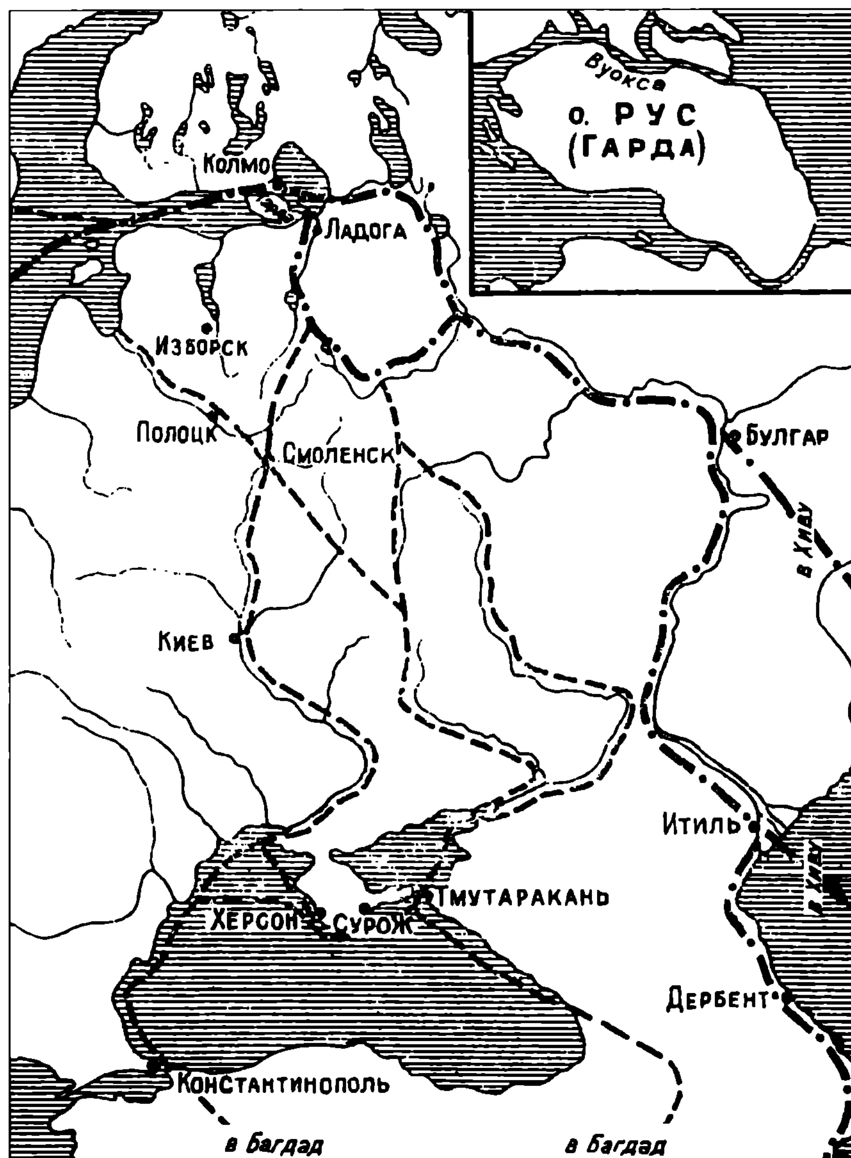
Значение как этого водного пути, так и вообще важность русских путей сообщения сознавалась еще в глубокой древности. Летописец хорошо знал, с какими странами соединяют Русь водные пути. Он говорит, что путь доходит до моря Варяжского:

> «По тому морю внити даже и до Рима, а от Рима прити по тому же морю к Царюграду, и от Царяграда прити в Понт море, в неже втечеть Днепр река. Днепр бо течеть из Воковьского льса, и потечеть на полудни, а Двина из того же леса потечеть, и идеть на полуночье и внидеть в море Варяское; ис того же леса потечеть Волга на всток и втечеть седьмьюдесят жерел в море Хвалийское. Темь же из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы, и на всток дойти в жеребий Симов; а по Двине в Варягы, а из Варяг и до Рима, от Рима же и до племени Хамова» (Ипатьевская летопись).

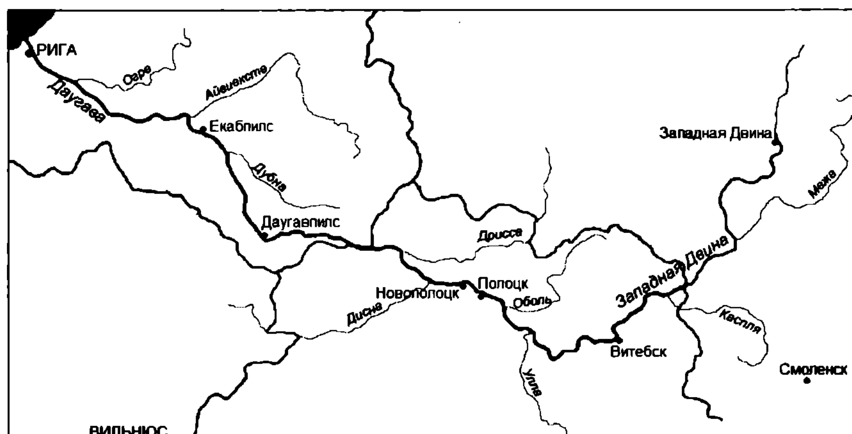
Из приведенного летописного очерка вполне явствует, что в древности хорошо знали не только страну, пролегающую по пути на русской территории, но хорошо знали и отдаленные страны запада и востока, с которыми соединялась Русь этими путями.

Двина и Днепр своими притоками сближаются с Волгой. Можно указать целый ряд рек в Смоленской области, сближающих центральную часть ее — Поднепровье — с Поволжьем. Так, приток Двины Межа через свой приток Обшу сближается небольшим волоком с Лусой, притоком Осуги, а эта последняя впадает в Вазузу, приток Волги. Или же можно указать на Лучесу, приток Межи, разделяющуюся небольшим волоком от Осуги.

Наконец, приток Днепра Осма близко подходит к Угре, притоку Оки. Вообще, соединения центра Смоленской земли с Волгою могли быть чрезвычайно многочисленны.

Пути «из Варяг в Греки» и в Персию

Бассейн Западной Двины

Двина могла соединяться с Волгою через озеро Жаденье, которое отделяется небольшим волоком от Волжского озера Пено.

Из Поднепровья ездили в земли Ростовскую на Смоленск, через который ходил Владимир Мономах, и через землю Вятичей; послед-

Бассейн Нёмана

ний путь соединял собственно Киев с Поволжьем. На этом пути находился город Оболвь, переходивший то к смоленским князьям, то к черниговским; в этом городе бралась гостинная дань с проезжавших купцов (Грамота Ростислава Мстиславича). Путь проходил по Десне, ее притоку Болве, которая сближается с Угрою, притоком Оки.

Поднепровье соединялось с Западным Бугом большим и удобным путем, который шел по притоку Днепра Припяти. О нем мы имеем несколько указаний в источниках. Так, в 1188 году Роман отправил свою жену из Галича в Вручий на Пинск*. Стрыйковский говорит, что Ярослав по смерти Мечислава ходил в Польшу, причем часть войск послал лодками до Подляшья.

Вообще, многочисленные походы первых князей в Ляшскую землю и на ятвягов несомненно совершались этим водным путем.

* Имеется в виду Роман Мстиславич (умер в 1205) — сын великого Киевского князя Мстислава Изяславича и дочери польского короля Болеслава Кривоустого. Он был князем Новгородским (1168–1169), Владимиро-Волынским (1170–1205), а также князем Галицким (1199–1205). — *Ред.*

Глава 3

Территория и города Смоленского княжества до начала XIII столетия

Мы определили общую этнографическую границу земель кривичей и дреговичей; теперь обратимся к более точному определению политических границ княжеств, образованных названными племенами.

Дреговичи составили особое княжество уже при Владимире Святом (великий князь Киевский в 980–1015 гг. — *Ред.*), с главным городом Туровом; ими же была населена на западе Берестейская земля в области среднего течения Западного Буга. Полоцкие кривичи выделились еще раньше этого времени; за ними образовали отдельное княжество, после смерти Ярослава Владимировича Мудрого (умер в 1054 г. — *Ред.*), и смоленские кривичи. Таким образом, образовались уже в раннюю эпоху три княжества: Смоленское, Полоцкое и Туровское.

«Начальная летопись» (написана Нестором около 1115 года. — *Ред.*), в своем географическом очерке, в кратких чертах определяет положение названных племен. О дреговичах она говорит, что они сидели между Припятью и Двиною; Кривичи сидели на верховьях Днепра, Двины и Волги, а часть их поселилась на реке Полоте.

Уже при беглом взгляде на эти летописные известия видна вся их неполнота и неопределенность. При изучении же последующих известий, с помощью других указаний летописи о городах, можно определить политические границы названных княжеств с большею точностью.

Приступая к определению политических границ, заметим, однако, что и летописных данных бывает не всегда достаточно для определения порубежных мест. В этом случае приходится пользоваться еще другими указаниями. Так, известно обстоятельство, что древнерусские князья строили пограничные укрепления, носившие названия: городок, городец, городище, городня, рубеж, зарубежье и т.п. При укреплениях селились пограничные жители, образовывали селения, города с теми же названиями.

Зная это обстоятельство, и внимательно следя по картам за теми местами, где можно полагать древнюю границу, мы действительно находим целый ряд селений с такими именами, которые должны привести нас к убеждению, что здесь действительно пролегала гра-

ница. Мало того, так как этнографические границы большею частью совпадали с политическими, то мы всегда находим на порубежных местах селения с названиями, напоминающими то или другое племя. Этими названиями народ, очевидно, старался обозначить принадлежность жителей к тому или другому племени. Таким образом, мы встретимся с названиями, напоминающими кривичей: Кривск, Кривичи, Кривено и т.п.; Радимичей: Радимич, Радуля и др.; дреговичей: Дорогичин и т. п. Принимая во внимание вышеуказанное, можно таким образом провести границы смоленских кривичей.

Но иногда можно подобрать несколько подобнозвучащих географических имен или даже вполне сходных, между тем как известие источника не указывает приблизительного положения данной местности. Тогда, думаем мы, следует скорее придерживаться названий рек и озер, так как они древнее, в общем, названий населенных мест и самые имена их более устойчиво держатся в среде народа. При этом общеизвестен факт, что русские славяне часто называли населенные города именем реки. Этого основания мы и будем придерживаться в последующих очерках.

На востоке границы Смоленской области доходили до верховьев Волги у города Вержавска (ныне Ржев Тверской губернии), откуда переходили на верховья Протвы, Москвы-реки, на притоке которой Искани находился город того же имени. Затем направлялись к югу, приблизительно по реке Воре, которая впадает в Юхновском уезде в реку Угру, по которой тянулась граница до ее верховьев, находившихся в Смоленской области. Угра своими верховьями подходит к речкам Дегне и Больве, или Оболве, на которой мы в половине XII века видим смоленский город Оболв, который, следовательно, был крайним пунктом на юго-востоке.

Отсюда граница переходила по реке Десне, до впадения ее в Снопоть, и по Снопоти до Десны; далее по Десне, может быть, до впадения в последнюю речки Габни в Орловской губернии, недалеко от границ Смоленской губернии. На этой границе мы встречаем города Пацын, ныне село Рославского уезда, Рогнедино на границе того же уезда и Рославль. Далее рубеж шел по водоразделу рек Десны и Вороницы, южнее Рославля, откуда граница поворачивала на югозапад к Сожу.

Обращаясь к данным современной географической номенклатуры, мы видим на этой границе: Погорелое Городище в Тверской губернии к востоку от Зубцова, Буйгородок на Гжати в Смоленской губернии и несколько других. Далее в области Угры: село Рубихино,

на границе с Московской губернией к северу от Юхнова; Городище на Угре, в особенности — Зарубежье, между Вязьмой и Дорогобужем, недалеко от границ последнего; Городечно, у верховьев Болвы в Калужской губернии, Городок на верхней Угре, в южном углу Дорогобужского уезда; Радули, напоминающее соседних радимичей, село Рославльского уезда; к югу от Пацыня — Городец, станция на железной дороге из Брянска в Рославль.

Южная граница Смоленского княжения, начинаясь в южной части Рославльского уезда, захватывала и среднюю часть Климовичского уезда Могилёвской губернии, где мы видим смоленский город Зарой и село Дедин на Остре, в котором можно видеть древние Дедогостичи. Выше на Соже — Кречют (Кричев). Далее смоленские владения захватывали все верхнее течение Сожа, пересекая его между Чичерском и Пропойском у устья речки Добрыча, на которой, по всей вероятности, находился Доброчков, упоминаемый в уставной грамоте Ростислава. На этой границе мы видим Пропойск Рогачевского уезда на Соже (древний Прупой) и к югу от него Чичерск, при впадении Чичеры в Сож, радимичский город, принадлежавший Черниговскому княжеству. По реке Добрыч южный смоленский рубеж направлялся к Днепру, к которому примыкал у Лучина, ниже Рогачёва. Немного выше здесь же находилось смоленское село Веть, между Ново-Быховом и Рогачевым, а южнее его город Лучин.

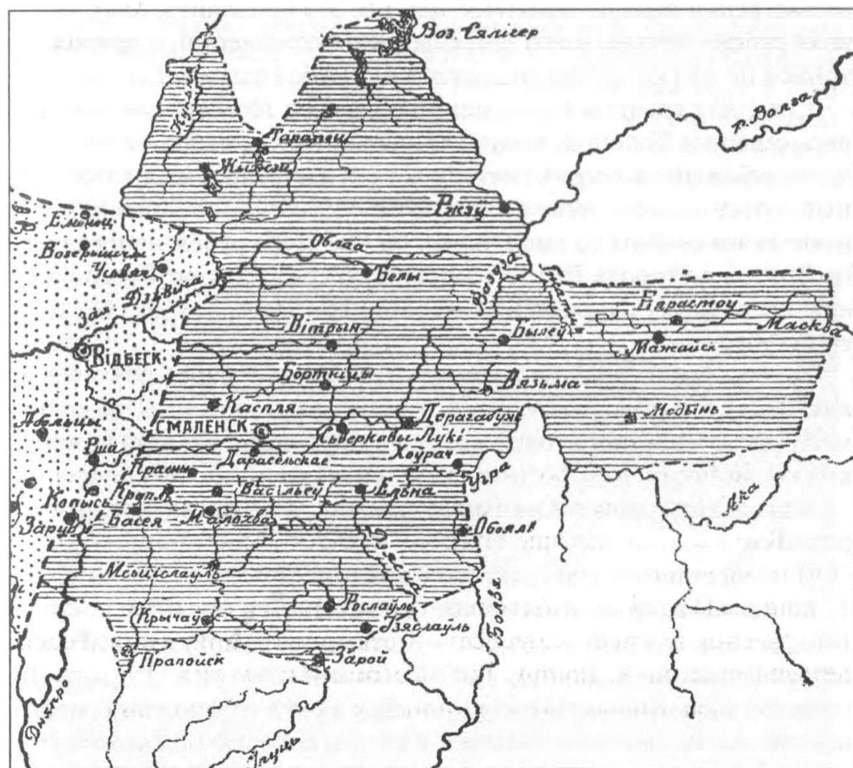
Обращаясь затем к данным современной географической номенклатуры, мы видим на этой границе Городец Климовичского уезда к юго-западу от местечка Шумяч, прямо к югу от Журавич на притоке Добрыча; к западу от него, у верховья Добрыча — Кривск, к югу от последнего Городок, затем Городец к юго-востоку от Рогачева и некоторые другие.

Из соседних порубежных черниговских городов на этой границе укажем: Лобиниц на Протве и Неринск, Воротницы при впадении Жиздры в Утру, Мосальск (ныне уездный город Калужской губернии), Вщиж на Десне выше Брянска, недалеко от него Воробейна и Ормина на Ипути и, наконец, Чичерск на Соже.

Западная граница Смоленского княжества шла от Вети вверх по Днепру, хотя неизвестно, во всех ли местах эта граница примыкала непосредственно к Днепру. Так на этом пути мы видим киевский город Рогачёв. Копыс и Орша принадлежали Смоленской волости только с 1116 года, когда были заняты Владимиром Мономахом у князей Полоцких. Поселения смолян, может быть, переходили уже в этом месте за Днепр: сам Днепр представляет в этих местах пре-

пятствие для нападения и притом на этой границе у смолян меньше всего было столкновений с соседями. Кроме названных городов здесь же находились: Добрятин (село Добрейки ниже Копыса) и Басеи при реке того же имени. Поэтому здесь мы замечаем только Городецкое на Проне, Городец на границе со Смоленскою губернией. От Орши, и немного выше, порубежье Смоленское переходило за Днепр и в восточной части Оршанского уезда переходило в Поречский уезд Смоленской губернии к реке Хотенке на границе Могилёвской и Смоленской губерний, впадающей в Касплю; на этой реке предполагают Хотьшин.

Далее по реке Рубежнице, которая протекает на границе Витебской и Могилевской губерний, рубеж доходил до границ Смоленской губернии, где она впадает в Паленицу, приток Каспли. На Каспле был город Каспли (селение Каспля недалеко от озера того же имени). Кроме города Каспли на этом порубежье мы заметим

Смоленское княжество в XII веке

Жидичи, древний Жидчичи. От Каспли границы направлялись к Двине приблизительно против Усвята Суражского уезда и, может быть, перерезывали Двину южнее озера Двинья, от которого граница пролегала по водоразделу между реками Куньей, притоком Ловати, и Торопой, притоком Двины, оканчиваясь севернее Торопца Псковской губернии, откуда рубеж поворачивал на восток. На этой границе мы видим древние Жижци при озере Жижецком Торопецкого уезда.

Обратившись к данным современной географической номенклатуры, мы встречаем: севернее, на самой границе, Рубеж, наконец, Городец к северу от Усвята.

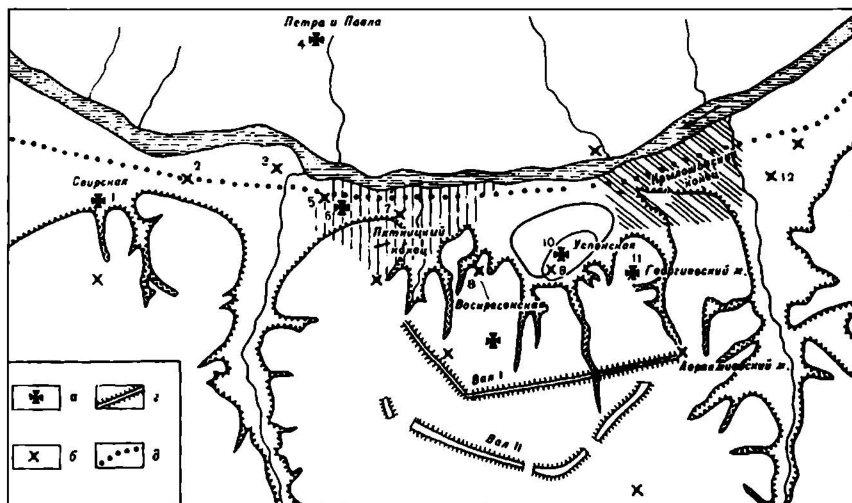
Что касается северной границы Смоленского княжества, то определение ее затрудняется вследствие отсутствия летописных данных. Смоленские кривичи на севере граничили с весьма родственным племенем новгородских славян и притом торговые интересы соседних областей были настолько общи, что между ними весьма редки бывали столкновения. Все это приводит к тому, что на этом рубеже меньше всего заметны следы укреплений, и притом летописи не имеют случая упоминать о порубежных местах.

Северная граница Смоленской области с Новгородом начиналась севернее Торопца, принадлежавшого к Смоленской области; далее рубеж шел к озеру Селигеру, хотя неизвестно, был ли этот важный пункт водного пути во владении одних новгородцев или они владели им сообща со смолянами. От Селигера рубеж направлялся на Волхов до города Ржева Тверской губернии, от которого он по юго-восточному направлению переходил в Гжатский уезд Смоленской губернии.

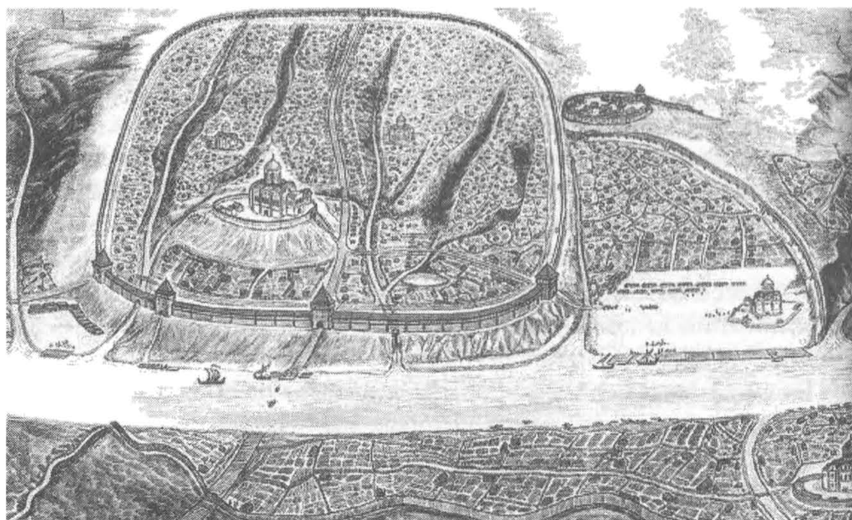
Таковы были границы великого княжества Смоленского в первую эпоху его самостоятельной жизни, как отдельного независимого удела, что относится собственно к половине XII века во время княжения Ростислава Мстиславича, внука великого Мономаха.

Определив границу Смоленской земли, обратимся теперь к городам ее.

Для восстановления границы Смоленского княжества в период до конца XII века мы имеем немного указаний в летописи и, кроме того, весьма важный документ — Уставную грамоту князя Ростислава Мстиславича, данную им Смоленской епархии в 1157 году. Летопись и названная грамота упоминают почти о 60 городах, местоположение которых (по крайней мере тех, которые можно найти на современных картах) с достаточною ясностью дают возможность определить границы княжества.

Топография «княжеского» Смоленска (реконструкция Л. В. Алексеева) Церкви: 1 — Михаил Архангел, 2 — Безымянная на Б. Краснофлотской улице, 3 — Кирилловская, 4 — Петра и Павла, 5 — «Латинская Божница» (ротонда), 6 — Иоанна Богослова, 7 — Пятницы на Малом Торгу, 8 — на Воскресенской горе, 9 — бесстолпная капелла, 10 — собор Мономаха (1101 г.), 11 — «Терем», 12 — на Большой Рачевке, 13 — Авраамиев монастырь (9–11 — на детинце); а — домонгольские церкви сохранившиеся, б — домонгольские церкви, известные по раскопкам

Укрепления Смоленска в XII в. (Реконструкция Ю.Е. Каштанова)

Наиболее важным географическим документом является Ростиславова грамота. Она упоминает о 47 городах, из которых только немногие упоминаются в летописи. Прежде чем перейти к определению городов Смоленской земли, рассмотрим состав названной грамоты.

При определении городов на современных картах, названных в Ростиславовой грамоте, ученые обыкновенно подыскивают подобно звучащие названия теперешних селений на территории бывшего Смоленского княжества, если нет других, более определенных указаний. Но при этом нередко находится несколько одинаковых или подобнозвучащих названий. Какому из них отдать предпочтение? Какое именно было городом или селением во времена Ростислава?

Так, в грамоте упоминается Добрятино и Доброчково. На современных картах Смоленской и восточной части Могилёвской губернии можно указать много селений, название которых происходит от слова «добрый»: Доброе, село в Чаусском уезде Могилевской губернии; Добромысль Оршанского уезда той же губернии; Добрички Рогачёвского уезда, на которые указывает Барсов. Мы прибавим еще Добрейки на Днепре, между Копысом и Могилёвом, и т.д. Если прямо подбирать по карте местности, то всякая из них имеет равное право быть признанной за упомянутые селения в грамоте. Такое определение малоудовлетворительно. Важно было бы определить по крайней мере приблизительно местность, в которой следует искать названные города.

Нам кажется, что для такого определения некоторое основание дает сама Ростиславова грамота, если обратить внимание на порядок городов, в ней упоминаемых. Естественно предположить, что составлявший ее писец руководствовался каким либо началом при перечислении городов. Вряд ли он называл город, какой придет ему на память, без всякого порядка. Вернее всего, что порядок перечисления зависел от положения городов по пути собирания князем дани. Писец помнил, из какого города в какой князь отправляется обыкновенно за данью, имел под рукою соответствующие записи и по ним, по порядку, называл города.

В самом деле. Если мы обратим внимание на порядок тех из названных городов, положение которых мы несомненно можем указать на современной карте, то увидим, что города в грамоте упоминались в известной последовательности.

По составу своему грамота делится на три части (собственно три грамоты): в первой перечисляются города и количество полагаю-

щейся от них епископу дани, во второй (со слов «Се аз худый и грешный» и т. д.) утверждение князем грамоты, и в третьей (со слов. «А се погородие» и т. д. до конца) перечисление городов, с которых дается епископу «погородие и почестье»). В последней части названо 11 важнейших городов без всякого порядка.

В первой же части названо 37 местностей, за исключением сёл, отданных епископу в непосредственное владение (Дросенского, Ясенского и др.). Эти-то местности составитель грамоты, нам кажется, и назвал в известном порядке. Вот перечисленные города:

1. Вержавлени Великие.
2. Врочници.
3. Торопчи.
4. Жижци.
5. Каспли.
6. Хотшин.
7. Жабачев (Вотоовичи).
8. Шуйспеи.
9. Дешпяни.
10. Ветьская.
11. Былев.
12. Бортници.
13. Витрин.
14. Жидчичи.
15. Басеи.
16. Мирятичи.
17. Добрятино.
18. Доброчково.
19. Бобровници
20. Дедогостичи
21. Заруб
22. Женни-Великая
23. Пацинь
24. Солодовници
25. Путтин
26. Бениции
27. Дедичи
28. Копыс
29. Прупои
30. Кречют
31. Лучин
32. Оболвь
33. Искань
34. Суждаль-Залесский
35. Вержавск
36. Лодейници
37. Торопец

Уже самый поверхностный взгляд на порядок исчисления городов заставляет предположить в перечислении их некоторый порядок: составитель, начав с Вержавских погостов и Торопца, кончает городом Вержавским (около которого находились погосты) и Торопцом же. Мало того. Из последующего обозрения городов мы увидим, что 15 местностей грамоты определяются вполне точно. А именно: Вержавлени Великие, Торопчи, Жижци, Каспли, Ветьская, Басеи, Заруб, Пацинь, Копыс, Прупои, Кречют, Лучин, Оболвь, Искань, Суждаль Залесский. Если мы проследим по карте эти города, то увидим, что первые три составляют северную группу; Каспли, Ветская и Басеи — западную; Заруб, Пацинь, Прупои, Кречют и Лучин — южную; Искань и Суждаль Залесский — восточную группу. Все они по порядку следуют один за другим на карте.

Под общий порядок исчисления не подходит только Копыс: по его положению в грамоте он стоит в южной группе, тогда как географическое положение его дает ему место в западной. Этот факт можно объяснить случайностью, но остальные 14 местностей, конечно, не случайно стоят в известном порядке.

Определяя далее города грамоты, можно с большой вероятностью указать на положение еще следующих: Хотшина, Жабачева, Витрицы, Жидчичи, Доброчкова (а может быть, и Добрятина) и опять-таки эти города следуют тому же порядку.

Таким образом, указанное свойство порядка исчисления городов в грамоте дает нам возможность с большею достоверностью указывать на положение того или другого города; равным образом, если для одного и того же города грамоты можно подыскать несколько созвучных названий, то преимущество следует отдавать тому, которое соответствует месту в списке: положение местности, если не вполне, то по крайней мере приблизительно определится. Для нескольких же названий вовсе нельзя подыскать созвучных; в таком случае мы можем хотя приблизительно указать их положение*.

Теперь перейдем к определению положения городов, какие упоминались и в грамоте, и в летописях. Заметим, что некоторые ученые (Беляев) высказывали сомнение в том, что все поименованные в грамоте местности были городами. Но если признать города данной эпохи прежде всего укрепленными пунктами для военных и торговых целей, около которого селились купцы и земледельцы, к которому тянулись известные округа, то нужно будет признать местности грамоты городами, независимо от дани, ими платимой, как это уже и доказано профессором Самоквасовым**.

Вот его доказательства:

1) в перечислении поселений, долженствовавших платить дань в пользу епископа Смоленского, в первой уставной грамоте поименованы: Торопец, Копыс, Лучин, Мстиславль, Суздаль и Изяславль, но что эти поселения были города, в том убеждают нас свидетельства летописей и третья грамота Ростислава.

* Обращаем внимание историков права на то, что дань «полюдье», по грамоте, бралась с одних пограничных, более или менее окраинных городов, каковыми в большей или меньшей мере являются перечисленные города; между тем с внутренних (некоторых) городов бралось только «погородие», а некоторые внутренние города совсем не поименованы (Красный, Васильев, Смоленск). — *Авт.*

** Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1843–1911) — российский археолог и историк права, профессор Варшавского (1877–1894) и Московского (1894–1911) университетов. — *Ред.*

2) По количеству платимой дани, Торопец, Копыс, Лучин, Мстиславль, Суждаль и Изяславль не отличаются от других поселений.

3) Вержавск назван городом в самом акте: «у Вержавску у городе 3 гривны Святой Богородицы», а Вержавск, по количеству платимой им дани составлял меньший из перечисленных в грамоте пунктов поселения.

4) Семь из перечисленных в первой грамоте поселений упоминаются в третьей, где прямо названы городами. См.: «Древние города России», с. 87–88. — *Авт.*

Вержавлени великие, состоявшие из девяти погостов, в которых жили истужники* находились несомненно около города Вержавска, нынешнего Ржева, уездного города Тверской губернии на верхней Волге, так сказать в его округе.

Торопец — уездный город Псковской губернии при озере того же имени. Это один из древнейших городов; первые упоминания о нем встречаем в XII веке; через него в 1168 году проезжал Ростислав Мстиславич на свидание с сыном Святославом, княжившим тогда в Новгороде. Торопец упоминается в Патерике Печерском в жизнеописании преподобного Исаакия, бывшего родом из этого города.

Он находился на одной из ветвей великого водного пути, а потому уже в XII веке был одним из богатых городов: с него князю шло 400 гривен доходу, — по количеству которого он значительно выдавался из всех названных в грамоте городов. Здесь же находились богатые княжеские рыбные ловли (грамота Ростислава). Киево-Печерский затворник Исаакий называется богатым торопецким купцом. В самом начале XIII века Торопец уже выделяется в особый удел и с того времени приобретает особенную известность и значение. Город в древности был хорошо укреплен, так как он представляет крайний и важный пункт Смоленского княжества на севере; около него находится несколько городищ. В XVI столетии он был обнесен деревянными укреплениями.

Жижци — следует искать на берегах озера Жижецкого или Жюжицкого в Торопецком уезде. В летописи этот город упоминается под 1245 годом; под ним Александр Невский разбил литовцев, ограбивших Торопец. Судя по количеству дани (130 гривен), это был довольно значительный город. В нем же производились рыбные ловли («Жижци также от всех рыб, иже идет ко мне, десятина св. Богородицы и епископу»; Грамота Ростислава).

---

* Истужники — люди, не подлежавшие общей уплате податей, по объяснению профессора Владимирского-Буданова. — *Авт.*

Каспля — в настояще время есть в Поречском уезде Смоленской губернии озеро Каспля, из которого вытекает река того же имени, впадающая в Западную Двину. На берегу этой реки есть слобода Каспля. Это один из больших городов: с него князь получал 100 гривен дани; лежал он на торговом пути из Поднепровья в Подвинье.

Ветьская — на Днепре в Быховском уезде Могилёвской губернии между Новым Быховом и Рогачёвом есть селение Веть. Незначительное селение в древности (40 гривен дани).

Церковь Иоанна Богослова в Смоленске (1101 год; реконструкция)

Басеи — определяется рекою Басею, впадающею в Проню в Чаусском уезде Могилёвской губернии. В древности селение незначительное, всего 15 гривен дани.

Пацинь — в настоящее время село в юго-восточной части Рославльского уезда, к западу от Десны; небольшое поселение в древности.

Копыс — местечко Могилёвской губернии на Днепре, ниже Орши. В нем умер Лука, известный епископ Новгородский, на пути из Киева в Новгород в 1059 году. До начала XII ст. он, вместе с Ршей (Оршей), принадлежал Полоцку и, вероятно, был населен этими кривичами, но в 1116 году Мономах в борьбе с Глебом отнял его. Население этого города было небольшое, так как полюдья с него бралось всего 40 гривен. Но здесь был перевоз через Днепр, с которого князь получал 100 гривен. Как приднепровский город и пограничный, он имел таможню (бралась торговая дань и здесь были устроены постоялые дворы, бралась корчемная дань).

Прупой — ныне Пропойск, местечко Могилёвской губернии Быховского уезда на Соже, при впадении в него Прони. Также малонаселенный город (полюдья шло всего 10 гривен). Это первая смоленская станция на реке Соже у черниговских границ, на пути из среднего Поднепровья на Смоленск. Здесь были постоялые дворы княжества.

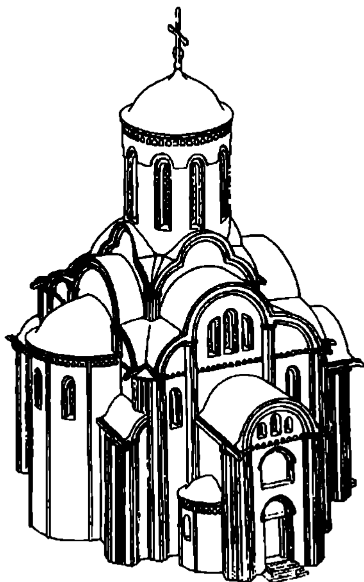
Кречют — ныне местечко Кричев Чериковского уезда той же губернии, незначительный город.

Лучин. Положение этого важного города исследователи определяют различно. Однако мы думаем, что положение этого города с наибольшею достоверностью можно отнести к теперешнему большому селу Лучину на Днепре, немного ниже Рогачёва.

Лучин составлял личное владение князя Рюрика Ростиславича, получен им от отца его. Когда Рюрик покинул Новгород в 1172 году и возвращался с семьею в свои южные владения, переданные на время брату Давыду, здесь родился у него сын Михаил Ростислав. В память этого события князь построил в Лучине церковь св. Михаила и сам город подарил новорожденному.

Имел Лучин какое-либо значение в торговле, как приднепровский город, находившийся на очень удобном месте, — трудно определить, потому что количество дани, шедшей с него князю, не прочтено издателями грамоты. Как с города пограничного и притом лежавшаго на водном пути, с него шло князю мыто, т.е. пошлины с товаров, проходивших через него, и «корчмити», т.е. дань с корчем, устроенным в нем, вероятно, для остановок проезжающих. Из этого ясно, что он служил торговою и таможенною станцией.

Оболвь — в настоящее время легко определяется притоком Десны рекою Болвою, в Масальском уезде Калужской губернии, верховья которой находятся у границы Смоленской губернии; у верховья Болвы есть в настоящее время селение Болва. Это был небольшой городок на пути из Черниговской земли в Вятичскую землю и в Ростовскую. С него князь не получал полюдья, а только гостинную дань, т.е. дань с проезжающих купцов, что дает нам некоторое право заключить, что Оболвь был лишь небольшим укреплением пограничным, в котором жили только дружинники и княжеские чиновники, в то же время он был таможенным городком. Оболвь и его окрестности находились в земле Вятичей и упоминание о нем как о смоленском городе находится только в Рости-

Церковь Михаила Архангела в Смоленске XII века (реконструкция)

славовой грамоте 1150 года. Другие же указания летописей, как более ранние (1147 г.), так и более поздние (1159 г.), упоминают о нем как о черниговском городе. Следовательно, он принадлежал Смоленску всего лишь лет 10.

Искань — определяется рекою Исканью в Можайском уезде, приток реки Москвы. Незначительное селение на восточной границе.

Суждаль Залесский во время составления грамоты не принадлежал Смоленску. Грамота говорит о нем: «Суждали Залеская дань аже воротить Гюрги, а что будеть в ней, из того святей Богородицы десятина»; это место служит указанием на то, что незадолго перед борьбой Ростислава с Юрием Смоленску принадлежали земли в самой Суздальской земле, быть может, смоленские колонии.

Вержавск — ныне город Ржев Тверской губернии на Волге. Судя по количеству дани (30 гривен) — незначительный город.

Хотшин — до некотрой степени определяется рекою Хотенкою на границе Поречского уезда Могилёвской области. Судя по количеству дани (120 гривен), один из больших городов.

Витрин — быть может, определяется рекою Вотрею, притоком Вопи в Духовщинском уезде. У верховья ее есть села Вотря и Вердина.

Жидчичи — теперь село в Поречском уезде — Жичицы.

Добрятино — быть может, ныне село Добрейка на Днепре, ниже Копыса Могилёвской губернии.

Доброчково — быть может, ныне определен рекой Добрычем, впадающей в Сож немного выше Чичерска.

Дедогостичи — быть может, ныне село Дедин Клиовичского уезда Моглиёвской области.

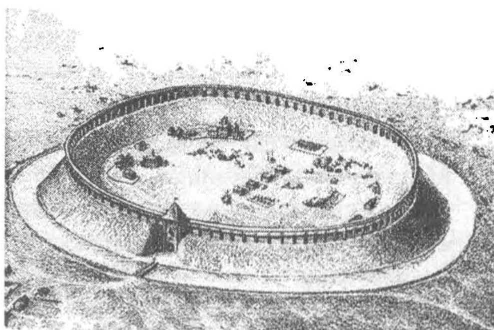
Заруб. — О нем мы имеем также указания и в летописи: Ростислав Мстиславич, проезжая из Новгорода после свидания с сыном Святославом, остановился в Зарубе, селе Рогнединой, прибавляет летопись, где и умер. Таким образом, он находился на пути из Смоленска. В Рославском уезде Смоленской губернии на Десне в настоящее время есть большое село Рогнедино, лежащее на пути из Смоленска в Киев.

Дросенское — определяется рекою Дресенкою Смоленского уезда, недалеко от города; на этой реке есть село Дресенка. Дросенское вместе с другим селом Ясенским (ныне, может быть, деревня Ясенская в Осташковском уезде), землею в Погоновичах Мойшинских, озерами и сеножатями Немикорскими, сеножатями на Свекровых Луках и озером Колодарским отданы были епископу во вла-

дение Ростиславом в 1150 году. Все эти названия трудно найти на современных картах. Кроме того, епископу же дан был Холм*.

Мстиславль — ныне уездный город Могилёвской губернии.

Ростиславль — ныне уездный город Смоленской губернии.

Мстиславль в XII веке (реконструкция)

Ельня — также ныне уездный город Смоленской губернии на Десне. В географическом описании начала XVII века («Книга Большого Чертежа») на этом месте значится Городище Ельня.

Дорогобуж — ныне уездный город Смоленской губернии.

Мы перечислили все города, упомянутые грамотой Ростислава, географическое положение которых в настоящее время может быть положительно указано, или, по крайней мере, с некоторою достоверностью.

Назовем города, не вошедшие в предыдущее перечисление по недостаточности указаний в современной географической номенклатуре:

Врочницы
Жабачев
Женни Великая
Вотоовичи
Шуйспеи

Все эти города были из числа весьма значительных. Так, первые три платили дани по 200 гривен, Вотоовичи –100 гривен, а последний — 80 гривен. К сожалению, положение их может быть указано только приблизительно, в связи с порядком перечисления городов грамоты. Именно: Врочници следует искать в Торопецком уезде, Жабачев, Вотоовичи и Шуйспеи — где либо в Приднепровье, между Касплей и Ветью, и Женни Великую — на юге Рославского уезда.

Кроме того, в последней грамоте упомянуты еще *Крупля* и *Изяславль*. Судя потому, что они стоят среди весьма значительных городов (Мстиславля, Ельны, Рославля и др.), с которых брали пого-

* В Смоленской губернии есть много селений с названием Холм, но к которому можно отнести Холм из грамоты — нельзя определить. — *Авт.*

родие и почестье, можно думать, что и эти города были более или менее значительны.

Из мелких городов упоминаются в грамоте следующие, местоположение которых определяется только относительно;

Дешпяны,

Былев,

Бортници

/они/ лежали где-нибудь около Вети в Приднепровье.

Мирятичи и Бобровници

/их/ нужно искать на южной границе, между Басей и Зарубом. К ним же по положению примыкают:

Солодовници,

Путтино,

Беници и

Дедичи.

И, наконец, *Лодейници* лежали где-либо в Ржевском уезде или Торопецком.

Мы перечислили все города Ростиславовой грамоты. Дополним это перечисление городов Смоленского княжества указанием тех городов, которые упоминаются в летописи. Их немного, так что не будь грамоты Ростислава, не было бы вовсе никакой возможности даже приблизительно определить границы княжества.

Васильев и Красный.

Оба города упоминаются в летописи как удельные города, выделенные Ростиславом Мстиславичем Роману в 1165 году. Первого из них определить в настоящее время трудно. Беляев указывает на село Василевку на границах Красненского уезда с Рославским, а Барсов на село Васильево в Дорогобужском уезде*. Оба определения не имеют за собою никаких доказательств.

Красный — ныне уездный город Смоленской губернии.

Рьша — в настоящее время Орша, на Днепре, уездный город Могилёвской губернии. До 1116 года она вместе с Копысом принадлежала Полоцку, но Мономах отнял ее. Здесь же был в 1068 году пленен Всеслав Полоцкий.

Зарой. — О нем летопись упоминает под 1156 годом по следующему случаю: Юрий Владимирович (Долгорукий) пошел на Смоленск. Ростислав вышел к нему навстречу к Зарою и тут они заключили мир. Следовательно, Зарой находился на южной границе

* Беляев Иван Дмитриевич (1810–1873) — историк, профессор Московского университета (1852–1873). — *Ред.*

княжества. В настоящее время есть село Зарой в Климовичском уезде, в 10 верстах от Климович, близ /реки/ Ипути.

Кроме того, упоминается еще одна местность: *Сковышин бор*, положение которого не определено; эту местность причисляют к Смоленскому княжеству, хотя можно сомневаться в этом. Сковышин бор в летопись попал по следующему поводу: Рюрик в 1180 году послал брата своего Давида Ростиславича из Вышгорода в Смоленск к брату их Роману: «И умрете и весть на Сковышину бору», — что Роман умер. Таким образом, летопись вовсе не указывает, на чьей территории Давид узнал о смерти брата.

Мы перечислили все города Смоленской земли. Остается сказать еще о главном городе земли — Смоленске.

Это был прекрасно отстроенный и украшенный город, расположенный по обеим сторонам Днепра. Уже к концу XII века он блистал множеством богатых и красивых церквей. Главная часть города и крепость были расположены на левой стороне Днепра, в холмистой местности, пересекаемой рвами. Княжеский дворец, по преданию, находился в нынешней Свирской слободе.

Смоленские князья способствовали украшению города церквами. Так, Владимир Мономах построил в 1161 году собор Успения Богородицы; в 1146 году Ростислав Мстиславич выстроил в заднепровской части города церковь Апостолов Петра и Павла; церковь св. Иоанна Богослова построена Романом Ростиславичем в 1180 году, а брат последнего Давид построил великолепную каменную церковь во имя Архангела Михаила, которая в древности считалась одной из красивейших и богатейших.

В самом городе и в окрестностях его было несколько монастырей: в 5 верстах от города находился Богородицкий монастырь, на месте, называвшемся Селище, далее Отрочь монастырь, монастырь св. Креста и построенный епископом Игнатием монастырь в честь положения Ризы Богородицы.

Невдалеке от города известна была гавань Смядынь, на расстоянии от города «яко зреемо», где погиб Глеб Муромский. Вблизи Смоленска находилось село Дресенское, с 1150 года отданное Ростиславом епископу.

Смоленск был главный город обширной области, великого княжества Смоленского; он расположен на чрезвычайно видном месте. Через него пролегал путь из Озерной области в среднее и нижнее Поднепровье, откуда в Грецию, путь из Поволжья и верхнего Подвинья. Это соединение трех важных торговых путей указывает на торговое значение Смоленска.

Глава 4
Территория и города Полоцкого княжества

К западу от смоленских кривичей жили их сородичи полоцкие кривичи. Они также рано выделились в самостоятельный удел. Границы этого княжества можно определить следующим образом.

На востоке Полоцкий рубеж соседил со Смоленским; на этой стороне мы видим полоцкие города Усвят (Всвят), Витебск и западнее Лукамль, теперь местечко Лукомль Могилёвской губернии Сенненского уезда.

К югу от указанной нами границы полоцких владений тянулся рубеж по водоразделу между Днепром и Вабичем, притоком Друти, впадающей в Днепр у Рогачёва. Рубеж оканчивался во всяком случае южнее местечка Головчина Могилёвского уезда, в котором видят древний Голотическ, под которым Ярополк разбил Всеслава Полоцкого. На Друти, в верхнем ее течении, на границах Могилёвского и Оршанского уездов, мы видим Друцк, несомненно Дрьютск, удельный город Полоцкого княжества. Около устьев Вабича рубеж принимает направление с востока на запад.

Из данных современной географической номенклатуры на восточном Полоцком рубеже заметим еще: Городец на Лучесе Оршанского уезда, Нижний Городец в Сенненском уезде на реке Усице, впадающей в Уллу, Городище на Друти, ниже впадения Вабича, Городец на Грезле, притоке Друти.

Южная граница начинается от устьев Вабича или немного южнее. Отсюда рубеж шел к Березине, которую пересекал у реки Свислочи, где был древний Всвислоч, упоминаемый в XIII веке и, вероятно, существовавший в XII веке. Далее граница направлялась, может быть, к верховьям Птича, притока Припяти, и реке Усе, Неманскому притоку, а затем переходила на верховья его притока Сулы, принимая северное направление. На южной границе полоцких владений, кроме упомянутого Друцка, мы видим Борисов, ныне уездный город; Логожеск, ныне Логойск, местечко Борисовского уезда; затем Минск, ныне губернский город; Изяславль, ныне местечко Заславль Минского уезда; Новгородок Литовский.

Из данных современной географической номенклатуры на этой границе заметим следующие: Городно, Борисовского уезде на реке Бобре; Городец на реке Суле, притоке Ольсы; Городок на Птиче, к

югу от дороги из Бобруйска в Слуцк; Городок в Бобруйском уезде; Городок к северу от Минска, между ним и местечком Логойском на реке Усяже, притоке Гайны, впадающей в Березину севернее Борисова, к югу от Минска, на границе его уезда и Игуменского; Рублики и Рубежи на реке Орессе в Бобруйском уезде, притоке Птича, на ней же южнее Малые и Большие Городятичи; Городище на реке Вессе, впадающей в Случь выше Слуцка; потом Великие Кривичи у верховьев Неманской Березины; Рубежевичи Минского уезда на Суде, притоке Немана.

Западная граница Полоцкого княжества начиналась, вероятно, на верховьях Немана и его притоков: Суле, Быстрой, Ислачи (ныне Ислочь. — *Ред.*) и Березине, где в XII веке видим полоцкий город Городец, пограничный с Литвою. На западе полоцкие кривичи граничили с Литвою, о которой достоверные сведения имеются почти только с половины XIII века; вследствие этого определение полоцких границ на западе и северо-западе весьма затруднительно.

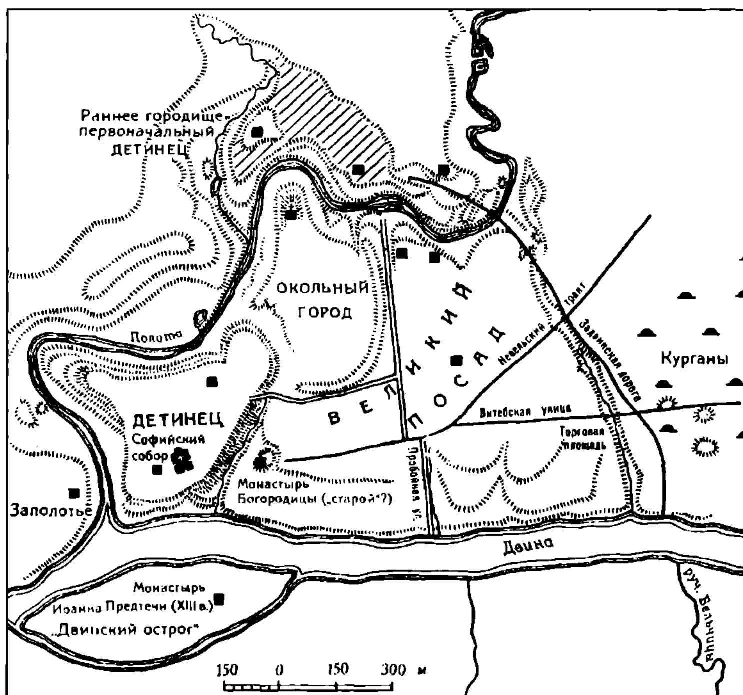
На этой границе постоянно велась тихая колонизация кривичей в Литовскую землю. Поэтому граница часто изменялась. До XIII века литовцы почти не имели городов, поэтому и кривичам, со своей стороны, не приходилось огораживаться от соседей, воинственные столкновения с которыми начинаются только с рубежа XII и XIII вв. Есть отрывочные известия о существовании владений русских князей в Литве в XII веке. Но они, опять-таки, относятся к колонизационным движениям Кривичского племени и не составляли постоянной территории княжества. Так, в первых годах XIII века немцы столкнулись с кривичскими князьями Весцеке из Кокейноса и Виссевальде из Герсике.

Мы вернемся впоследствии к колонизационному вопросу, а теперь заметим, что рубеж полоцких владений от указанных нами верховьев Неманских притоков шел к верховьям Великой в Себежском уезде Витебской губернии; где он оканчивался — определить трудно, но на Великой мы видим псковский город Остров. Граница эта могла изменяться, сообразно колонизационным движениям кривичей. Северный рубеж шел от верховья Великой в верховья Ловати. На этой линии был полоцкий пограничный город Еменец и Великие Луки, новгородский город.

Обратимся теперь к определению городов Полоцкого княжества.

Главный город земли Полтеск (Полоцк), упоминаемый уже на первых страницах летописи в числе древнейших и значительнейших городов Руси. Он расположен при впадении реки Полоты в Двину на возвышенном мысе, образуемом названными реками, что делает

положение города весьма красивым. Его центральное положение в земле полоцких Кривичей, при соединении двух рек, из которых Двина сближает его, через землю смоленских кривичей, с одной стороны с Поволжьем и обширною торговою деятельностью, производившейся в древности в этом районе, с другой стороны с Киевщиною, а через нее с Византией; также Двина соединяла Полоцк с Новгородом и с Балтийским морем.

План древнего Полоцка (по Л. Алексееву)

Мы уже видели, что через Полоцк проходили и прямые пути в Новгород через Полоту и в Киевщину через Березину. Наконец, нужно еще помнить, что Полоцк был ближайшим значительным городом к Литве, а потому, естественно, русская и немецкая торговля с последнею шла именно через него. Слава о его богатстве разносилась в древности далеко за пределы Руси; он хорошо был знаком скандинавам, и в сагах их известен под названием Pallteskja.

К сожалению, источники наши слишком бедны указаниями на внутреннее расположение города в данное время. Из «Слова о Полку Игореве» мы знаем о существовавшей в нем церкви св. Софии. А из жития св. Ефросинии — о монастыре св. Спаса, пере-

строенном последнею в каменный из деревянного, в пригородном епископском селении, называвшемся Сельце; эта местность находилась в двух верстах от города; в монастыре св. Спаса находится знаменитый крест его основательницы. Кроме того, в самом городе был женский монастырь, в который поступила св. Ефросиния.

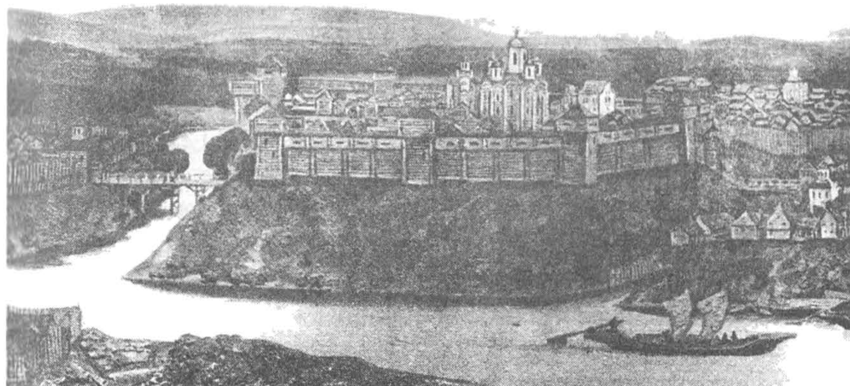
Летопись указывает, что в Полоцке существовала старая церковь св. Богородицы в 1159 году, следовательно, была и новая. При этой церкви была братчина уже в то отдаленное время, В Тверской летописи под 1001 годом занесено известие о перенесении останков князей Изяслава и Всеслава в «святую Богородицу», что, вероятно, и относится к вышеназванной «старой» церкви св. Богородицы. Недалеко от города было селение Белчици (Бельчицы), в котором имели свое местопребывание князья Полоцкие. Вот все, что сохранили нам источники о топографии древнего Полоцка.

К северу от Двины лежали следующее города.

Всесвят — ныне местечко Велижского уезда Витебской губернии. В рассматриваемое время о нем упоминается уже в 1021 году: Ярослав дал этот город и Витебск Брячиславу Полоцкому. Таким образом, оба города принадлежали до 1021 года, вероятно, временно Киеву, но с этого года они навсегда уже составляли часть Полоцкой земли.

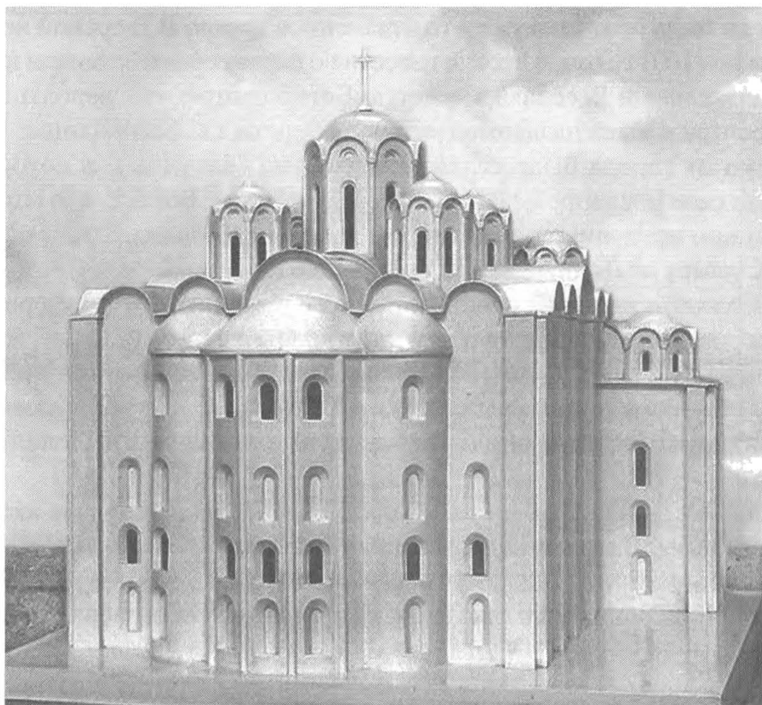
Видбеск — ныне губернский город Витебск на Двине при впадении Витьбы. Впервые упоминается в 1021 году.

Стрежев. В 1151 году этот город был выделен в особый удел: Рогволод Борисович, завладев Полоцком, отдал его Всеволоду, изгнан-

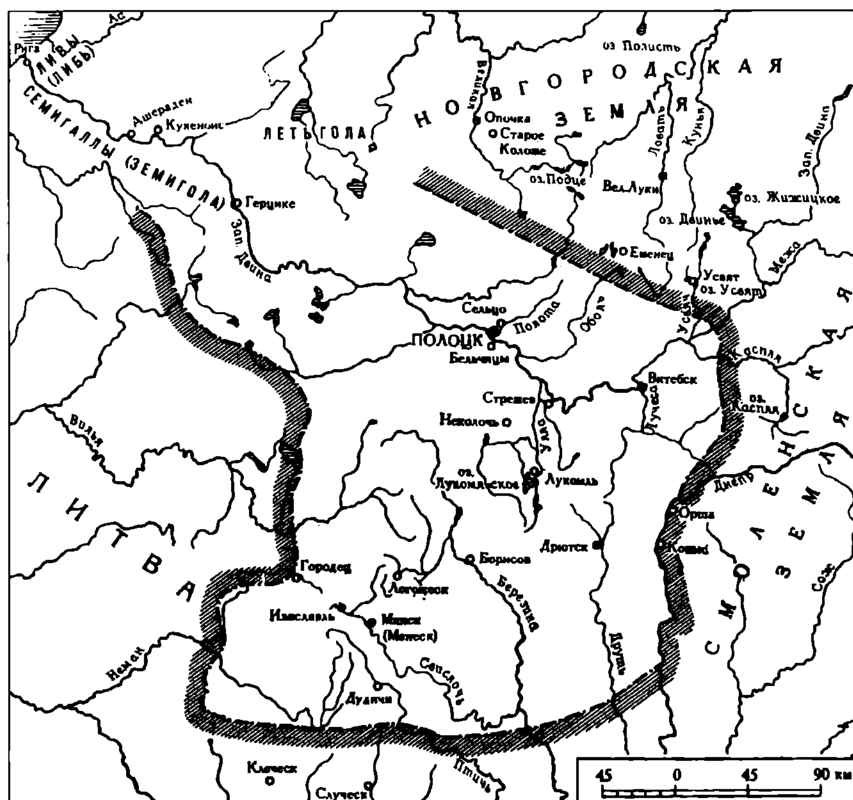
Полоцк во времена князя Всеслава

ному оттуда. Местоположение Стрежева исследователи обыкновенно определяют местечком Стрешиным Могилёвской губернии на Днепре. Такое определение делается на том основании, что при описании похода 1127—1128 гг. Мстислава, сына Мономаха, на полоцких князей летопись говорит, что Мстислав «Всеволоду Олеговичу повелі ити съ своею братьею на Стрешев къ Борисову».

Храм Св. Софии в Полоцке (реконструкция Г. Штендера)

Но созвучие Стрежева и Стрешина мало подходящее. Притом, искать его непременно по дороге к Борисову вовсе нет никакой необходимости. Выражение «на Стрежев» указывает лишь на направление пути, а не на попутный город, подобно тому, как мы говорим: на Москву, на Киев, хотя данное место и лежит ближе. Между тем положение Стрежева вполне определяется озером Стрижевым в Лепельском уезде Витебской губернии; на полуострове этого озера был построен замок и насыпан большой курган. Эта местность находится как раз за Борисовом, следовательно, выражение «на Стрежев к Борисову» вполне понятно.

Полоцкое княжество (по Л.В. Алексееву)

Еменец — через него проходил Давид после заключения мира с полочанами; местоположение определяется озером Еменцом и рекою Еменкою, в 6 верстах от города Невеля.

Неклоч — до него дошли новгородцы в 1128 году во время похода Мстислава Мономашича на полоцких князей. В настоящее время есть озеро Неклочь, из которого берет начало река Полота.

Городец — лежал на границах с Литвою или даже среди самих литовцев. Княживший в нем Володарь Всеславич, как говорит летопись, — «ходяше подъ Литвою». Городец составлял во второй половине XII ст. самостоятельное княжение. Ввиду того, что на пограничье с Литвою Городков много, трудно приурочить какой-либо из них к летописному. Обыкновенно его приурочивают к местечку Городку, к югу от Молодечно, на верховьях Неманской Березины, с сохранившимися доныне остатками старинных городовых сооружений.

Изяславль — с этим названием связывается легендарный рассказ летописи о Рогнеде и о построении для нее и для ее сына Изяслава этого города Владимиром Святославичем*. Изяславль — ныне местечко Минского уезда — Заславль. Предания и названия урочища указывают на связь Рогнеды с этим городом. Так, предание гласит, что речки Черница и Княгинька были названы так в честь Рогнеды; около самого города было озеро (ныне болото), называвшееся «Рогнедь». В народе указывают также могилу Рогнеды. Около города сохранилось множество курганов; некоторые из них были раскопаны в 1878 году Р.Г. Игнатьевым. В 1128 году он подвергся разграблению во время Мстиславова похода на полоцких князей; уже тогда он представлял удельное княжение**.

Борисов — ныне уездный город Минской губернии. Во время известного похода Мстислава Владимировича на полоцких князей в 1124 году на него был отправлен Всеволод Ольгович. Этому городу, не игравшему в древности значительной роли, посчастливилось на предположения /авторов/, писавших о времени его основаниия. Начало этим выводам положил Стрыйковский, но все они, как не опирающиеся на действительные факты, не имеют значения***.

---

* Предание это общеизвестно. О нем писал П.М. Шпилевский («Путешествие по Белоруссии», «Современник», 1854, № 11, с. 34–35). Это же предание повторил А.И. Слупский (см. его работу «Изяславль и Туров — рассадники христианства, основанные Владимиром Св. в нынешней Белоруссии». Минск, 1888). Слупский настаивает на том, что предание о построении Изяславля Владимиром Ярославичем представляет исторический факт.

Наши соображения о построении Изяславля не Владимиром, а самим Изяславом, и о значении его как колонизационного пункта, напечатаны в «Киевской Старине» (1888 г., август), в критической заметке о «Северо-Западном календаре». — *Авт.*

** В № 133 «Киевлянина» за 1887 год есть заметка о Преображенской церкви в Изяславле, построение которой тоже приписывается Владимиру Святославичу. Если верить описанию, церковь действительно относится к дотатарской эпохе, но исторические сведения, сообщенные автором заметки о ней, не заслуживают внимания. — *Авт.*

*** М. Стрыйковский приписывает основание его знаменитому Борису Гинвиловичу около 1194 г. За ним пошли Свенцицкий и такой серьезный ученый, как Е. Тышкевич. Но уже Шпилевский полемизирует с Стрыйковским по этому вопросу (Путешествие по Полесью и Белорусскому краю, «Современник», 1855, т. VII, с. 3–4).

В.М. Татищев (История Российская, том II, с. 199), передает известие о походе Бориса Всеславича Полоцкого на ятвягов в 1102 году и о том, что он, возвратясь из похода, построил город Борисов и людьми населил. Известия этого нет в летописях, но оно представляется вероятным: князья, как известно по многим случаям, называли построенные ими города по своим именам. Татищева имеет в виду И.Н. Данилович, признавая основание города в 1102 г. (публикация 1827 г.). За ним пошли Т. Нарбут (том 3 «Древних деяний литовского народа», 1838 г.), М.И. Балинский, а также О.В. Турчинович («Обозрение истории Белоруссии», 1857 г., с. 263), и автор статьи «Северо-Западный край Империи» в Журнале Министерства Внутренних Дел (1843 г., с. 294). — *Авт.*

Древний Витебск

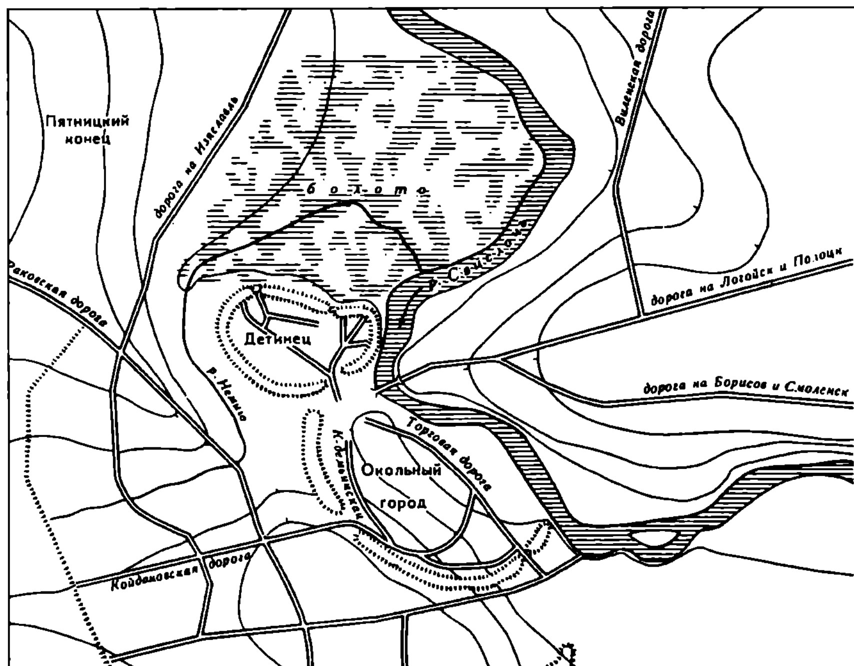
Логожск — ныне местечко Логойск Борисовского уезда на Гайне. Во время похода Мстислава Владимировича он уже имел удельного князя.

Лукамль (Лукомль) — ныне местечко Могилёвской губернии Сенненского уезда на Улле. У города есть и озеро того же имени, при котором он стоит, есть следы древних укреплений.

Менеск — важнейший город полоцкой земли, ныне губернский город на Свислочи, притоке Березины. Будучи крайним важным городом Полоцкого княжества на южной границе, он часто подвергался нападениям киевских князей*. В 1066 году он был взят Ярославичами — Изяславом, Святославом и Всеволодом, и разграблен,

Древний Витебск

* Шпилевский, любящий вообще вдаваться в рассуждения о начале городов, приписывает построение его известному по местным преданиям силачу-знахарю Менеску («Путешествие...», «Современник», 1854 г., т. XI, с. 3). — *Авт.*

План древнего Минска (по Э.М. Загорульскому)

все мужское население перебито, а женщины и дети пленены: Владимир Мономах говорит, что он не оставил в городе «ни челядина, ни скотины».

В связи с городом Менеском находится река Немиза. Местоположение реки определяют различно. Татищев, Арцыбашев и Карамзин видят в Немизе — Неман. Надеждин и Неволин думают, что Немизу должно искать севернее Минска и указывают на Немоницу близ Борисова и Немойку около Сенно. Барсов в своих «Материалах для историко-географического словаря России» (1865) указывает на Немеж (Niemez), село в Виленской губернии и уезде, в 10 верстах от Вильны, на которое еще раньше указал Балинский. Но тот же Барсов в своих «Очерках русской исторической географии» (1885) признает за Немизу ручей, находящийся в самом Минске, На этот ручей впервые указал Ходаковский, но, несмотря на сходство имен, не признал в нем летописной Немизы.

Действительно, сходство названий в летописях Немизы и ручья в Минске очень соблазнительно, однако отождествить оба эти названия трудно, если не предположить, что ручей этот в древности

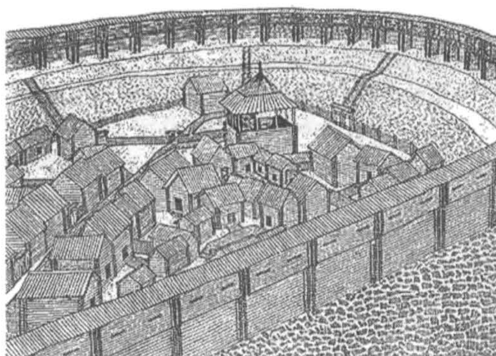
был более или менее порядочною реченкою; в настоящее время от Немизы в Минске осталось почти одно название.

Между тем летопись так говорит: Изяславичи взяли Минск «и поидоша к Немизе; и Всеслав поиде противу»; 3 марта Всеслав потерпел поражение и бежал. Изяславичи удовольствовались этим, двинулись отсюда, очевидно, к Днепру и стали «на Рши у Смоленска», как выражается летопись. Уже в июле они заманили к себе Всеслава: «он же надеяся целовании креста, перееха в лодьи чрес Днепр», следовательно, они стояли за Днепром, на смоленской стороне, а Всеслав вел переговоры с этой стороны Днепра. Об этой же Немизе и о происходившем на ней кровавом бое говорит певец «Слова о полку Игореве»:

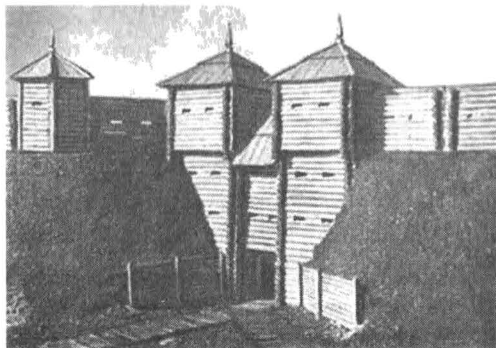
> (Всеслав) «скочи влъком до Немизы с Дудуток. На Немизе снопы стелють головами, молотять чепы харалужныими, на тоце живот кладуть, веють душу от тела. Немизе кровави брези не бологомь бяхуть посеяни, посеяни костьми руских сынов».

Из приведенного содержания отрывка летописи ясно: если бы Немиза была в Минске, то Изяславичи уже были бы на ней и им не нужно было бы идти к Немизе; так как нынешняя Немиза находится в центре старого Минска, то войска занимали бы ее при осаде.

После битвы с Всеславом князья отправились в смоленские владения и остановились у Орши; очень возможно, что они, ввиду поражения Всеслава и ввиду наступающей весны, двинулись прямо с Немизи к

Восточная часть минского детинца. Реконструкция Э.М. Загорульского

Въездные ворота древнего Минска

Орше. Таким образом, нам кажется, что во всяком случае Немиза находилась не в самом Минске, а, вероятно, где нибудь между Минском и Днепром и Двиною. Добавим, что в списке городов Немига находится между Друтеском и Ршою, за ними следуют Свислочь, Лукамль, Логожск и т.д.*.

Невыяснено также и положение Дудуток, упоминаемых в «Слове о полку Игореве»: «скочи (Всеслав) влъком до Немиги с Дудуток». Барсов полагает, что этот намек Слова относится к известному бегству Всеслава из Киева, и следовательно, Дудутки должны означать крайний Киевский город. Но нам кажется, что здесь говорится не о бегстве Всеслава, а о том, что, узнав о захвате Минска Изяславичами, — из Дудуток, где он стоял с войсками, быстро двинулся к Немиге, где и встретился с Изяславичами: этим объясняется летописное выражение «поиде противу». В таком случае, Дудутки следовало бы искать к северу от Минска, около Полоцка, где, как в центре земли, Всеслав, может быть, собирал ополчение, с которым двинулся на Изяславичей.

Дрютеск — ныне Друцк на верховьях реки Друти, впадающей в Днепр у Рогачёва. В первый раз он упоминается в летописях под 1092 годом. В 1116 году он был, во время известного похода на Глеба Минского, взят Давидом и Ярополком, причем все жители его были уведены на юг в Переяславское княжество, где Ярополк построил им город Желди. Во время разгрома полоцких князей, на Дрютеск послан был Мстиславом брат его Ростислав, хотя неизвестно, был ли тогда город взят.

В половине XII века он уже играет видную роль в полоцких междоусобиях; стремясь иметь отдельного удельного князя, дручане изгоняют Глеба, сына полоцкого князя Ростислава, и приглашают к себе Рогволода. В конце XII века Дрютеск, борясь с главными городами земли Полоцкой, подчиняется протекторату смоленских князей. Борьба между Полоцком и пригородом была весьма серьезна: в ней приняли участие и черниговские князья. Черниговские и смо-

---

* Соображения об исторической Немиге в Минске см. еще у П.М. Шпилевского («Путешествие по Белоруссии и Белорусскому краю, «Современник», 1854 г., том XI, с. 32) и у Зеленского (Материалы для географии и статистики России, Минская губерния, том I, с. 6). Последний держится противоположного мнения и указывает на то, что в настоящее время поток этот высох; образуясь весною от стекающих вод, он начинается в самом Минске (в так наз. Старом городе), притом в южной его оконечности, имеет направление с юго-запада или даже с юга на север и впадает в Свислочь с правой стороны, близ моста, где, по преданию, был старый замок. — *Авт.*

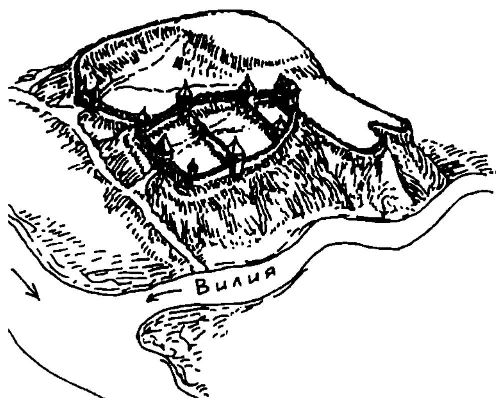
ленские князья боролись за влияние над разлагающимся от междоусобий княжеством.

Голотическ — местоположение которого в настоящее время не определено. Он упоминается только один раз в 1071 году: под ним Ярополк Изяславич разбил Всеслава Брячиславича. Чаще Голотическ приравнивают к местечку Головчину в 32 верстах от Могилёва, но это мало имеет правдоподобия*.

Одрьск — упоминаемый в поучении Мономаха. В настоящее время он определяется рекою Одров, впадающею в Днепр с правой стороны, недалеко от Копыса.

Орша и *Копыс*, оба на Днепре, принадлежали Полоцкому княжеству до 1116 года.

Наконец *Изборск*, имевший значение уже в эпоху призвания варягов, но впоследствии не упоминается почти до половины XIII ст. Барсов указывает на село Изборск Псковской губернии и уезд на юго-запад от Пскова. Судя по положению его, можно думать, что он уже в первую эпоху исторической жизни отошел к новгородским владениям.

Кривой город на Вилии — западный форпост Полоцка

Мы указали города, которые в рассматриваемое время составляли коренную территорию полочан. Разумеется, и некоторые из названных городов, лежавших на западе княжества, быть может, представляли следы более ранней колонизации, как пограничный Городец, Изяславль, но по крайней мере в данный период они уже составляли вполне славянскую территорию, на которой хотя и были следы литовского элемента, но уже значительно или вполне обрусевшие.

На рубеже XIII ст. и в первой половине его источники называют несколько городов, которые представляют результат новой колони-

* Известен род князей Головчинских, владевших Головчиным, между тем Головчин не был удельным городом, следовательно, название местечка могло произойти от фамилии владельцев. — *Авт.*

зации в среду литовского племени, совершавшейся, очевидно, на глазах истории, с окружающим чисто литовским элементом; таков Новгородок Литовский (ныне Новогрудок. — *Ред.*). В XIII ст. этот город упоминается впервые под 1255 годом, но в это время он был уже одним из значительных порубежных с Литвою городов, к нему тянула обширная территория. Последующая история указывает, что возникновение его нужно отнести к более отдаленному времени, но приписывать заложение его Ярославу во время похода его на Литву в 1044 году нет основания*. Также упоминаются: Несвиж, Кукейнос, Герсике и другие; о них мы скажем в главе о колонизации.

Указанная территория Полоцкой земли, самостоятельность которой мы уже видим на первых страницах летописей, в свою очередь разделилась в очень ранний период на многочисленные уделы. Определить границы уделов нет возможности, потому что источники упоминают лишь главные удельные города. Их только мы и назовем, указав время, с которого становится известным тот или другой удел.

Минский удел — известен с 1104 года.

Изяславский удел — известен с 1128 года, к нему же принадлежал в то время и Логожск.

Срежевский удел — с 1159 года. С того же года известен и *Друцкий удел.*

Городецкий удел — известен с 1162 года.

Витебск как удел — в 1163 году принадлежал смоленскому князю.

---

* Например, И.Б. Ярошевич («Obraz Litwy», Вильно, 1844 г., том I, с. 36) основал свое мнение на известии Воскресенской летописи (П.С.Р.Л., том III, с. 332): «Ходи Ярослав на Литву, а на весну заложи Новгород и содела и». Но Новгородская Первая летопись прибавляет: «Владимир заложи», что вполне естественно, ибо он княжил тогда в Новгороде Великом (Новгор., с. 90, также Татищев, том II, с. 109); в Ипатьевской летописи о Новгороде не упоминается (с. 108, а также в Тверской летописи, П.С.Р.Л., том XV, с. 148 и Никоновской, с. 82).

Т. Нарбут выдумал сказку о двух Новгородках — Литовском и Русском (см. том III, с. 271–274). За ним последовали местные исследователи: О.В. Турчинович («Обозрение истории Белоруссии», с. 262); М.А. Дмитриев, написавший краткий исторический очерк Новогрудка, весьма неполный и отличающийся большими неточностями («Несколько слов краткого исторического обозрения русско-литовского Новогрудка со времени основания этого города...» («Вестник Императорского Русского Географического Общества», 1858, часть 24) и Зеленский (см. «Минская губерния» в его «Материалах для географии и статистики России», том I, с. 10). — *Авт.*

Глава 5
Территория и города Туровского княжества

Перейдем теперь к определению рубежей Туровского княжества. Оно не занимало всей обширной области, занятой поселениями Дреговичей. Только северная граница их области с Полоцком оставалась неизменною в основе своей, до самого слияния обоих княжеств с Литвою. Эту северную границу мы уже указали при определении полоцких границ; назовем только города Клеческ и Случеск, упоминаемые как крайние пункты Туровского княжества.

Восточная политическая граница не достигала естественных пределов — берегов Днепра с устьями двух важнейших его притоков — Березины и Припяти, хотя это пространство было населено представителями Дреговичского племени. Здесь мы встречаем городок Брягин (местечко Речицкого уезда), населенный дреговичами, но с половины XII ст. перешедший во власть киевских князей (см. ниже). Другой городок в этой же местности Речица (уездный город Минской губернии) принадлежал, по крайней мере в начале XII ст., черниговским князьям. Быть может, то же следует сказать и о Рогачёве (уездный город Могилёвской губернии); этот город упоминается рядом с другими, несомненно дреговичскими, городами: Берестьем, Дорогичином и Клеческом, но принадлежал он черниговским князьям.

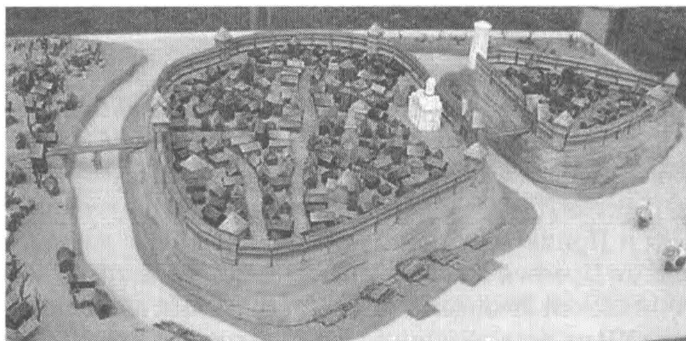
Таким образом, в этом небольшом уголке, образуемом устьем Припяти и Днепра, сталкиваются три племени: Поляне, Северяне и Дреговичи и последние, как более слабые, не выработавшие политической независимости, оттесняются двумя первыми. Значительное количество городов и городищ в этой именно местности указывает именно на то, что столкновение трех названных племен не обошлось, по крайней мере в древнейшем периоде, без борьбы*.

Таким образом, политический рубеж Туровского княжества на востоке проходил, в конце XII ст., за Мозырем, по водоразделу двух

* См. заметку профессора В.З. Завитневича в «Киевском Слове» за 1887 год, №№ 171, 172. В Минской губернии исследователь насчитывает до 10.000 курганов. (См. его статью «О курганах Минской губернии» в «Календаре Северо-Западного края» на 1890 год, с. 10. Около самого Брягина находится 12 больших городищ дохристианской эпохи. — *Авт.*

окаймленных болотами речек — Птичи, притоку Припяти, и Ведрачу, притоку Днепра.

На южной границе не было и того естественного рубежа, который представлял на востоке Днепр. Здесь поселения Дреговичей сливались с поселениями Полян и Волынян. Граница во всяком случае проходила южнее Припяти, так как города Туров и Мозырь расположены на южном берегу ее. Древлянские города на этой границе, как Вручий, Искоростен, Выгошев, Дубровица, Небль, Городно, Черториеск находятся значительно южнее Припяти.

Туров (реконструкция по П. Лысенко)

Последующая борьба за города, лежавшие по реке Горине, южному притоку Припяти, переход их то к Туровскому, то к Волынскому княжествам вполне, как кажется, оправдывает предположение Барсова о смешанном населении погоринских городов и о том, что многие фазисы этой борьбы нужно именно отнести на счет этой местности.

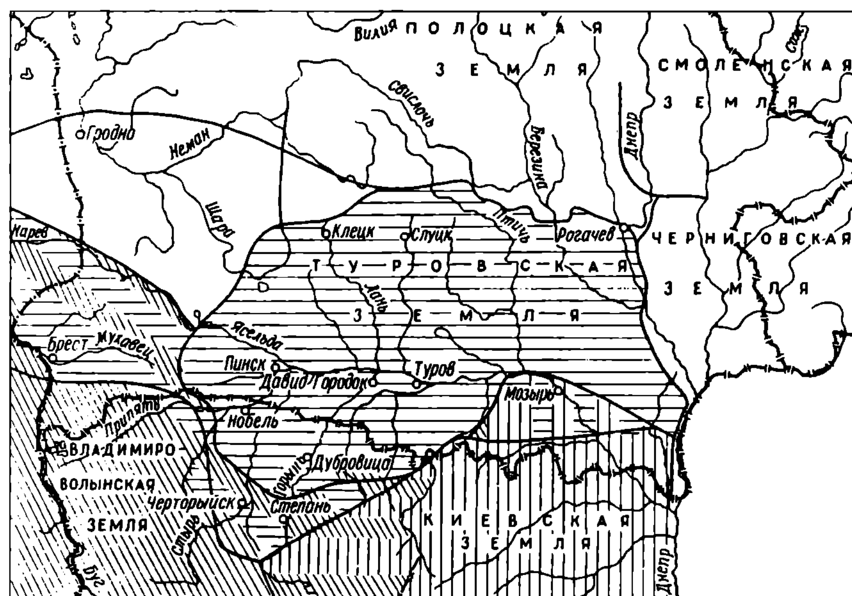
К востоку от Пинска прекращались политические границы Туровского княжества, так что оно захватывало восточную часть верховьев Припяти. Отсюда рубеж шел к северу и соединялся через верховья Щары с Полоцким рубежом между Новгородком и Клеческом. На этой границе в половине XIII ст. являются в летописях города Здитов и Услоним.

Резкого разграничения здесь опять-таки не было, так как к западу продолжались поселения Дреговичей, захватывавшие большое пространство по Западному Бугу, где крайним их пунктом был Нур, у впадения реки Нурца в Буг, а на севере доходили до Гродно (ныне губернский город); здесь были Дреговичские города Берестие и Дорогочин, оба на Буге. Но эти области, Берестейская и Дорогичинская, не представляли одного политического целого с основною

областью племени — Туровским княжеством, переходя во власть то киевских, то волынских, то польских князей. Притом область эта в значительной мере представляет собою продукт колонизационного движения в среду литовских племен дреговичей, а впоследствии и волынян.

* * *

Покончив с очерком границ княжества, перейдем к городам его. Из городов Туровского княжества упоминается в данный период весьма немного, несмотря на обширность страны, занятой Дреговичами. Незначительное количество названных летописью городов не может, однако, служить доказательством малонаселенности страны. Тихий, мирный ход истории дреговичей, их слабое участие в общих политических делах Руси, наконец, то важное обстоятельство, что они большею частью в данный период принадлежали к Киевскому княжеству, а отчасти, на западных своих окраинах, к Волыни, — давало мало поводов летописи упоминать о городах их.

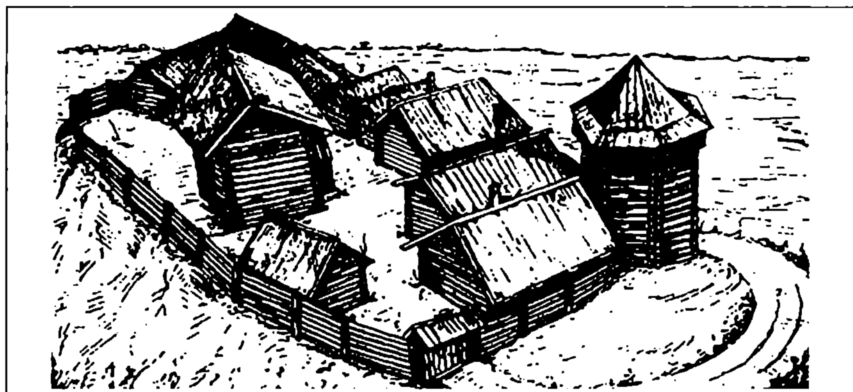

Туровское княжество

Главным городом Дреговичской земли был Туров, упоминаемый уже на первых страницах летописи (980 г.). Он расположен на правом берегу реки Припяти между северным притоком ее Случью и

южным Ствигой. В начале исторической жизни русского народа он был одним из важнейших городов Руси. Тесно связанный с великим княжением Киевским, он передавался старшему из сыновей великого князя и, следовательно, считался важнейшим городом. Но вскоре утратил совершенно свое значение, снизошел до мелкого удельного городка. Предание относительно различных урочищ нынешнего Турова, а также и названия самих урочищ и остатки укреплений представляют признаки древнего его величия.

В самом местечке находится насыпная гора, опоясанная рвами, которая, быть может, составляла древний детинец. Гора эта, разделяемая рвами на две части, имеет в длину полверсты, в ширину — около 3 верст. Предание гласит, что на этой горе стоял княжеский дом, а за горой, на небольшой земляной насыпи, стоял Борисоглебский монастырь. За городом с южной и восточной стороны сохранились остатка валов и урочище Городище с остатками каменных стен. Кроме того предание указывает местность Дворец — загородный; княжеский дом; наконец, несколько топографических названий встречаем со словами *тур, князь*. Близ древнего Турова «на болоньи» известен Борисоглебский монастырь с XII века.

С этого детинца начинался Туров

Важнейшим городом после Турова был Пинск (ныне уездный город), расположенный в болотистой местности у верховья Припяти, при слиянии ее с Пиной. В торговом отношении он представлял весьма выгодный пункт, так как через него сообщались с ятвягами и Польшею Волынь, Киевщина и дреговичи.

Упоминается Пинск впервые под 1097 годом. Давид Игоревич указывал Святополку Изяславичу, что Василько замышляет отнять у него Туров и Пинск и что следует принять меры. Вообще, он почти

всегда упоминается вместе с Туровом, что указывает на его значение. Около половины XIII ст. он уже выделился в особый удел и значение его поднялось во время борьбы галицких князей с Литвою.

На Припяти же, к востоку от Турова, находился незначительный городок княжества Мозырь, расположенный на южном возвышенном берегу реки. Впервые упоминается он под 1155 годом.

В углу, образуемом Припятью и Днепром, находился небольшой дреговичский городок Брягин на реке Брягинке (ныне местечко Брагин Речицкого уезда); в половине XII ст. он несомненно принадлежал к Киевскому княжению: Ольговичи, бывшие в 1147 году в союзе с Юрием Ростовским и во вражде с Изяславом Киевским, воевали Брягинскую волость.

В 1187 году Рюрик Ростиславич отдал Брягин снохе своей, жене Всеволода Юрьевича, на дочери которого Верхуславе он женил сына своего Ростислава. Около Брягина разбросано 12 городищ дохристианской эпохи и 18 групп курганов, что указывает на стратегическое значение данной местности.

Самыми северными городами Туровского княжества в то время были Клическ и Случеск, первый — ныне местечко Клецк Слуцкого уезда Минской губернии, а второй — Слуцк, уездный город той же губернии. В первый раз Клеческ упоминается по поводу похода Мстислава Мономашича в 1127 году на полоцких князей: из него со своею дружиною отправился Вячеслав Ярополчич, который, по-видимому, имел удел в Туровской земле, вероятно, Клеческий. В 1142

Древний Пинск

году он упоминается в числе других дреговичских городов, которые раздавал Всеволод своим братьям по занятии им Киева.

Случеск в 1116 году был сожжен Глебом Минским. В 1119 году он вместе с Клеческом перешел к Святославу Ольговичу, по вокняжении в Киеве Юрия Ростовского. Около 1162 года им завладел Владимир Мстиславич, но туровские князья, Рюрик и Святополк Юрьевичи, заставили его удалиться*.

Эти города в данный период и составляли территорию Туровского княжества.

* * *

Мы указали коренную территорию трех интересующих нас княжеств: Полоцкого, Смоленского и Туровского. В своем изложении мы опустили все то, что относится до окраин этих земель и, следовательно, факты о колонизационном движении кривичей и дреговичей. Об этом вопросе мы поговорим в одной из следующих глав, а теперь обратимся к изложению политической истории трех интересующих нас княжеств в данный период.

---

* Професор В.Б. Антонович причисляет Случеск и Клецк к полоцким уделам. Но оба города были, несомненно, в земле дреговичей и никогда не принадлежали Полоцкому княжеству. В 1116 г. Мономах ходил на Глеба: «Глеб бо бяше воевал Дреговичи и Случеск пожег» (Ипатьевская летопись, 20), а Туровским княжеством владел тогда Мономах, следовательно, Случеск был туровский город. В 1127 г. Клеческ принадлежал Вячеславу Ярополчичу (Ипатьевская летопись, 210). В 1162 г. Рогволод бежал из полоцких владений в Случеск, спасаясь от преследования и полочан, и удельных полоцких князей (Ипатьевская летопись, 355). — *Авт.*

Часть II

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Глава 1
Начало истории Смоленского, Туровского и Полоцкого княжеств

Племена кривичей и дреговичей играли, особенно первые, видную роль уже в то отдаленное время, когда слагалась Русь. Но известия о них крайне сбивчивы, неполны и неопределенны. Этот характер известий о наших племенах восходит и к позднейшему времени, так что едва ли в древней Руси было другое племя, историческое прошлое которого было бы так темно, несмотря на обширную территорию, им занимаемую.

Причин такого отношения наших источников, конечно, следует искать в том, что рассматривать древнейшую историю кривичей и дреговичей приходится по тем скудным известиям, который попали в киевские, новгородские и волынские летописи; последние источники упоминают о наших племенах вскользь, только при особенно важных столкновениях Новгорода и Киева со Смоленском, Полоцком и Туровом. Но эти земли лежали на окраинах, сторонились от общих дел Руси, а потому столкновения их с первыми редки, незначительны. Только Смоленск, и то с половины XII ст., входит в более тесные сношения с Киевом и Новгородом и потому известия о нем более полны.

Таким образом, даже внешняя политическая история кривичей и дреговичей, конечно, древнейшая, отличается отрывочностью, неполнотою, не говоря уже о внутренней. Несмотря даже на политическую зависимость Турова от Киева, на территориальную близость их, внут-

ренний строй его проследить невозможно; конечно, то же приходится сказать и о Полоцкой, отчасти и о Смоленской земле, еще более удаленных от центра нашего летописания. Собственных летописей названных племен не сохранилось, хотя отрывки их, по крайней мере Смоленской, сквозят в позднейших сводах.

Достоверные известия о кривичах и дреговичах не восходят ранее X века. Собственно к половине этого века относится упоминание о кривичах и дреговичах /византийского императора/ Константина Багрянородного (Порфирогенета. — *Ред.*).

Древний Киев (реконструкция)

Он рассказывает, что лодки, на которых руссы (преимущественно киевские) прибывают в Константинополь, делаются в Милиниске (Смоленске), Чернигове и Вышгороде. Эти славяне, кривичи, лютичи и другие, платящие дань Руссам, зимою приготовляют лодки для продажи, спускают их в ближние озера и реки, и весною на них отправляются по своим рекам к Днепру, оттуда в Киев, где, вытянув лодки на берег для осмотра, продают их киевским руссам.

В другом месте тот же писатель передает известие о том, что киевские князья из Киева зимою отправлялись в города племен, плативших им дань, из которых автор называет дреговичей, кривичей, северян и, по-видимому, тиверцев. Там князья с дружиною живут в продолжение зимы, а на весну возвращаются.

В известиях императора Греческого /Византийского. — *Ред.*/ нет ничего, что могло бы противоречить истинному положению тогдашней Руси, что вполне естественно, ибо он хорошо знал быт своих опасных соседей. Что в это время кривичи и дреговичи были подчинены киевским князьям, доказывают и наши летописи. Как сейчас увидим, описываемый обычай собирания князьями дани общеизвестен и по другим источникам он назывался полюдием.

Обратимся теперь к первым русским известиям. «Начальная летопись» (Нестора. — *Ред.*) в своем этнографическом обзоре сообщает несколько отрывочных сведении о географическом положении дреговичей и кривичей. Она говорит, что славяне, придя с Дуная, расселились:

> «друзии седоша межи Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; а инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речьки ради, яже втечеть в Двину, и именем Полота, от сея прозвашася Полочане».

В другом месте летопись сообщает, что каждое племя имело свое княжение:

> «а Дреговичи свое, а Словене свое в Новегороде, а другие на Полоте, иже и Полочане. От сих же и Кривичи, иже седять на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра, их же и город Смолененск: туда бо седять Кривячи».

В географическом обзоре мы уже видели, какие места были заняты поселениями наших племен.

Далее летопись сохранила отрывок об этнографических чертах кривичского племени, каковые черты были известны летописцу лишь по преданию. Последний передает, что радимичи, вятичи, северяне и кривичи «живяху в лесе, якоже всякый зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них пред отци и пред снохами; и бьраци (браки. — *Ред.*) не бываху в них, но игрища можю селы» и так далее.

Преувеличенное представление полянина-летописца, и притом монаха, о зверинских обычаях этих племен было уже указываемо не раз; черты же быта из области брачных отношений и погребальный обряд, описанный им, который он, по-видимому, хорошо знал, так как мог наблюдать эти обычаи и в свое время («оже творять Вятичи и ныне»), имеют большое этнографическое значение*.

---

* Автор отмечает здесь в сноске, что «индивидуальные черты быта древних кривичей и дреговичей могут быть констатированы археологическими раскопками, но они еще настолько незначительны, что выводы из них — дело будущего». С того момента, когда он написал эти слова, прошло более 120 лет, и археологи накопили много данных. Об этом — в третьей части книги. — *Ред.*

Таковы скудные географические и этнографические сведения наших источников. Но гораздо важнее намеки их на политическое состояние Руси в то отдаленное время.

Первые исторические сведения о /киевской/ Руси указывают на то, что различные племена ее, живя разрозненно, делают попытки к сплочению, к соединению в одно государственное целое. Впоследствии, при Олеге, первом историческом князе Руси, попытки эти осуществились, и этот князь успел соединить под своею властью русские племена*.

Но попытки к такому соединению происходили и раньше. Об одной из них рассказывает Аль-Масуди — что царь племени *волинана* (волыняне?) Маджак успел покорить соседние племена, но удержать их во власти ему не удалось. Постоянные указания летописи о том, что разные русские племена жили «особе», «держали свое княжение» и прочее пред прибытием Рюрика, следует отнести на тот же счет: летопись как бы оттеняет положение вещей в описываемое время, сравнительно с более ранним и с более поздним (при Олеге).

Таким образом, если и были попытки к сплочению русских племен до Олега, то попытки эти были весьма незначительны и не оставили после себя каких-либо следов**. Летопись неоднократно указывает, что каждое племя управлялось «особе», имело свое «княжение». Кроме того, находим указания и на существование отдельных князьков у различных племен даже в более позднее время. Что это были за князья, мы достоверно не знаем. Но, судя по различным известиям наших летописей, можно, кажется, вывести заключение, что эти древние князья были не больше как начальники и представители общин.

Древние славяне жили общинами. Общинная жизнь состояла в том, что несколько семейств или родов соединялись для более удобной защиты от неприятеля и т.д., избирали себе сообща верховного судью, предводителя, князя; община строила города для большей

* Олег якобы правил в Киеве с 882 по 912 год. Современный московский исследователь В.Б. Егоров аргументированно доказал, что Олег «Старый» — это мифический персонаж. Первым историческим князем Киева следует считать Игоря, занимавшего престол во второй половине X века. Считается, что он погиб в 972 г., однако надо учесть, что все даты киевской истории до начала XII века являются приблизительными. Отклонение от дат, приводимых по летописям, может составлять до 30 лет в ту или иную сторону. — *Ред.*

** В этом тезисе автора выражение «сплочение до Олега» надо было бы заменить на «сплочение до Владимира». Только Владимир Святославич начал реально подчинять земли варяжской Руси власти Киева. — *Ред.*

безопасности, отправляла торговые караваны, а иногда делала нападения на соседние племена. Такими начальниками общин, кажется, и были упоминаемые летописью князья древнего периода.

Эти князья как во внутренних, так и во внешних делах сильно ограничивались властью веча, т.е. народного собрания. Вече состояло из всех взрослых членов города; оно собиралось в одном определенном месте (в христианский период обыкновенно у собора св. Софии) и тут решало все дела. Власть князя была чисто исполнительная.

Десятинная церковь в Киеве (реконструкция)

О значении веча в земле дреговичей мы не имеем достоверных сведений, хотя по ходу событий можно заключить, что вечевое начало в этом племени не успело еще утвердиться, как оно подпало под власть киевских князей, которые, разумеется, постарались заглушить дальнейшее развитие его. Более определенной формы развития вечевое начало получило в Смоленской области, где оно выдвигается наряду с княжеской властью. В Полоцкой же области мы видим сильное развитие вечевого начала в ущерб княжеской власти. Вече продолжало действовать в Полоцке до конца XV века, до 1498 года, когда этот город получил Магдебургское право.

Полоцкое вече было настолько сильно, что оно выбирало и прогоняло князей, заключало союзы, торговые договоры и прочее. Оно даже при нужде помимо /своего/ князя вступало под покровительство других князей, более сильных, объявляло войны и прочее. Князь даже не жил в самом городе, но недалеко от него в селении Бельчицах, где была с ним и его дружина*. Отсюда полочане приглашали князя на совет в город.

* Бельчицы находились в двух километрах от Верхнего замка древнего Полоцка, на левом берегу Западной Двины, при впадении в нее реки Бельчанка. Во времена Мацея Стрыйковского (1547–ок. 1590) эта княжеская резиденция была окружена каменной стеной с башнями. Там же находился Борисоглебский монастырь, включавший 4 храма, построенные из кирпича (плинфы). Один из них снесли в конце XVIII века, три других существовали до конца XIX века. Их окончательно разрушили в 1930-е годы. — *Ред.*

Вообще государственный строй Полоцка представлял народное самоуправство, подобное новгородскому и псковскому. Однако князья последних находились сравнительно в лучших условиях, чем полоцкие.

Новгородцы выбирали себе князей из всего рода Ярослава; в случае каких-либо обид со стороны новгородцев князья всегда могли найти себе защитников в великом князе /киевском/ и в своих родичах; кроме того, бросая стол в Новгороде, они переходили в свои прежние уделы, и если теряли от этой перемены, то немного.

Не то было с полоцкими князьями; они были совершенно отделены от остальной Руси, защиты искать было не у кого, уделов тоже /не было/; если они теряли стол в Полоцкой земле, то должны были бы скитатьса без княжения в чужих землях. Полоцкие князья даже и в материальном отношении находились в сильной зависимости от веча. Таким образом, полоцкое вече имело все выгоды для своего развития и поддержания своего значения.

От Полоцка, как главного города обширной области, зависели мелкие города этой области или пригороды, каковыми были Минск, Борисов, Друцк, Стрежев, Усвят, Изяславль, Витебск и другие. Во внутренних делах эти пригороды были самостоятельны, но во внешней политике зависели от главного города.

Таким образом, эпоха докняжеская характеризуется разобщением русских племен, жизнью их на вечевых началах, искони им сродных, с представительством племенного князька.

Во время усобиц перед соединением русских племен под властью Олега, полоцкие кривичи находились в весьма близких сношениях с Новгородом. Они участвовали в борьбе новгородцев с варягами, а также предание отводит им весьма деятельное участие в призвании варягов, указывая даже, что варяги сидели в Полоцке, который был отдан Рюриком своему «мужу». Так как факт призвания варягов опровергается последними изысканиями наших ученых в том виде, как передает его летопись, то эти известия вероятнее всего следует отнести на счет преданий о сношениях Полоцка с норманнами, которые были весьма оживленны в древнейшую эпоху.

К этому же времени следует отнести известие Никоновской летописи о том, что «воеваша Аскольд и Дир Полочан и много зла сотвориша». Отрывочное известие этой летописи дает повод думать, что эти киевские князья старались привлечь под свою власть город, тяготевший к Новгороду. Здесь, быть может, нужно усматривать ту же политику киевских князей Аскольда и Дира, какой немного

позже относительно того же города держались Владимир и Ярополк Святославичи, ища союза с Рогволодом*.

Олег, этот первый исторический князь Руси (как уже отмечено выше, Олег — мифический персонаж. — *Ред.*) но еще окруженный в сказаниях о нем мифическим ореолом, соединил под своею властью племена, составлявшие древнюю Русь. Подчинение это состояло прежде всего в наложении киевскими князьями дани на подчиненных:

> «Олег нача городы ставить, и устави дани Славеном, и Кривичем и Мерям».

Смоленск подчинился Олегу без борьбы: Олег, собравши войско, в котором были и кривичи (вероятно, изборские или даже полочане), «и приде к Смоленску и с Кривичи и прия город Смольнеск, и посади в нем муж свой». Дело обошлось без борьбы, ибо о сопротивлениях летопись почти всегда отмечает. О подчинении Полоцка и дреговичей летопись ничего не говорит, но, несомненно, обе области были соединены тогда же с Киевом; так, Полоцк упоминается в числе городов, на которые князь брал «уклады» с греков. Кроме уставления дани, Олег сажал в подчиняемые города мужей своих. Но в то же время в покоряемых городах были и свои местные князья «под Олгом суще». Поэтому роль этих «мужей» сводилась, вероятно, к собиранию вир и даней в пользу князя. Кроме того, зависимость от киевского князя обусловливается тем, что покоренные племена участвовали в походах князей. Так, кривичи принимали участие в походе Олега на греков в 907 году и в походе Игоря в 944 году**. Полоцк и Смоленск при Олеге получали «уклады», т.е. часть добычи, что указывает на то, что они были только присоединены к Киеву, а не порабощены.

В таком политическом положении находились наши племена и в последующие княжения в Киеве Игоря, Ольги и Святослава. Из-

---

* Само существование киевских князей с именами Аскольд и Дир представляется крайне сомнительным. Этому вопросу в настоящее время посвящено немало научных статей. Тем более неправдоподбно выглядит сообщение о войне их с Полоцком. Свою «Начальную летопись» Нестор писал по заказу великого киевского князя Владимира II Всеволодовича (Мономаха). Одной из главных его задач являлось объяснение причин давней вражды между Полоцком и Киевом. Для этой цели он использовал всякого рода выдумки. — *Ред.*

** Походы Олега, а также Игоря (или киевлян, вне зависимости от имени князя) на Константинополь в 907 и 944 годах является полным вымыслом. В византийских документах нет ни малейшего упоминания о нападениях в указанные времена. Первое реальное нападение славян, переплывших Черное море, произошло в 960 г. — *Ред.*

вестий о них нет в летописях, но порядок, установленный Олегом, очевидно, не был нарушен, за исключением, быть может, того, что Полоцк успел получить большую самостоятельность. Правда, есть предания в позднейших летописях о пребывании Ольги в Полоцкой земле и даже о заложении ею Витебска, но эти рассказы не могут иметь значения и сложились в позднейшее время*.

Во время княжения Владимира Святославича в Полоцк является Рогволод, княживший там самостоятельно. Летопись замечает: «бе бо Рогволод перешел из заморья, имяше волость свою Полостьск». Понимать это место в буквальном смысле едва ли следует. Рогволод, вероятно, был потомок тех местных князей, о которых летопись говорит «под Олгом сущее». Вполне славянское имя Рогволода и дочери его Рогнеды также не подтверждает его варяжского происхождения**.

Предание же о приходе его из-за моря следует опять-таки отнести на счет преданий о сношениях Полоцка с норманнами: известие о Рогволоде попало в летопись как отдаленное глухое сказание***.

В рассказе летописи о походе Владимира на Полоцк, о сватовстве двух князей к Рогнеде несомненно слышится предание, может быть, дружинная песня, сложенная про добывание Владимиром красавицы-невесты, о препятствиях к этому браку и о победе, одержанной над гордой красавицей. Все это так похоже на песенный эпический мотив, который встречается и в наших былинах, и в северных сагах, и в ломбардском цикле сказаний. Песня об этом сватовстве Владимира могла сложиться из преданий в эпоху жестокой борьбы Мономаха (великий князь Киевский в 1113–1125 гг. — *Ред.*) и его сына Мстислава (великий князь в 1125–1132 гг. — *Ред.*) с

---

* Один из витебских писателей XVIII века сочинил выдумку, будто бы княгиня Ольга (в действительности имя вдовы Игоря неизвестно) в 974 г. приказала построить деревянную крепость на холме у реки Витьба. С него якобы и начался Витебск. Однако археологи установили, что люди постоянно жили здесь с каменного века! В раннем железном веке на холме в 100–150 метрах от устья Витьбы существовало городище днепро-двинской культуры. Позже его сменило городище банцеровской культуры. Пришлые князья или княгини здесь абсолютно ни при чем! — *Ред.*

** Встречающиеся в договорах с греками имена норманнов не подвергаются переделкам, которые сближали бы их с русскими словами; поэтому производить Рогволода из скандинавского Ронгвальда нет основания. Имя Рогволода осталось за многими из последующих полоцких князей, следовательно, оно не было случайной переделкой. — *Авт.*

*** Доктор филологических наук А.Ф. Рогалев считает, что Рогволод и Рогнеда прибыли в Полоцк из славянского Поморья, из района Арконы на южном берегу Балтики. Такое предположение снимает противоречие: действительно, князь из заморского края, но он не норманн из Швеции, а славянин. — *Ред.*

полоцкими князьями, когда дружинники старались всячески выяснить себе причины, отчего «Рогволожи внуци взимают меч» на племя Ярославово, когда князья старались установить по возможности законность необычной расправы с полоцкими князьями*. Все это заставляет с большою осторожностью относиться к сказанию нашей летописи. Но, тем не менее, пока вопрос остается невыясненным, и выясниться он может только тогда, когда исследователи народного эпоса дадут более твердые основания того, насколько известное историческое событие воздействовало на песенную поэзию и наоборот, какое из свидетельств нашей летописи можно принять за предание, перешедшее в летопись из эпоса.

По летописным известиям дело о борьбе Владимира с Рогволодом и о первом полоцком князе Изяславе представляется так**.

Когда началась война между Ярополком и Владимиром Святославичами из-за киевского княжения (в 972 г. — *Ред.*), Рогволод стал в весьма выгодное, относительно обоих спорящих князей, положение. Владея обширным и сильным княжеством, которое притом находилось почти на дороге из Новгорода в Киев, он своим участием в войне мог значительно увеличить силу своего союзника и ослабить противника. Это поняли молодые князья и оба стали добиваться заключить скорее, до начала войны, союз с Рогволодом. Самым естественнным закреплением политического союза было, конечно, родство. Поэтому оба князя, Ярополк и Владимир, пожелали вступить в брак с молодой и прекрасной Рогнедой, дочерью Рогволода.

---

* Исследователи нашей былинной поэзии сделали некоторые указания о связи сватовства Владимира к Апраксии — в былинах — с эпизодом о Рогнеде в летописи (О. Миллер «Илья Муромец и Богатырство Киевское»; Халанский «Великорусские былины»; П. Ровинский «Русские народные картинки»; Кирпичников «Поэмы Ломбардского цикла» и др. Но ни одним исследователем вопрос прямо поставлен не был. — *Авт.*

В первом варианте «Начальной летописи» (написанном самим Нестором не позже 1115 г.) нет упоминаний о заступничестве ее малолетнего сына (Изяслава) и прочих «деталей» такого рода. Они появились через 260 с лишним лет в так называемом Лаврентьевском списке «Начальной летописи», сочиненном в 1377 г. коллективом во главе с монахом Лаврентием. Монахи взяли за основу список (вариант) 1305 г., тоже изрядно «доработанный». Проще говоря, вся эта душераздирающая история — суть выдумка ряда переписчиков, «дополнивших» выдумки Нестора своими собственными. — *Ред.*

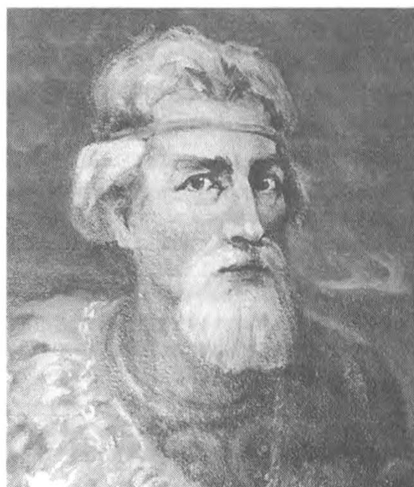
** Здесь автор противоречит сам себе. Первым известным нам полоцким князем был Рогволод, который прибыл из заморских краев.

«Начальная летопись» Нестора и все ее «списки» (варианты, дополненные переписчиками по собственному усмотрению в связи с политической конъюктурой) суть сборники слухов, легенд и откровенных выдумок. Весьма вероятно, что Изяслав — сын Рогволода и младший брат Рогнеды. Тогда Брячислав — внук, а Всеслав — правнук Рогволода. Далеко не случайно Нестор рассуждал о причинах, побудивших Рогволодовичей (заметьте, не Изяславичей) поднять меча против Ярославичей. — *Ред.*

Молодые князья почти в одно время сделали предложение о браке Рогволоду. Последний, очевидно, не решаясь, с кем союз ему выгоднее заключить, обратился к дочери с вопросом, какого из двух сватающихся князей она хочет избрать себе мужем. Гордая княжна, зная, что Владимир Святославич имел мать рабыню, ключницу Ольги, отвергла предложение молодого князя, сказав: «Не хочу разути рабынича, а за Ярополка иду!» Такое решение, может быть, вполне согласовалось с планами отца, который, передавая отказ дочери Владимиру, мог надеяться ослабить месть его*.

Брак Ярополка с Рогнедой равнялся союзу его с Рогволодом, что значительно должно было увеличить силы его. Поэтому Владимир, с дядей своим Добрыней, немедля решились предупредить грозившую им опасность от этого союза, и в 980 году двинулись с новгородскими и варяжскими войсками к Полоцку. Город был взят и предан разграблению, Рогволод и его два сына убиты, а Рогнеду Владимир взял себе в жены**.

Покончивши с Полоцком, Владимир отправился к Киеву, где осадил Ярополка. Потом, заманивши его в Родню, он убил брата при помощи изменника Блуда.

Рогволод (худ. А. Кривенко)

Рогнеда (худ. К. Маковский)

* Существует обоснованная гипотеза, что мать Владимира — Малуша — была не рабыней, а дочерью древлянского князя Мала. В свою очередь, ее мать была дочерью чешского короля. В Киеве Малуша находилась как заложница от древлян. — *Ред.*

** Как уже отмечено выше, эта история является вымыслом. Кстати говоря, дату захвата Полоцка и расправы с Рогволодом разные историки указывают с разбежкой в 20—25 лет. — *Ред.*

У Владимира от Рогнеды было четыре сына: Изяслав, Ярослав, Мстислав, Всеволод и две дочери (весьма вероятно, что Изяслав был не сыном ее, а младшим братом. — *Ред.*).

Владимир Святославич выделил Изяславу и его потомству Полоцкую область, так что она впоследствии составила совершенно отдельное независимое княжество. Изяслав княжил в Полоцке до 1001 года, следовательно, только на один год пережил свою мать. Источники не сохранили нам никаких известий о событиях во время его княжения. Однако при нем произошло одно из важнейших событий в истории Руси — принятие христианства.

Как распространилось христианство в Полоцкой области, мы не знаем. Но судя по тому, что есть известие о принятии Рогнедою, матерью Изяслава, монашества, можно думать, что и князь этот, находясь под ее влиянием, был усердным христианином и старался о распространении новой веры в своей области. Одна летопись так описывает его: князь этот был тих, кроток, смирен и милостив, весьма любил и уважал священнический и иноческий сан, прилежно читал священное писание, отвращался «от суетных глумлений, и был долготерпелив». Впрочем, эта характеристика передана позднейшим сводом*.

Владимир I Святославич

Изяслав оставил после себя двух сыновей: Брячислава и Всеслава; последний умер вслед за отцом в 1003 году.

Как распространялось христианство в земле дреговичей и смолян, — известий не сохранилось.

Владимир Святославич, по обычаю, разделил Русь на уделы. При этом в Полоцке он посадил Изяслава, как уже было сказано, в Турове — Святополка, старшего сына, и, как кажется, в Смоленске — Станислава. Это разделение на уделы относится летописью к 988

* Автор правильно обращает внимание на поздний характер сообщений о христианстве и, тем более, о «благочестии» Изяслава. В действительности даты его княжения указаны приблизительно, а о характере правления этого князя не известно ничего, кроме выдумок переписчиков через 250–300 лет после смерти Изяслава. — *Ред.*

году, но вероятно, великий князь раздавал уделы по мере возмужания сыновей своих.

Об Изяславе мы уже говорили. Станислав только и упоминается при разделении земель, да и то не во всех летописях. Святополк Туровский известен своею долгою борьбою с братьями. Для истории его мы имеем три различных источника: летопись, хронику Мартина Галла и хронику Титмара. Из них только первый и последний источник дают слабые намеки на княжение Святополка в Турове.

Рассказ М. Галла посвящен описанию похода Болеслава на Русь, причем материалом для описания послужила едва ли не эпическая песня; рассказ испещрен неточностями. В рассказе русской летописи соединены несколько источников: северное сказание о Святополке (вероятно, новгородское), весьма ему враждебное, и отрывки из южного, которое относилось к своему князю с большей симпатией. Рассказ Титмара, основанный на рассказах саксонских воинов, бывших в походе с Болеславом, имеет наиболее достоверных черт.

Святополк родился около 980 года. Сказание нашей летописи, желая по возможности очернить его, рассказывает, что Владимир взял себе в жены жену Ярополка, гречанку, которая «бе не праздна» /была беременна. — *Ред.*/; таким образом Святополк произошел «от греховнаго корене». Святополк был женат на дочери короля польского Болеслава; брак этот относится к концу 1013 или началу 1014 года. Вместе с дочерью Болеслав послал к зятю епископа Колобрежского Рейнберна. Святополк в это время уже владел Туровом, куда и прибыли Рейнберн и дочь Болеслава. Туровский князь, недовольный назначением ему небольшого удела и притом опасаясь, очевидно, за то, что отец назначит Киев по смерти не ему, готовил против отца своего восстание, в чем деятельное участие принимали жена его и Колобрежский епископ. Узнав об этом, Владимир заключил всех троих в тюрьму, из которой Святополк освободился только, по свидетельству русских летописей, около времени смерти отца*.

Титмар рассказывает, кроме того, что Рейнберн занимался миссионерской деятельностью до заключения своего в тюрьму (впрочем, это известие так неопределенно, что едва ли следует относить его к деятельности Рейнберна в Колобрежской епархии), а также и

* Надо отметить, что Святополка Владимировича, князя Туровского и Киевского, церковные писатели изображают в черных красках («Окаянный» и т.п.) абсолютно незаслуженно. Они специально свалили на него преступления Владимира, чтобы последний выглядел «белым» и «пушистым». Ну как же, «креститель Руси», «Владимир святой!» На этот счет сейчас имеется немало публикаций. — *Ред.*

из тюрьмы: In qua (custodia) pater venerabilis, quod in aperto fieri non potuit, in secreto studiosus in divina laude peregit.

Факты эти общеизвестны. Они были толкуемы то в том смысле, что епископ старался распространять христианство среди местных язычников, еще не принявших его, то в том смысле, что он старался о приобщении Туровской земли к папскому престолу. Как бы то ни было, но Рейнберн больше всего является действующим по указаниям Болеслава, стремившегося распространить свое влияние и на Русь, и в этих видах оказывавшего поддержку своему зятю.

Как известно, смерть Владимира вызвала борьбу его сыновей. Святополк успел временно утвердиться в Киеве. Затем был изгнан Ярославом, водворился на великом княжении еще раз с помощью тестя своего Болеслава и, наконец, погиб (в 1019 г. — *Ред.*).

Со смерти Владимира Святославича деятельность Святополка уже не относится к Туровской области и потому за ней следить мы не будем. Заметим только, что Святополк в своих притязаниях на Киевский стол пользовался сильною поддержкою местного населения, имел значительную партию в самом Киеве, без чего успехи его были бы необъяснимы. Кроме того, и Туровская земля принимала деятельное участие в его борьбе, откуда он набирал ополчения: «Святополк же събра воя в Деревех и в Пинску и седе в Киеве, мысля всю братію погубити». Таким образом, он пользовался войском из своей области как главной силой, с помощью которой хотел удержаться в Киеве.

Итак, Святополк пал в борьбе с Ярославом. Туров и Смоленск подчинились последнему.

Утвердившись окончательно на Киевском столе, Ярослав тем не менее не покончил еще со всеми своими братьями: в отдаленной Тмутаракани сидел храбрый и отважный Мстислав (умер в 1036 г. — *Ред.*), известный своими победами над кавказскими народами; а в Полоцке сидел Брячислав Изяславич. Они могли быть недовольны усилением Ярослава и могли потребовать и себе увеличения уделов. Так оно и случилось.

Брячислав Изяславич скоро заявил свое требование на Русскую землю. В 1021 году он напал на Новгород, взял в плен множество граждан, награбил сокровищ и поспешил в свои владения. Но извещенный об этом Ярослав предупредил его; через 7 дней он встретил Брячислава на речке Судомири, разбил наголову, отнял пленных и награбленные сокровища. Однако Ярослав не преследовал далее своего противника, напротив, он сам призвал его к себе, заключил с ним мир, дал ему еще два города: Витебск и Усвят. Очевидно, Яро-

слав сознавал правоту требований Брячислава и притом боялся, что если он не удовлетворит полоцкого князя, то Новгородские владения будут подвергаться частым, со стороны последнего, нападениям. Поэтому-то он сам первый предложил мир Брячиславу*.

Судя по условиям мира, можно думать, что означенные два города были главным предметом притязаний со стороны полоцкого князя. Оба города, расположенные при торговых дорогах, имели важное значение для полочан: владея ими, последние держали в своих руках пути верхнего Подвинья и самую важную часть великого водного пути из Вяряг в Греки — волоки между Двиной и Днепром. Цель войны, таким образом, является более важною. Быть может, с этого же времени к Полоцкому княжеству была присоединена часть Поднепровья с Оршею и Копысом, впоследствии отнятые Мономахом. В самом деле: если Брячислав не владел Витебском, то вероятно, не владел и названною областью, лежавшею к востоку от названного города. Ближайшие же преемники его, терявшие свои земли, едва ли могли приобресть новые.

* * *

Брячислав Изяславич умер в 1044 году, оставив после себя сына Всеслава. В котором году родился Всеслав, неизвестно; но эта личность произвела на народ такое сильное впечатление, что сохранилось предание, будто он родился от волхвования и что вследствие этого у него на голове было родимое пятно, имевшее особенную волшебную силу*. Волхвы велели ему носить на голове повязку, прикрывающую это пятно.

И вообще Всеслав слыл сверхъестественным, чародеем, даже и между более образованными людьми тогдашнего времени. Известный литературный памятник XII века («Слово о полку Игореве») так характеризует Полоцкого чародея:

> «Князь Всеслав людям суд давал, князьям города приводил в порядок, а сам волком рыскал: из Киева до пения петухов он добегал до Тмутаракани, волком пересекая путь великому Хорсу (Солнцу). В Полоцке звонят заутреню у Святой Софии, а он в Киеве звон слышит. Хотя и вещая душа в ином теле, но часто беды претерпевает. Ему (Всеславу) вещий Боян сказал припевку (поговорку): Ни хитру, ни горазду суда Божия не избегнуть».

---

* Это объяснение автора смехотворно. Вне всяких сомнений, победу одержал Брячислав и по условиям мирного соглашения получил города и земли. Никогда и никто не отдавал побежденным свои владения. — *Ред.*

* Это установлено. Он родился в январе 1029 г., а полоцкий престол принадлежал ему с 1044 г. и до смерти 14 апреля 1101 г., т.е. около 57 лет. — *Ред.*

Приведенный взгляд древнего поэта вполне верно, хотя своеобразно характеризует кипучую деятельность Всеслава: он был умен, хитер и изворотлив, но в то же время жизнь его сложилась так, что он многое должен был претерпеть. Своим умом, своим беспокойным, предприимчивым характером этот князь остался надолго в памяти народа; о нем начали ходить уже легенды как о чародее; рассказы эти, передававшиеся в народе, попали в письменные памятники — летопись и в «Слово о Полку Игореве».

После смерти Ярослава в 1054 году, Всеслав Брячиславич жил некоторое время в мире с Ярославичами — Изяславом Киевским, Святославом и Всеволодом, и даже принимал участие в делах всей Руси; так, он ходил со всеми князьями в 1060 году на торков. Однако согласие это скоро нарушилось; между князьями, неизвестно по какой причине, произошел раздор. Всеслав предпринял целый ряд нападений на северные русские области, осаждал в 1065 году Псков, хотя безуспешно, а в 1066 году подступил к Новгороду, занял и ограбил его*.

Поводом враждебных действий Всеслава, как обыкновенно пытаются объяснять наши историки, послужило то, что Ярославичи освободились от изгоя Ростислава, с которым они долго воевали, увеличили свои владения, не прибавив ничего Всеславу. Как бы то ни было, но великий князь Киевский Изяслав и его братья Святослав и Всеволод решились сообща наказать Всеслава за нападения. Глубокою зимою 1067 года они втроем, во главе многочисленного войска, отправились на Полоцкую область. Союзники осадили Минск, один из важнейших полоцких городов, взяли его после упорного сопротивления, причем почти все население, — мужчины, женщины и дети, или были перебиты, или взяты в плен. От этого города они пошли далее и на реке Немизе встретились с войском Всеслава; 3 марта, несмотря на глубокий снег, произошла жаркая битва, в которой Всеслав был разбит. Об этой битве неизвестный автор «Слова о Полку Игореве» так картинно говорит:

> «На Немизе снопы стелют головами, молотят харалужными /стальными/ цепами, на току жизнь кладут, веют душу из тела. Кровавые берега Немизы были усеяны не житом, но костьми русских сынов».

---

* «Князь Полотьский Всеслав, събрав силы свои многая прииде ко Пскову и много тружавсяя с многыми замышлениями и пороками /катапультами/ шибав, отиде ничтоже успев».

...«взя Новгород, с женами и с дѣтьми; и колоколы съима у святыя Софие; о, велика бяше беда в час тый, и понекадила съима» (Новгородская летопись).

После этой битвы Всеслав бежал. Союзные князья не погнались за ним, но направились в восточные части полоцких владений, к Днепру, и остановились у Орши*. Должно быть, наступившая весна помешала продолжению военных действии, так как воевали в то время почти исключительно зимою. Собравшись у Орши, Ярославичи в июне месяце призвали Всеслава для переговоров в свою ставку, причём они целовали крест, что не сделают ему никакого зла. Однако, едва только явился полоцкий князь в стан союзников, как был схвачен ими, скован и отправлен Изяславом в Киев в заточение.

Однако Всеславу Брячиславичу недолго пришлось сидеть в заключении. Счастливый случай помог ему.

В это время (в 1068 г. — *Ред.*) половцы напали на южную Русь, разбили вышедших им на встречу Ярославичей и начали разграблять и жечь Русскую землю. Когда великий князь Изяслав возвратился после поражения в Киев, киевляне восстали. Они потребовали от князя выдачи им оружия, чтобы они могли пойти оборонять Русскую землю. Изяслав отказал жителям. Жители взбунтовались. Часть их вошла на княжеский двор и стала спорить с Изяславом, который в это время сидел на сенях со своею дружиною и говорил с гражданами через окно, а другая часть направилась в тюрьмы и выпустила заключенных, которые увеличили недовольную толпу. Дружина советовала князю послать стеречь покрепче Всеслава, даже убить его, но он ни на что не оглашался. Тогда народ хлынул к тюрьме, где заключен был Всеслав, освободил его и привел на княжеский двор. Изяслав бежал со своими приверженцами и сыном Мстиславом, а Всеслав был избран Киевским князем.

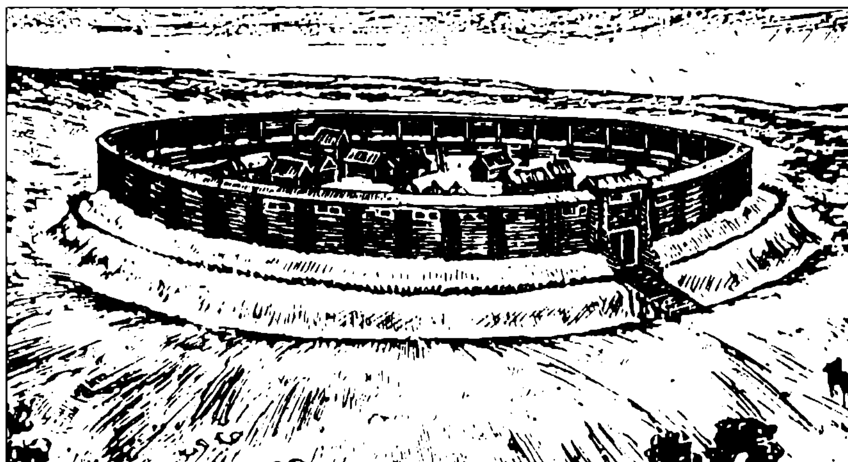
Изяслав Ярославич бежал к польскому королю Болеславу, своему родственнику. Здесь он соединился с королем и оба пошли на Киев Всеслава. Изяслав был нелюбим киевлянами и потому они все вышли против него под предводительством Всеслава. Однако последний не надеялся на устойчивость и силу киевлян, притом не видел возможности долго удержаться на киевском столе, а потому, улучив удобный случай, убежал с похода из-под Белгорода к себе в Полоцк, предоставив киевлян самим себе. Он прокняжил в Киеве 7 месяцев.

Расправившись с киевлянами, Изяслав немедленно направился преследовать своего врага, полоцкого князя. Он изгнал его из По-

* И эта версия — суть измышление киевского летописца. В действительности победу на Немизе одержал Всеслав. Именно поэтому коварные братья Ярославичи решили расправиться с ним хитростью. — *Ред.*

лоцка и посадил там сына своего Мстислава. Последний скоро там умер (в 1069 г. — *Ред.*) и на его место сел другой Изяславич — Святополк. Изгнанный Всеслав Брячиславич бежал на север к финскому племени Водь. Здесь он собрал войско и снова начал свои нападения на Новгород. В том же 1069 году он напал на новгородцев, но те под предводительством своего князя Глеба Святославича разбили его у самого Новгорода, взяли в плен, но потом отпустили*.

Однако храбрый Всеслав не думал унывать. Он снова собрал войско и в 1071 году напал на Полоцк и выгнал оттуда Святополка. Тогда Изяслав послал на помощь последнему другого своего сына Ярополка, который и разбил полочан в битве у Голотическа. Несмотря на это полоцкий стол остался за Всеславом, после многих лет упорной и несчастной борьбы**.

Заславль в XI веке (реконструкция Е. Кулика)

Во все время княжения Святослава в Киеве Всеслав сидел спокойно***. Но как только умер Святослав (1076 г.), снова начались беспрерывные войны между Всеславом и киевскими князьями. Прежде всего подвергся нападению Новгород, где княжил Глеб, к

* Всеслав явился с вожанами под стенами Новгорода: «велика бяше сеця Вожаном и паде их бещисленное число; а самого княгя отпустили Бога деля» (Новгородская летопись). — *Авт.*

** И здесь летописец лжет. Это Всеслав разбил Ярополка и потому сохранил за собой полоцкий престол. — *Ред.*

*** Святослав Ярославич (1027–1076) был великим князем Киевским в 1073–1076 гг. — *Ред.*

которому ходил на помощь Владимир Мономах. В отмщение за этот набег Владимир сделал два похода на Полоцк, летом с отцом своим Всеволодом, а зимою со Святополком, который тогда уже княжил в Новгороде. В этот поход князья пожгли предместья самого города и кроме того Владимир разорил с половцами всю страну до Одрска.

Всеслав при первом удобном случае в свою очередь напал на Смоленск, владения Мономаха, воспользовавшись отсутствием последнего. Получив в Чернигове весть о нападении, Владимир немедленно поскакал с дружиною к Смоленску, но не застал там Всеслава. Тогда он направился в полоцкую землю и пожог города: Лукомль, Логойск и Друя.

Но Всеслав, очевидно, и этого не оставил без отмщения. По крайней мере в следующем году Владимир принужден был снова направиться на Полоцкую область. Он собрал огромное ополчение из половцев, черниговцев и читеевцев и направился к Минску. Они взяли город и поступили с ним крайне жестоко: не оставили ни челядина (раба), ни скотины, все разграбили и пожгли.

Кажется, на этом походе и закончилась борьба Всеслава Брячиславича с Ярославичами. По крайней мере, летописи ничего /более/ не упоминают. Впрочем, знаменитый чародей был уже слишком стар (ему было в 1078 году всего лишь 49 лет. — *Ред.*) и, вероятно, совершенно успокоился под конец своей бурной жизни. Он умер в 1101 году, прокняжив 57 лет.

При Всеславе Брячиславиче Полоцкое княжество достигло высших пределов своего процветания: ни до него, ни после него оно не было так велико и сильно, как в его время. Крепость и сила княжества увеличилась особенно тем, что оно находилось в руках одного князя. Возвышением своим Полоцк вполне обязан уму и энергии Всеслава. После него Полоцкое княжество начинает падать. Оно разделяется на множество мелких самостоятельных уделов, которые часто спорят между собою. Первое начало удельному порядку в Полоцке положил сам Всеслав, разделив все княжество между своими 6 сыновьями.

* * *

Со смертию Ярослава Великого в 1054 году вся Русская земля делится на почти независимые княжества или уделы. Внешняя сущность удельной системы состояла в том, что более или менее значительный племенной центральный город получал или принимал к себе князя, который оставался вполне независимым в делах внут-

ренних, а во внешних делах более или менее зависимым, смотря по величине и значению управляемого им удела.

Собственно, удельный строй древнерусского государства существовал еще до Ярослава. Так, по смерти Святослава Игоревича Владимир сделался единовластителем Руси только после долгой и упорной борьбы с братом Ярополком. Ярослав Владимирович должен был также бороться с братом Святополком, заключить другого брата Судислава Псковского в темницу, и владеть долгое время Русью вместе с братом Мстиславом Тмутараканским до самой смерти последнего в 1034 году (на самом деле в 1036 г. — *Ред.*). Только тогда Ярослав сделался единовластцем Русской земли.

Из этого видно, что обычай разделения Руси на уделы существовал еще гораздо раньше Ярослава. Однако со смертию последнего его потомство настолько размножилось, что уже на много столетий разделило Русь на уделы. Сам Ярослав оставил 5 сыновей, и притом еще в Полоцке княжила независимая от него линия Изяславичей*.

Несмотря на довольно высокое состояние русской исторической науки, сущность и значение удельного периода еще далеко не выяснены историками. Явилось много теорий по этому вопросу, но ни одна из них не охватывает вполне сущности этой эпохи, обращая внимание то на ту, то на другую сторону ее.

Не говоря уже о вполне отжившей теории Карамзина, которая видела в наделении великим князем сыновей своих волостями отеческую любовь и попечение о детях, считаем необходимым упомянуть о других мнениях по этому вопросу. Такие авторитетные ученые, как Соловьев и Кавелин признают, что уделы произошли от раздачи русских земель великим князем как родоначальником княжеского семейства и что, следовательно, вся Русская земля представляла общее родовое владение княжеского дома, а борьба князей между собою — борьбою за княжеские родовые счеты.

Далее, есть теория, которая видит в удельно-вечевом строе этнографическое деление Руси по племенам и, следовательно, борьбу князей объясняет племенной борьбой народностей. Это мнение впервые было высказано Костомаровым. Наконец, есть еще довольно важное мнение Сергеевича, который видит в удельно-вечевом складе — договорное начало между князем и народным вечем*.

---

* В действительности не Изяславичей, а Рогволодовичей. — *Ред.*

* Николай Карамзин (1766–1826), Сергей Соловьев (1820–1879), Константин Кавелин (1818–1885), Николай Костомаров (1817–1885), Василий Сергеевич (1832–1910) — крупнейшие российские историки XIX века. — *Ред.*

Здесь не место входить в более подробное исследование этих теорий, не место также вести с ними полемику. Но нам однако кажется, по нашему крайнему разумению, — что ни одно из этих мнений не есть удовлетворительно. Дело в том, что каждая теория рассматривает совокупность не всех явлений народной жизни данного времени, но предпочтительно избирает одну группу фактов, которая кажется ей важнее, справедливее, и на них строит свои выводы; те же из фактов, которые не подходят под данную группировку, стараются объяснить какими-либо натяжками или прямо считать исключением.

Обращаясь к фактам удельно-вечевого периода Русской истории, мы замечаем три крупных явления: 1) проявление и развитие племенной жизни народностей, составлявших тогдашнюю Русь, 2) борьбу князей и 3) слияние княжеских интересов с интересами земства.

Племена, составлявшие древнюю Русь, должны были различаться друг от друга многими этнографическими особенностями, выражавшимися в различных местных говорах, обычаях, обрядах, особенностях религиозных, в различной степени культуры, в различии торговых интересов, даже, может быть, в таких мелочах, как одежда, способ и приемы охоты и т.п. Как невелики покажутся нам эти особенности, но они имели влияние на разрозненность племен, в особенности, если обратим внимание на то, что огромные пространства, непроходимые леса и болота и притом недоверчивое, подозрительное отношение одного племени к другому, — черта, свойственная вообще малообразованным народам, постоянно препятствовали близкому знакомству и слиянию племен. При этом припомним свойственную вообще славянам черту — заводить между собою споры и прочее; все эти несогласия между племенами летописец характеризует словами «бысть нестроение».

Но пока племена жили мелкими общинами, пока они не доразвились до способности создать государственное начало, народная жизнь ни в чем не проявлялась. С IX века различные события, одно за другим, возбуждают к деятельности русские племена: борьба с варягами, установление на всем пространстве государственной власти, частое посещение северных славян южными и наоборот, борьба за власть первых князей, походы в Грецию (Византию. — *Ред.*), Хазарию, на Кавказ и прочее, наконец принятие христианской религии и с нею вместе писменности, одним словом — все эти явления заставили проснуться русские племена.

Таким образом произошло возбуждение в среде русских племен к деятельности умственной и государственной, каковое явление мы бы назвали возрождением племен. Первые поддались этому движению те племена, которые находились в более близких сношениях с Грецией: киевские поляне, ильменские словене и полочане. Потом выдвигается на сцену политической жизни Волынь, Туров, северяне, смоляне и т. д. Вследствие такого проявления народной областной жизни в наш удельно-вечевой период, мы замечаем следующие явления:

1) развитие и усиление веча, как выразителя народной воли в делах внутренних и внешних;

2) борьба городов с пригородами, которая есть отражение всеобщего возрождения племен;

3) борьба земств;

4) развитие системы земель, т.е. племена группируются около своего главного центра, великокняжеского города, причем всякая земля, в свою очередь, делится на мелкие уделы.

Что касается до князей, то в борьбе их мы наблюдаем следуюшие случаи:

1) борьба князей за родовые (борьба Мономаховичей и Ольговичей) и семейные счеты;

2) борьба князей за личные обиды и неудовольствия;

3) борьба князей за интересы земель, княжеств, например торговые и пр.;

4) проявление и борьба за столы князей-изгоев.

В первых двух случаях князья обыкновенно воевали только со своими дружинами, причем земство редко помогало и даже отказывало им в помощи.

Вот отличительные черты, на наш взгляд, удельно-вечевого периода. Для объяснения его, нам кажется, нужно брать совокупность всех этих черт, а не одну какую-нибудь, например родовые отношения князей, и только такой взгляд может вполне выяснить значение этого периода.

К этому следует прибавить еще одно соображение. В продолжение нескольких веков, когда продолжался наш удельный период, при разнообразии и многочисленности племен, населявших Русь, различной их степени культуры, интересах и т.д., удельно-вечевой порядок имел свои видоизменения. Укажем хотя бы на то, что поколения князей не могли всегда действовать по одному и тому же принципу, хотя бы по принципу родового начала: один князь мог иметь свои взгляды на власть, на свое положение, на управляемый

им удел и т.д., отличные от взглядов другого. С другой стороны, и земли, смотря по условиям, в какие они были поставлены, имели различные понятия и принципы о княжеской и народной власти: в одном городе преобладало вече, в другом князь и т.д. Все это отразилось и на событиях удельного периода.

В первое время князья в уделах были пришлые. Князь со своею дружиною переходил из города в город, представляя собою временную военную и судебную власть. Вследствие частой смены князей и их исключительного положения в стране, должна была выступить народная власть для постоянного заведывания внутренними делами, что и выразилось в усилении значения веча.

Однако, приблизительно с половины XII века, князья перестают ходить со стола на стол, но сживаются настолько с управляемыми ими племенами, что власть княжеская делается наследственною. Еще при жизни князь старается назначить и утвердить себе преемника. Таким образом, княжеские линии утверждаются в той или другой земле, в своих вотчинах; земли, со своей стороны, крепко держатся одной какой либо княжеской линии. С этого времени интересы князя и его удела становятся нераздельными.

Земли полоцких и смоленских кривичей окончательно выделяются в первой половине XII века. Смоленское княжество выделяется с началом правления Ростислава Мстиславича (с 1127 г. — *Ред.*). Полоцкое княжество, как мы видели, выделилось еще при Владимире и было, насколько можно судить по летописным известиям, довольно самостоятельно. Однако мы видели, что Всеслав Брячиславич почти всю жизнь свою провел в борьбе за самостоятельность своей земли, между тем как киевские князья стремятся подчинить ее. Борьба эта продолжается и после смерти Всеслава еще с большим ожесточением. Полоцкая земля раздробляется на уделы, но все они продолжают вести борьбу с Киевом единодушно. Конец этой борьбы и полное обособление можно считать с 1137 года, с возвращением из ссылки полоцких князей.

***

Обращаясь собственно к возрождению племен, населявших Белоруссию, и к образованию у них государственнаго начала, нужно заметить, что оно далеко не одинаково и не в одно время появилось у смолян, полочан и дреговичей. Ранее других выработали государственное начало полоцкие кривичи, о чем уже было говорено. За ними выступили дреговичи с центральным городом Туровом и позже их, в первой половине XII века, смольняне. До проявления

полной самостоятельности Смоленской земли, т.е. до начала княжения Ростислава Мстиславича, при котором она впервые сделалась самостоятельною, в Смоленске часто переменяются князья. Уследить за их внутренней деятельностью невозможно за отсутствием данных и поэтому, чтобы не прерывать рассказа, нам придется ограничиться сухим перечнем за это время имен князей.

Почти то же приходится сделать и с Туровскою областью. Получив самостоятельного князя еще при Владимире Святославиче — Святополка, Туров некоторое время играет видную роль между го-

Вече в древней Руси

родами Киевского княжения. Он отдается обыкновенно старшим после великого князя князьям, следовательно, преемникам великокняжеского стола. Так, после Святополка I Владимировича, там сидел старший сын и преемник Ярослава — Изяслав до 1054 года, когда он занял Киевский стол. После смерти Ярослава Турово-Пинская область осталась за Изяславом.

Причина такого важного положения Турова была та, что в это время главнейшим и важнейшим соседом /Киевской/ Руси была Польша, ближайшее сношение с которой происходило именно через Туровскую область. Сидя в пограничной области или владея ею, князь всегда успевал заключить союз с Польшей или Венгрией,

которые и сами охотно вступали в союз с русскими князьями. Так мы видим, что Святополк I получал помощь от Польши, Изяслав тоже два раза отправлялся за помощью в Польшу, сын его, великий князь Святополк II в 1097 году заключил союз с ляхами против Давида Игоревича и воспользовался помощью венгерского короля Коломана.

Во время смерти Ярославовой, в Смоленске мы видим впервые самостоятельного князя; то был Вячеслав Ярославич, родившийся в 1034 году. Он был женат на Оде, дочери графа Штадского Леопольда и имел от нее одного сына Бориса. Однако Вячеслав вскоре умер, 23 лет от роду в 1057 году; супруга его Ода уехала на родину, взяв с собою и Бориса, выросшего и воспитанного в Саксонии; он явился на Русь только около 1077 года, когда о нем упоминают летописи.

Вместо Вячеслава на смоленский стол был отправлен, по решению старших братьев, Игорь, княживший до этого времени во Владимире на Волыни. Время его рождения неизвестно; вообще о нем мы почти ничего не знаем, как и о его предшественнике на смоленском столе. Можно только догадываться, что он был женат на Кунигунде, Орламинской графине, которая после его смерти в 1060 году уехала в Германию и там вышла замуж за какого-то принца.

После смерти Игоря (1060 г.), три старших князя — киевский князь Изяслав и братья его Святослав и Всеволод разделили и Смоленское княжение между собою. Кажется, что это деление нужно понимать только в смысле разделения доходов со страны, но не деления географического; по крайней мере последующая история этого не доказывает, да притом вообще у русских князей не было в обычае территориальное деление какого-либо племени.

Смоленская волость недолго находилась в неопределенном положении под властью трех князей. При Владимире Мономахе мы видим, что она находилась в теснейшей связи с Переяславским княжеством, в котором княжил отец Мономаха Всеволод. Мало того, Туров, кажется, тоже на время подпал власти Всеволода. Именно, после изгнания Изяслава из Кива, Святослав, сделавшись киевским князем, оставил за собою Чернигов. Несомненно, он должен был вознаградить как-нибудь брата своего Всеволода; ему, по всей вероятности, досталось Туровское княжение. Так, Владимир Всеволодович ходил воевать за Туровскую волость с ляхами и, перезимовав в Турове, на весну ходил к отцу в Переяславль, оттуда снова в Туров. Когда умер Святослав, князь Киевский, Всеволод помирился со старшим братом, изгнанником Изяславом, и перевел сына своего

Владимира из Турова, как владения Изяславова, на прежний стол в Смоленск (в 1077 г.).

Туров, вероятно, остался за Изяславом, для которого он был важен как прямой путь для сношений с Польшей. Взамен Турова Всеволод получил Чернигов, причем братья Святославичи, Олег и Давид, объявлены были изгоями и лишены отцовского стола. Такой же участи подвергся и сын Вячеслава Борис, появившийся около этого времени на Руси.

Молодые изгои не думали уступить своего права на управление русскими городами. Они явились с многочисленным войском степняков и в 1078 году заняли Черниговскую волость. Однако в том же году соединенные ополчения старших князей разбили под Черниговом изгоев, причем были убиты Борис Вячеславич и великий князь Изяслав. Всеволод занял Киевский стол, вследствие чего произошла новая смена князей в уделах. Ярополку, младшему сыну Изяслава, отдано было Туровское владение, но только в придачу к Волыни, Владимир Мономах перешел из Смоленска в Чернигов.

Таким образом, Мономах занимал два стола; по крайней мере известно, что, когда Всеслав Полоцкий напал на Смоленск, Владимир погнался за ним с черниговцами. Отсюда можно заключить, что Владимир не переставал быть смоленским князем, на что сохранилось указание в одном позднейшем источнике.

Туров при Всеволоде потерял свое значение. Этот князь не имел связей с западом, подобно Изяславу, и потому Туров не был для него важен. Он отдал его Ярополку, с которым был, по-видимому, в первое время весьма дружен. Так Ярополк однажды провел у него Пасху. Мало того, когда он был выгнан племянниками своими Ростиславичами из удела, Всеволод немедленно помог племяннику Ярополку, послав с войсками сына своего Владимира, который и восстановил его на прежнем столе. Однако согласие это продолжалось очень недолго. Ярополк вздумал восстать против дяди: между ними произошли, вероятно, какие-то недоразумения, о которых летопись умалчивает; она объясняет дело тем, что Ярополк послушался злых советников*.

---

* Пространнее об этом говорит Стрыйковский. Один приближенный Всеволода посоветовал последнему послать на Ярополка сына своего Владимира (вероятно вследствие какого-нибудь недоразумения или подозрения). Тот же советник убеждает Ярополка бежать в Польшу, говоря: «ты не доверяйся своим советникам и войску, но беги в Польшу поскорее, как сделал отец Изяслав». Если это так, то очевидно, здесь кроется какая-то интрига, какие частенько бывали в те времена. — *Авт.*

Владимир Мономах, посланный Всеволодом, занял Владимир Волынский и пленил там мать и жену Ярополка, бежавшего при одном приближении противников в Польшу. Однако он скоро помирился с великим князем и опять занял свой стол. Через несколько времени, когда он был на пути в Звенигород, его убил какой-то Нерядец. Причина убийства неизвестна, но убийца бежал к Рюрику Ростиславичу, чем и навлек сильное подозрение на последнего (1087 г.).

В следующем году, после смерти Ярополка, брат его Святополк, княживший до этого времени в Новгороде, перешел на Туровское княжение. К этому побудило его, вероятно, желание быть поближе к Киевскому столу, так как он оставался старейшим в княжеском роде. К такому переходу побуждала его еще, может быть, и та причина, что он, занимая отцовское место, мог возобновить старые отцовске связи с Польшей и Венгрией; впоследствии он, как известно, пользовался содействием той и другой. Притом же новгородцы вообще не любили этого жадного князя и впоследствии они выразились, что если бы сын Святополка, которого хотели там посадить у них, был бы даже о двух головах, то и тогда они не пожелали бы принять его.

В 1093 году Святополк, после смерти Всеволода, перешел на Киевское княжение, оставив за собою Туров.

Спустя немного времени, именно в 1095 году, Давид Святославич окончательно утвердился в Смоленске, где он прокняжил до Любечского съезда (1097 г.). После этого съезда, на котором было решено, чтобы каждый князь владел отцовским уделом, Давид Святославич с братом Олегом заняли Чернигов, Муром и Ростов, а Владимир утвердился снова в Смоленске и Переяславле.

Однако в Смоленске, спустя немного времени, мы видим сына Мономаха — Святослава. Об этом князе мы знаем немного. Известно, что в молодости своей он был заложником у одного из половецких ханов и раз ходил в поход на половцев (1107 г.). На смоленском столе он был до вокняжения отца своего Владимира в Киеве (1113 г.), когда был переведен в Переяславль, где и умер в следующем году (1114 г.). Когда Владимир Всеволодович утвердился на великокняжеском столе, произошла новая смена князей: в Смоленске начал княжить сын его Вячеслав. Такой порядок вещей продолжался, кажется, до самой смерти (1125 г.) этого князя. По крайней мере, мы узнаем, что только в 1128 году, т.е. в княжение Мстислава Владимировича, Вячеслав уже княжил в Турове, а Ростислав Мстиславич — в Смоленске.

После княжения Святополка II Изяславича значение Турова окончательно начинает падать. Причина этому быть может та, что сношения с поляками и венграми ослабевают. Польша потеряла свое могущество, приобретенное при первых королях ее: она уже далеко не была сильным государством во времена Болеслава Кривоустого (1122–1139); он ослабил ее совершенно, разделив на уделы. Мелкие /польские/ удельные князья, занятые своими домашними счетами, не могли предоставить для русских князей надежных союзников. Притом жизненный интерес Руси с Владимира Мономаха до конца XII века переносится к Киеву и на правый берег Днепра. Русь употребляла все усилия в борьбе с кочевыми ордами половцев. Между ними же князья находили верных союзников и наемников.

Вследствие такого положения вещей Турово-Пинская область, хотя приобретает при Вячеславе Владимировиче полную независимость от киевского князя, но теряет свое значение и нисходит на степень мелкого удела. Притом она дробится на несколько княжеств. Уже в 1128 году мы знаем отдельного Клецкого князя Вячеслава. Но несомненно, что уделов было гораздо больше: оставались еще потомки Изяслава Ярославича: Мстислав, Изяслав, Брячислав и Юрий, которых уделы, хотя неизвестны в точности, но были где-то в бассейне Припяти. Таким образом, мы видим, что до смерти Мономаха, Туров и все Поприпятье почти исключительно находились во власти старшей линии Ярославичей — потомков Изяслава.

Всеслав Брячиславич Полоцкий оставил после себя шестерых сыновей: Рогволода, Давыда, Бориса, Ростислава, Глеба и Романа. Своими завоеваниями Всеслав значительно расширил свои владения; но после смерти его сила и значение Полоцкого княжества быстро падают. Причина такого падения — разделение княжества на уделы. Неизвестно, какому из сыновей Всеславовых достался тот или другой удел, а также и какие именно были уделы. Можно только заметить, что в Полоцке сел Давыд (умер в 1129 г. — *Ред.*), в Минске — Глеб (умер 13.09.1119 г. — *Ред.*), в Изяславле — Брячислав. Самыми важными уделами были Минск и Полоцк. О границах последнего мы ничего не знаем; к Минску же принадлежали города Орша, Копыс (ныне уездный город Могилёвской губернии) и Друцк (ныне село на реке Друти в Могилёвской губернии). О других уделах, а также и князьях их мы знаем весьма немного.

Главный удел Полоцкой земли — Полоцк, в котором княжил Давыд Всеславич, находился в тесном союзе с остальною Русью. Так, этот полоцкий князь ходил вместе со всеми князьями в 1103

году на половцев. Он не отказался от союза с киевскими князьями и тогда, когда ему пришлось идти на родного брата в Минск.

Беспокойный Глеб /Всеславич/ Минский начал делать нападения на соседние области, на дреговичей и на смолян, которые тогда находились под властью Святополка Киевского. Последний, чтоб наказать неугомонного соседа, отправил в 1104 году на Минск воеводу Путяту; к киевскому ополчению присоединились: смоленское под начальством сына Владимира Мономаха Ярополка, Олег Святославич и брат Глеба, Давыд. Но соединенное войско возвратилось из Минской области без успеха. Между тем Глеб не унимался; он продолжил грабить соседние земли, уводить в плен жителей, жечь города и села.

В 1116 году Глеб напал на землю дреговичей, сильно опустошил ее северные окраины и сжег Слуцк. Владимир грозил ему, но он не обращал внимания на угрозы и сам укорял великого князя. Тогда Мономах решился покончить с беспокойным соседом. Он сам с войском отправился на Минск, взяв с собою своих сыновей, Давыда Святославича и Ольговичей. Нападения были сделаны с разных сторон. Князь Смоленский Вячеслав Владимирович взял Оршу и Копыс, города, соседние со Смоленской волостью; Давыд и Ярополк, сын Владимиров, взяли и отдали на «щит», т.е. на разграбление Друцк.

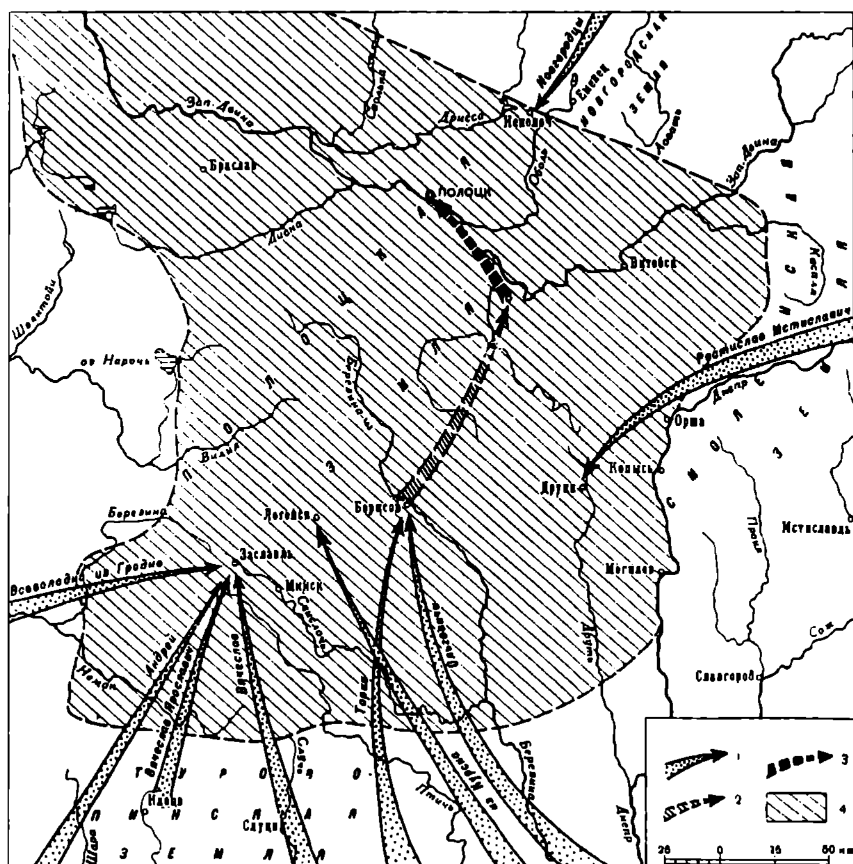
На главный город княжества Минск, где находился и виновник похода Глеб, отправился сам Владимир. Глеб затворился в городе. Не надеясь взять скоро приступом город, киевский князь твердо решился принудить его к сдаче голодом. С этой целью он начал строить себе избу в лагере. Глеб, увидев, что Владимир думает во что бы то ни стало взять город, начал с ним переговоры о мире. Владимир, как выражается летописец, сжалился, что проливается кровь христианская во дни великого поста, и принял мирные условия. Глеб вышел из города с детьми и дружиною, поклонился великому князю, условился о мире, обещаясь быть послушным Мономаху. Сделав свои распоряжения, прочитав наставления Глебу, Владимир отдал ему обратно Минск, а сам возвратился в свою область.

Однако, хотя не упоминается, в чем состоял мирный договор между киевским и минским князьями, но из последующих известий можно заключить, что полоцкие города Орша и Копыс с этого времени навсегда остались принадлежащими Смоленской области. Кроме того, сильно пострадали driчане: жители этого города были взяты в плен Ярополком и отведены в Переяславскую волость, где им построен был город Желди.

Впрочем, Глеб недолго соблюдал мир. Около 1119 года Владимир снова пошел к Минску, на этот раз взял город, пленил Глеба и привел его в Киев, где он и умер в том же году. Минское княжество осталось на некоторое время во владении Мономаха и его сыновей.

Завладев Минском, Мономах, как кажется, отдал его внуку своему Изяславу.

После смерти Мономаха, в княжение в Киеве сына его Мстислава, между полоцкими князьями и остальною Русью возгорелась новая война. На этот раз поход был направлен против всех князей полоцких и, в особенности, против прежнего союзника и родственника Мономаховичей — Давыда Всеславича Полоцкого. Причины этого похода неизвестны, хотя из последующих событий можно догадываться, что Давыд Всеславич отказался от участия в общерус-

Поход коалиции князей на Полоцк в 1128 г.

ских делах — в походах на половцев, и, вероятно, не признал великокняжеской власти Мстислава. Как бы то ни было, но в 1127 году великий князь собрал почти всю Русь в поход на Полоцк. Замечательно, что как этот, так и другие походы на Полоцк отличаются тем, что на них собираются почти все князья охотнее чем на половцев. К сожалению, невозможно, по недостатку данных, выяснить это замечательное явление*.

В настоящий поход князья отправились не все вместе, но по частям, на разные города Кривичской земли. Так, на Изяславль отправилось 4 князя: Вячеслав из Турова, Андрей из Владимира (Волынского), Всеволодко из Городно (ныне местечко Городно Пинского уезда Минской губернии), Вячеслав Ярославич из Клецка. Всеволод Ольгович, князь Черниговский, с братьями отправился по направлению на Стрежев к городу Борисову.

Сын великого князя Изяслав Курский и воевода Иван Войтишич с ополчением торков направились на Логожск (ныне местечко Логойск Минской губернии). Ростислав Смоленский, другой сын Мстиславов, направился на Друцк.

Всем этим князьям дано было приказание напасть одновременно на назначенные пункты, именно 4-го августа. Но Изяслав напал на Логожск днем раньше, взял город и полонил жителей. Тут он простоял два дня, взяв случайно в плен Брячислава, князя Изяславского, и войско логожан, которых он вел на помощь отцу. Этот князь, отправившись в поход к отцу, сбился с пути, перепутался и попал прямо в руки Изяславу. Этот последний, взяв добычу, пленных логожан и Брячислава, отправился к Вячеславу Владимировичу, который в это время осаждал сильно сопротивлявшийся Изяславль.

Жители этого города, видя, что князь их Брячислав и логожане находятся в лагере противников и что им не причиняют никаких обид, решились и сами сдаться, но предварительно потребовали от Вячеслава клятвы, что город их не будет отдан на разграбление. Вячеслав дал, но не мог сдержать. Вечером, чтобы воины не заметили и не ворвались в город, туда вошли только воевода Воротислав князя Андрея и тысяцкий Вячеслава Иванко с небольшим числом отроков. Когда же на рассвете войско увидело, что город сдался, оно насильно ворвалось туда и предалось разграблению; воеводы едва могли спасти имущество жены Вячеславовой, дочери Мстислава.

---

* Объяснить это как раз нетрудно. Полоцк и его земли были обжиты и богаты, а на какую добычу могли рассчитывать князья в войне с кочевниками-степняками?! — *Ред.*

В то же время выступило против полочан и новгородское ополчение, во главе с князем Всеволодом Мстиславичем; оно направилось к Неклочу. Когда полочане увидели, что им невозможно бороться с целою Русью, то решили на вече выгнать виновника несчастий Давыда, а на его место посадить Рогволода (умер в 1128 г. — *Ред.*). С таким решением они отправились к Мстиславу, который согласился с решением полоцкого веча, заключил мир и отправился в Киев.

Но полоцкие князья не думали считать для себя обязательным исполнение мирного договора. Когда Мстислав прислал звать их в поход на половцев, они не только не повиновались, но отправили послов с насмешкою. Мстислав хотел сейчас же наказать непокорных, но его задержала война на юге. Окончив ее, он отправился на север, пленил всех полоцких князей: Рогволодовичей Василия и Ивана (самого Рогволода уже, очевидно, не было в живых) и Всеславичей: Святослава, Давыда и Ростислава*. Один из Всеславичей, Борис, умер до изгнания в 1129 году, а другой, Роман — в 1114 году.

Мстислав их привел в Киев и отсюда отправил на трех ладьях в Грецию /Византию/, где все эти князья были хорошо приняты императором и поступили к нему на службу.

Полоцк получил во владение Изяслав Мстиславич. Впрочем, полоцкие Изяславичи (повторояю: не Изяславичи, а Рогволодовичи. — *Ред.*) вскоре появляются в своих родных вотчинных землях; именно в 1132 году появляется в Полоцке Василько Святославич, внук Всеслава. Когда после смерти Мстислава, Изяслав из Полоцка перешел в Переяславль, оставив вместо себя Святополка, брата своего, полочане воспользовались случаем для освобождения себя от зависимости чуждой им княжеской линии; они изгнали Святополка и посадили на стол Василька Святославича.

Этот князь, очевидно, успел уже вернуться из изгнания или же, быть может, вовсе не был отправлен с отцом в изгнание, как малолетний. В 1140 году вернулись и еще двое из князей (имен не упоминается) из Царьграда; возвратились ли или нет остальные князья, — неизвестно. С возвращением полоцких князей, земля их в полном составе (кроме Орши и Копыса) была освобождена от власти киевских князей. Восстановление прежнего порядка в Полоцке совершилось с согласия остальных русских князей; прибывшие

* Ныне установлено, что Борис Всеславич и Рогволод Всеславич — это один и тот же князь. У него было два имени — языческое (Рогволод) и христианское (Борис). — *Ред.*

князья живут мирно и в союзе с остальными князьями и Мономаховичами, и Ольговичами Северскими*.

Таким образом восстановился прежний порядок в Полоцкой земле; вместе с тем окончилась вековая борьба с Киевом за самостоятельность.

Представим еще одно соображение относительно этой упорной борьбы.

После смерти Мономаха, потомство его утверждается в земле Туровской и Смоленской, стремясь подчинить и полоцкие волости. [

Кроме того, Мономаховичи владели землями Владимиро-Волынскими, Переяславскими и Ростово-Суздальскими, стараясь не выпустить также из рук Великого Новгорода. Первое поколение Мономаховичей особенно дружно отстаивало земли на западной половине Днепра, которыми был окружен Киев, стараясь не выпустить из своих рук ни одного города.

Но уже Мстислав, а может быть, и отец его Владимир, не мог не понимать, что он только тогда может прочно утвердиться на западе, тогда только может рассчитывать на постоянное влияние на богатый Новгород, когда избавится от опасного врага на севере — полоцких князей. Непрерывная борьба, примеров жестокости которой нет в нашей древней истории, борьба Мономаха с полоцкими князьями, не имеет за собою других оснований, как желания соединить в одну территорию Смоленскую и Ростово-Суздальскую земли с Киевом и дреговичами и таким образом взять в свои руки Новгород.

Конечно, старая, едва ли не эпическая, причина борьбы Ярославичей с Рогволодовичами здесь не могла иметь места. Владимир Мономах, мстя за всякое нападение на смоленские земли, ревностно отстаивает и туровские. Он не успел или не решился отнять уделы у Рогволодовичей; он успел по крайней мере оттеснить их от Днепра занятием Орши и Копыса. Отняв эти города он успел значительно оттеснить полочан от великого водного пути, подорвать их торговлю, а обеспечить и усилить таким образом торговлю своей области.

Сын его Мстислав (великий князь Киевский в 1125–1132 гг. — *Ред.*) оказался решительнее отца. Предлог для борьбы, который выдвигает летопись, желая замаскировать чисто личные стремления деятельного представителя Мономахова рода, причина борьбы вследствие которой «Рогволожи внуци взимают меч», имеет более

* Всеволод взял за сына своего Святослава дочь Василька, Изяслав отдал дочь свою за Бориса Рогволодовича.

глубокое основание. Мстислав одним решительным ударом хотел сделать то, чего не мог достигнуть его отец долгою борьбою. Он изгоняет полоцких князей и сажает на место их наиболее деятельного из своих сыновей, наиболее способного поддержать стремления своего отца — Изяслава.

Еще не успел он /Изяслав Мстиславич/ утвердиться в полоцких волостях, как киевский князь предпринимает большой поход на Литву. Что это была за Литва, — из обстоятельств похода не видно, не видно также и причины похода. Но последняя ясна будет, если вспомнить, что полоцкие князья находились с литовскими народцами в постоянных сношениях, что эти народцы, по крайней мере соседние, находились в подчиненном положении к полоцким князьям, что среди них жили кривичи колонисты. Это смешанное русско-литовское население, очевидно, не желало покориться новому князю и, пользуясь наступившим замешательством, стремилось обособиться. Не без вероятности можно также предположить, что сюда, на окраинные земли, сбежалась часть полочан, недовольных новыми порядками, приверженцы Рогволодовичей и независимости и, вероятно, со своими князьями, из которых не все были изгнаны и которых народный голос выдвинул снова при первом удобном случае.

Попытка удержать за собою Полоцкую область Мономаховичам не удалась и не удалась потому, что этому помешали и внутренние причины (само население) и внешние обстоятельства. После смерти Мстислава начались частые перемещения Мономаховичей со стола на стол, неурядица при неудачном правлении Ярополка. Но впоследствии мы увидим, что та же борьба Мономаховичей с Полоцком продолжалась, только на других основаниях, и что Мономах в своем внуке Ростиславе нашел надежного преемника.

* * *

Мы рассмотрели начальную эпоху истории Смоленского, Туровского и Полоцкого княжеств. В ней заметны два различных течения: стремление первых киевских князей сцентрализировать русские земли в своей власти, и затем, когда Русь достаточно сплотилась, — движение обратное первому, децентрализационное.

Подробностей из эпохи сложения русских земель под властью князя Киевского мы почти не знаем; однако, насколько можно судить по отрывочным известиям, это соединение не всегда происходило мирным путем, на что указывает борьба Владимира I (святого) с Полоцком, с радимичами и прочими, хотя большинство племен,

не успевших создать у себя прочного государственного устройства, под влиянием внешних обстоятельств подчинились добровольно.

Затем начинаетси течение обратное в истории Руси — стремление отдельных этнографических групп к децентрализации, к установлению у себя самостоятельного государственного устройства. Туровское княжество не успело обособиться до довольно позднего времени; Смоленская земля выделялась постепенно, без борьбы с Киевом; со времени княжения Ростислава Мстиславича она делается вполне самостоятельной землей с отдельной своей линией Ростиславичей. Напротив, Полоцкая земля выдержала вековую борьбу с Киевом из-за самостоятельности.

Глава 2
Борьба между князьями

Вначале княжения Мстислава Владимировича в Киеве мы видим на Туровском столе младшего его брата Вячеслава, а на Смоленском — сына Ростислава.

Неизвестно, когда родился князь Туровский; из предшествующей жизни его мы знаем, что он уже в 1096 году ходил на помощь брату своему Мстиславу против изгоя Олега; затем в 1107 году он принимает участие в походе всех князей на половцев, а немного позже мы встречаем его уже на Смоленском столе (с 1113 г.). Через три года после этого он по приказанию отца своего Мономаха совершил поход на Дунай с воеводою Фомою Ратиборичем. Причина похода — желание Мономаха поддержать притязания на византийский престол брата царевича Леона, Василия, внука Мономаха. Война была неудачна и Вячеслав, отступив от Доростола, возвратился обратно.

Вот все, что мы знаем о Вячеславе до занятия им Туровского стола; когда занял он этот последний стол, летописи умалчивают, но во время похода Мстислава на Полоцкую область в 1128 году Вячеслав был уже Туровским князем. Переход его на туровское княжение из Смоленска едва ли не следует отнести ко времени занятия Мстиславом Киевского стола и последовавшей при этом перемене столов, т.е. к 1125 году. К этому же году, вероятно, относится и занятие Смоленского стола Ростиславом Мстиславичем, так как и

этого последнего мы встречаем со смоленским полком в упомянутом походе на Полоцк.

Нужно заметить, что Туровская земля в это время состояла из двух уделов — собственно Туровского и Клеческого, где княжил Вячеслав Ярославич, внук Святополка. Долго ли существовал этот удел — неизвестно, ибо об этом князе летописи больше не упоминают.

С началом княжения Ярополка Владимировича в Киеве (1133 г.) происходит новая смена столов. По установившемуся порядку, Переяславское княжение занимал ближайший преемник великого князя. А таким преемником бездетный Ярополк хотел, очевидно, сделать племянника своего Изяслава Мстиславича, вывел его из Полоцка и посадил в Переяславле. Но такое предпочтение племянника дядьям (Вячеславу, Андрею и Юрию) вызвало среди князей недовольство, и Ярополк должен был «с нуждею» вывести племянника из Переяславля и отдать его старейшему после себя — Вячеславу. В удовлетворение же Изяслава, потерявшего во время этих переходов полоцкие владения, кроме Минска, великий князь отдал ему Туров и Пинск сверх Минска, «и множество даров: жемчюг, злато, сребро, ризы, кони, доспех, и чествовав его много».

Но Вячеславу не сиделось в Переяславле. Там требовался князь не с таким характером, как он; борьба с половцами, с черниговскими князьями требовала постоянной деятельности, которой Вячеслав всегда предпочитал тихую жизнь. Вот почему он «начал лишаться» Переяславля, ходил зачем-то в Рязань, оттуда снова вернулся в Переяславль, и наконец, изгнав Изяслава из Турова, снова сел там.

Недолголетнее княжение Ярополка (1133–1139 гг.) было временем постоянной борьбы из-за уделов, так как этот князь своим предпочтением племянников дядьям, своим неумением соблюсти интересы своей семьи, возбуждал постоянные неудовольствия и пререкания. Как только умер Ярополк, Вячеслав тотчас сделал попытку, как старший после него, сесть на Киевский стол. Но это ему, как известно, не удалось: явившийся двадцать дней спустя Всеволод Ольгович заставил его снова уйти в свой Туров, он «створися мний», по летописному выражению.

Всеволод Ольгович, утвердившись на Киевском столе, целью своей политики поставил девиз «divide et impera» (разделяй и властвуй. — *Ред.*)*. Он старался, приближая к себе одних из Монома-

---

* Всеволод II Ольгович — сын Олега Святославича, князя Черниговского. Княжил в Чернигове в 1127–1139, в Киеве в 1139–1146. — *Ред.*

шичей, разъединить планы этой линии, и в то же время не дать возможности Ольговичам и Давыдовичам соединиться с Мономаховичами. Только такой политикой он успел удержаться в Киеве. Вначале он хотел одним взмахом ослабить Мономаховичей, «искаше под Ростиславом Смоленска, а под Изяславом Владимира», но не успел еще Всеволод направить свой удар на Смоленск, как принужден был помириться с Мономашичами, «сьдумав, яже ему без них нелзе бытии».

Желая покрепче утвердиться в Киеве, Всеволод понимал необходимость владеть соседними землями, а наиболее удобной для завладения из них была Туровская. Он велел сказать Вячеславу: «седеши во Киевской волости, а мне достоить; а ты пойди в Переяславль, отчину свою». Вячеслав уступил Туров без борьбы, хотя великий князь поддерживал свое требование войсками: «посла на Вячеслава». В Турове был тотчас же посажен сын его Святослав.

Таким образом, Всеволод Ольгович, стремясь окружиться ближайшими землями, упускал отдаленный и менее важный для него Переяславль; но мало того, посылая туда Мономашича, он прекрасно понимал, что Ольговичи и Давыдовичи не будут довольны таким распределением. Так и случилось, последние решили «нам самим о себе поискати», напали на Вячеслава в Переяславле; однако соединенные силы Всеволода, Изяслава и Ростислава Мстиславичей, напавшие с разных сторон на Северские волости, заставили согласиться на мир родичей великого князя. Ростислав во время этой борьбы быстро двинулся со смоленским полком, напал по дороге, при первом известии о нападении Ольговичей на Вячеслава, на Радимичскую волость, пожег ее всю с городом Гомьи (Гомель).

Союзники заставили смириться северских князей; но обладание Дреговичской землей дало возможность Всеволоду разъединить интересы противников, удовлетворить их требования и в то же время не дать возможности им усилиться территориально: Всеволод племянникам своим Давыдовичам дал Берестий, Дорогичин, Вщиж и Ормину (последние два в северной Волыни), брату Игорю — Городечь, Гюргов и Рогачёв, а Святославу — Клеческ и Черториеск.

Но в том же 1142 году Вячеслав, с согласия Всеволода, снова передал свой Переяславский стол Изяславу, а сам ушел в Туров. К сожалению, летопись ни одним намеком не указывает на причины этих постоянных переходов Вячеслава в Туров. Причины эти могли быть чисто субъективные, могли проистекать из характера самого князя, мало расположенного к бурной жизни, каковою необходимо

была жизнь в Переяславле; личные симпатии, желание жить мирно могли влечь его в Туров.

Но едва ли не следует видеть здесь и отражение общего характера отношений князя к своей волости в половине XII века. В это время князья начинают «оседать» в своих волостях: Юрий основывается окончательно в Ростово-Суздальских землях и долго не вступает в спор о великом княжении, Ростислав в Смоленске, Андрей Владимирович в Переяславле, Ольговичи и Давыдовичи при всех переменах не выпускают своих отчин и пр.; понятие об отчинах все крепче и крепче утверждается среди князей. Ясно, что эта последняя причина заставляла Вячеслава возвращаться в Туров; он там осел, свыкся с волостью, может быть, занялся расширением ее торговли и благосостояния, чем занимался Юрий в своих областях, также долго не вмешивавшийся в дела южной Руси.

Миролюбивые отношения между Мономаховичами и Ольговичами не были искренны и держались только потому, что обеим сторонам было в данное время выгодно их поддерживать. Изяслав Мстиславич прекрасно понимал, что при первом удобном случае Всеволод способен разорвать с ним мир. Вот почему, хотя все Мономаховичи и держались союза с великим князем, хотя мы и видим их в походах с ним на Володимирка Галицкого в 1144 и в 1146 годах, однако еще в предыдущем году Изяслав счел нужным отправиться к Юрию в Суздаль для заключения союза против Всеволода; но последний не удался; тогда он побывал у брата своего Ростислава в Смоленске и у Святополка в Новгороде — с той же целью. Одновременно с этим он ищет союза с полоцкими князьями, выдает дочь свою за Рогволода Борисовича.

В таком неопределенном положении, между миром и войною, находились дела Мстиславичей, как вдруг скончался Всеволод, оставив Киевский стол брату своему Игорю. Изяслав был готов к войне, быстро двинулся на последнего и занял Киев после упорной борьбы. Приготовляя союз на случай разрыва с Всеволодом, он успел прочно заключить его только с братом Ростиславом. С Юрием союз не удался, а к Вячеславу этот князь, по-видимому, и не обращался с союзными предложениями. Это последнее обстоятельство повело к немедленному разрыву между дядей и племянником. При новой перемене столов Изяслав спешил, кроме того, поладить с Давыдовичами, он приближает к себе Всеволодова сына Святослава, и совершенно игнорирует дядю Вячеслава.

Все это заставило последнего начать неприязненные действия против племянника. Летопись прямо указывает, что он не только

надеялся на свое старшинство, но выступил по настоянию бояр, представителей управляемой им земли. Он быстро занял прежде всего те города своей области, которые отняты были у него Всеволодом, следовательно, Рогачев, Берестий, Клеческ и другие и, пользуясь обстоятельствами, пошел дальше, занял Владимир-Волынский, посадив там своего племянника, сына Андрея Переяславльского. Такой способ действий вызвал решительный отпор со стороны Изяслава. Союзники его, Ростислав Смоленский и Святослав Всеволодич, отправились на Туровскую волость и заняли самый город, в котором великий князь посадил сына своего Ярослава. Что боярство было главным виновником описанной борьбы, ясно из того, что на некоторых из них, вероятно опаснейших, великий князь излил свой гнев, выведши из Турова епископа Акима и посадника Жирослава Яванковича.

* * *

Во время последовавшей борьбы Изяслава со Святославом Ольговичем, затем с Юрием и с Давыдовичами, важнейшим союзником киевского князя является смоленский князь Ростислав.

Причины этого тесного союза легко видеть в том, что они были родные братья, следовательно, интересы их были близко связаны. Кроме того, само географическое положение Смоленской и Киевской волостей, как в военном, так и в торговом отношении поддерживало необходимость тесного военного союза двух братьев. Киев был главным пунктом торговли всей южной Руси, а также сюда стекались товары из Греции и греческих колоний на берегу Черного моря. Отсюда товары распространялись по всей Руси и в особенности много шло в богатый и торговый Новгород, который в свою очередь снабжал южными товарами северную Русь, соседнюю с Новгородом, волжских хазар и в особенности вел оживленную торговлю с немецкими городами.

Смоленск лежал на пути этих двух артерий древней Руси. Он и сам принимал деятельное участие в торговле, в особенности северными произведениями. Поэтому интересы Смоленска неразрывно были соединены с интересами Киева и Новгорода. Мирные отношения с северным и южным пунктами торговой деятельности тогдашнего русского мира, естественно, должны были отражаться и на Смоленске с благоприятной стороны. Поэтому мы видим, что смоленские князья всегда держатся тесного союза с Новгородом и Киевом, дорожат этим союзом. Очевидно, поддерживать мирные отношения с далекой и бедной Суздальской волостью, расположен-

ной совершенно в стороне от главной в то время торговой дороги — Днепра, не было в интересах смоленского князя, в особенности, когда сохранение таких мирных отношений могло послужить поводом к разрыву с Киевом и тесно с ним соединенным Новгородом.

Кроме того, положение Смоленска в военном отношении требовало мирных отношений его к Киеву. На юге Смоленской земли, в особенности при Днепре, сосредоточивались главнейшие по торговле пункты, эта же сторона была более плотно населена, и, следовательно, в случае военных действий с этой стороны Смоленская область платилась лучшей и важнейшей частью своих владений. Между тем на восточных границах, соседних с владениями Юрия Суздальского и его союзников, именно по рекам Протве и Угре, эта область кривичей была мало населена и притом бедна, вследствие отсутствия торговых пунктов.

Итак мы видим, что три, главным образом, обстоятельства удерживали Ростислава в союзе с братом своим Изяславом: родственная связь, торговое и военное положение смоленских кривичей; кроме того сюда нужно добавить еще и характер правления князя Ростислава, о чем будет речь впереди.

Во время последующей борьбы князей из-за Киевского стола, Смоленское княжество находилось в наиболее выгодных условиях, сравнительно с другими русскими областями; оно вовсе не подвергалось нашествиям и разорениям, что испытали все другие русские земли. Два раза только восточные, т.е. наиболее бедные его окраины, подверглись нападению. Именно, при самом начале борьбы, по приказанию Юрия, Святослав Ольгович опустошил верховья Протвы, где жил небольшой народец Голядь; эта Голядь вся была уведена в плен войском Святослава (1147 г.)*. В другой раз, в том же году, потерпели от нашествия степняков половцев и таксобичей, под начальством воевод Судемира Кучебича и Горена, верховья реки Угры. Больше нападений на землю смолян не было.

Таким образом Смоленская земля почти ничего не потерпела от черниговских князей. Но Ростислав, как сам, так и в союзе с Изяславом, много раз проходил с войском по Черниговской земле, опустошая и грабя, разоряя совершенно северные города ее. Так, он в

* По созвучию с прусскими голиндами, смоленскую голядь на Протве считают обыкновенно родственною этому литовскому племени (напр. Соловьев и Барсов). Но каким образом могли попасть туда литовцы, никто доказать не может, потому что источники не дают никаких указаний. Строить на одном созвучии такое заключение нам кажется слишком смелым; вероятнее всего, что Голядью называлась местность чисто кривичская. — *Авт.*

том же году уже успел предать огню соседний черниговский город Любеч (ныне местечко Черниговской губернии Городницкого уезда), богатый и важный город. При этом он, по его собственному выражению, много воевал, т.е. сильно опустошил соседние земли, много зла сотворил Ольговичам.

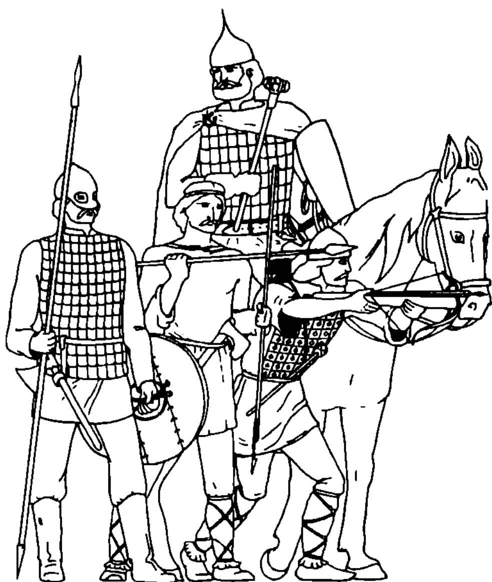
После разорения Любеча он послал к брату Изяславу, опустошавшему окрестности самого Чернигова, с известием о своих успехах и с просьбою обождать его, чтобы оба могли соединиться и подумать о дальнейшем ходе военных действий. По совету Ростислава, оба соединенных войска отправились в южные пределы Черниговского княжества с целью принудить к битве Ольговичей. Но последнее им не удалось. Между тем они успели разорить несколько городов: Всеволож, Белувежу, Уненеж, Бохмач и взять в плен их жителей. По случаю наступавшей весны князья принуждены были прекратить военные действия и отправиться в Киев. Отсюда по совету Изяслава Ростислав отправился к себе в Смоленск, чтобы там, в союзе с новгородцами, встретить Юрия, если бы он вздумал напасть. Однако нападения не произошло: Юрий прошел мимо Смоленской земли.

Мы не будем следить за ходом борьбы Изяслава с Юрием из-за Киева, в которой участвовали наши князья Ростислав и Вячеслав. В этой борьбе принимала участие вся Русь, поэтому исследование этого времени есть предмет общерусской истории. Мы уже видели причины, по которым Ростислав оказался верным союзником Изяслава. Смоленская земля не была всецело заинтересована в этой борьбе и поэтому не понесла почти никакого ущерба. Мы обратим теперь только внимание на личные отношения двух братьев-союзников в первый период этой борьбы, т.е. до первого изгнания Изяслава из Киева.

Ростислав был самый видный и самый сильный союзник Изяслава; кроме того они были братья, владетели земель, которых экономическое положение крепко связывало; этими обстоятельствами обусловливается то, что они крепко держались друг друга во все продолжение борьбы и притом держались как равные союзники. Вопреки тогдашнему обыкновению, когда великий князь имел некоторое влияние на удельного, когда первый не посылал за советом к последнему, мы видим в отношениях Ростислава и Изяслава полное равенство и уважение друг друга. В военных действиях князья советуются друг с другом; «увидим, что даст нам Бог», говорят они, и собираются для общего совета. Во всем они действуют как равные: «идоста», «слышавша», «посласта» — говорит про них летопись.

Изяслав спрашивает каждый раз мнения у Ростислава, прежде чем начать те или другие действия: Изяслав «нача думати с братом своим». Так, когда северские князья прислали к Изяславу просить мира, он отвечал им: «я пошлю к брату Ростиславу и с ним вместе решу и тогда пошлю к вам своих послов». Ростислав посоветовал брату мириться и тот принял совет. Братья извещают друг друга о всех своих удачах. Характер сношений самый задушевный: извещая об успехах своих под Черниговом, Изяслав спрашивает о здоровье брата: «и тебе, брате, прашаю, в здоровьи ли еси и што ти тамо Бог помогает». Посол Ростислава начинает речь к Изяславу: «Брате! Кланяю те ся, ты еси мене старей, а како ты угадаеши, а яз в том готов есть». Особенно характерна встреча братьев в Смоленске. Изяслав и Ростислав «похвалиста Бога видевшеся брата в здоровьи и пребыста у велицей любви и в весельи с мужи своими и с Смолняны». Братья дарили друг друга — Изяслав произведениями Русской земли (Киевской. — *Ред.*) и царских земель (т.е. византийских. — *Ред.*), Ростислав — от Верхних земель и от варяг.

Такое положение князя Смоленского весьма важно: оно указывает и признает полную самостоятельность земли его и ее силу. Своим отношением к Ростиславу, как кровному союзнику, Изяслав, и с ним вместе и другие князья утвердили в глазах всего русского тогдашнего мира полную независимость Смоленской земли.

Полоцкие воины XII–XIII вв. (реконструкция)

Как известно, первый период борьбы Мономаховичей за Киев кончился тем, что Юрий водворился в Киеве, а Изяслав был изгнан и ушел на Волынь, во Владимир, Ростислав ушел в Смоленск.

Не таковы были отношения между Изяславом и дядей его Вячеславом. Во весь этот первый период борьбы Мономаховичей летопись о нем упоминает не более трех

раз, да и то только как бы случайно, указывая, что и полк, т.е. войско Вячеславово было в числе войск Изяславовых. Очевидно, что обиженный племянником дядя, хотя и примирился поневоле, уступая силе и уму его, но не принимал деятельного участия в войне. Князья о нем как бы забыли, игнорировали его существование и его старшинство в роду; молодые князья действуют, не спрашивая его совета, даже без его личного участия: приходит к Изяславу только полк его.

Из таких отношений между дядей и племянниками можно заключить, что они были не в ладах между собою; вероятно, как Вячеслав и высказывает впоследствии, туровский князь не мог простить более сильному и ловкому племяннику своего позора — удаления с Киевского стола; он молчал только потому, что слабость его страны, нежелание истощать в войнах ее последних средств, а также и отсутствие самодеятельности и энергии в самом князе не позволяли ему вступить в борьбу. С другой стороны и племянники, имевшие, может быть, и еще какие-нибудь поводы к неудовольствию на дядю, не обращали внимания на последнего, более надеясь на свои силы, любовь к ним народа и собственный ум, чем на авторитет малосильного старика дяди.

Естественно, что Вячеслав не был верным союзником племянников Изяслава и Ростислава; он ждал только случая разойтись с ними. Этот случай скоро и представился, когда Юрий, изгнав Изяслава, завладел великокняжеским столом Киевским. Вячеслав и Юрий тотчас же вступили в союз. Юрий был младший брат Вячеслава, но все же для последнего было менее обидно находиться в некоторой зависимости от брата, чем от племянника, относившегося к нему притом свысока. Братья скоро поладили, и Юрий, как увидим, относился с большим уважешем к своему старшему брату, советовался с ним и прочее. Одним словом, два сына Мономахова составили между собою такой же союз, как и их племянники Мстиславичи.

Едва только Юрий (будущий Долгорукий. — *Ред.*) успел утвердиться в Киеве (1149 г.), заключил мирные договоры с черниговскими князьями, причем одному из них, Святославу Ольговичу, он дал Слуцк, Клецк и восточную часть дреговичей, как Изяслав собрал войска и, в союзе с королями польским и венгерским, двинулся на Киев. От этого похода прежде всего должно было пострадать Туровское княжество, так как Изяслав двинулся из соседней Волынской земли. Поэтому Вячеслав, узнав о приготовлениях врага, послал сказать Юрию:

«или ты отдай Изяславу, что он хочет, или иди сюда с полками защищать мою землю. Изяслав говорит мне: будь ты мне вместо отца, иди княжить в Киев, а с Юрием я не могу ужиться; если ты не хочешь принять меня в любовь (т.е. войти со мной в союз) и не пойдешь в Киев княжить, я пожгу твою волость. Теперь, брат, приезжай, увидим, что нам Бог даст, добро или зло; если же, брат, ты не придешь, то не жалуйся на меня (т.е. я могу отступить от союза с тобою), но чтобы моя область не была пожжена».

Юрий, собравши огромное войско, немедленно выступил на помощь к брату; оба союзника сошлись в Пересопнице (ныне местечко на реке Стубле в Волынской губернии). Хотя война собиралась быть грозною, но обстоятельства вскоре заставили одну и другую сторону войти в мирные отношения. Именно иностранные союзники Изяслава, частью из страха пред силою Юрия, частью по своим домашним обстоятельствам, решились помирить спорящих князей. Они послали к Юрию и Вячеславу, прося их помириться с племянником. Дядья ответили, что если они хотят мира, то пусть уйдут со своими войсками, а они сами войдут в соглашение с Изяславом. Поляки и венгры ушли.

Однако князья не могли сойтись в вопросе о новгородских данях, следуемых Изяславу; война возобновилась с новою силою. Дело дошло бы до сражения у города Луцка, если бы не вмешался в дело Владимир Галицкий. Он начал склонять дядей к миру и прощению племянника. После долгих переговоров, хотя сыновья и Ольговичи не советовали Юрию мириться, Владимиру удалось прежде всего склонить к миру Вячеслава; он склонился к миру и любви, потому что, по выражению летописца, он был «незлобив сердцем, хваля преславного Бога и помня писание». Он начал уговаривать брата: «брат, мирись; если ты хочешь не уладившись пойти, то тебе ничего, а мою волость Изяслав пожжет».

Мир был заключен. Придя в Киев, Юрий хотел было передать великокняжеский стол Вячеславу, но бояре воспротивились такому желанию князя, они говорили: «брату твоему не удержать Киева, не будет его ни тебе, ни брату твоему». Партия Вячеслава была, очевидно, еще слишком слаба. Вследствие всего этого Юрий остался сам в Киеве, а Вячеслава послал в Вышгород.

Юрий не по одному братолюбию предлагал Вячеславу великокняжеский стол; к тому его более или менее склоняли обстоятельства. Вячеслав был старший в княжеском роде, притом это был князь миролюбивый, заботящийся об интересах своей земли; все эти его качества должны были составить ему на Руси партию между

князьями и народом. Эта партия, очевидно, была слаба, но все-таки заявляла себя при всяком удобном случае. Одна летопись прямо свидетельствует, что сыновья и бояре юрьевы не позволили ему посадить в Киеве старшего брата. Когда последний сел в Вышгороде, его партия возросла, вероятно, вследствие усилившихся неудовольствий против Юрия, которого киевляне вообще недолюбливали. Они начали тайно сообщаться между собою, чтобы посадить Вячеслава в Киев, «любяще убо его, простоты его ради», объясняет летопись. Усилившаяся партия Вячеслава впоследствии, как увидим, даже успела ввести, во время смуты, своего князя в Киев, но ему не удалось удержаться на столе: по прибытии в Киев Изяслава, партия последнего взяла перевес, и Вячеслав удалился в Вышгород.

Таким образом, в пользу Изяслава говорили ум и необыкновенная энергия, черты, отличавшие этого князя, а за Вячеслава в некотором роде государственное право. Это, очевидно, сознавал и Изяслав, когда предлагал ему, после своего поражения, занять великокняжеский стол. Эти же соображения не были чужды Юрию, когда он хотел передать Киев брату; к тому же суздальский князь, пришелец из дальней страны, мало известный киевлянам, имел весьма незначительную партию в Киеве так, что тут ему было трудно и опасно удержаться; кроме того, его тянуло на север, где он вырос и к которому он привык, подобно Вячеславу, которого всегда влекло в Туров.

Обстоятельства сложились так, что Изяслав в начале следующего года (1150 г.) захватил Киев, Юрий бежал оттуда. Тогда Вячеслав, находившийся в Вышгороде, с помощью своей партии сел на киевском столе. Но противная, Изяславова, партия, известила Изяслава о действиях его дяди, и при этом прибавила, что Вячеслава она не хочет. Изяслав отправил посла сказать дяде: «я тебя звал в Киев, но ты тогда не захотел; а теперь поезжай-ка в свой Вышгород». Обиженный дядя ответил: «сын! если хочешь убить меня, то убивай, а я не поеду». Некоторые дружинники советовали Изяславу убить дядю, так как оба князя находились в городе, но он отверг такой совет, — вошел сам в палату к дяде и сказал:

> «Отец! Кланяюсь тебе, нельзя нам с тобою тут условливаться. Видишь ли множество собравшегося народа? Они задумывают на тебя недоброе. Поезжай в свой Вышгород; оттуда мы заключим с тобой условия».

Вячеслав должен был уступить и удалился.

Мы видели, что Киев в это время делился на три партии: были приверженцы трех князей: Юрия, Вячеслава и Изяслава. Князь,

опиравшийся на одну из этих партий, не мог быть вполне уверенным в своей силе. Оставалось одно средство — соединить две партии. Этим и воспользовался Изяслав, как дальновидный политик. Он сам с боярами отправился в Вышгород к дяде, назвал его отцом и предложил занять Киев:

«Я посылал к тебе, предлагая Киев, и говорил, что с тобою могу жить, а с братом твоим Юрием не могу ужиться; я тебя люблю, как отца, и говорю тебе теперь: ты мне отец, Киев твой, поезжай туда».

Вячеслав согласился, князья целовали крест на том, что Изяслав будет считать Вячеслава отцом, а Вячеслав Изяслава — сыном.

Однако в том же году Вячеслав и Изяслав на несколько месяцев должны были уступить Киев Юрию; он в это время посадил в Турове, Пинске и Пересопнице сына своего Андрея. Но в том же году Юрий и его сыновья окончательно были изгнаны на север. Изяслав, завладев снова Киевом, послал сказать Вячеславу:

«Отец! Кланяюсь тебе, Бог взял у меня отца Мстислава, то будь ты мне отец; прежде я согрешил пред тобою, а теперь каюсь; потом согрешил, так как не возложил чести на тебя после победы над Игорем и у Тумаща; теперь, отец, каюсь во всем пред Богом и пред тобою; если ты меня, отец, простишь, то и Бог меня простит. Теперь, отец, даю тебе Киев, поезжай туда и займи стол отца твоего и дяди твоего».

Вячеслав принял предложения племянника, назвал его сыном и братом, целовал крест, и отправился в Киев. В Киеве обстоятельства изменились еще к лучшему для Изяслава.

Старый дядя сознавал, что он сам не может управиться с Киевским княжеством. Поэтому он сказал племяннику:

«Сын! Бог тебе помоги за то, что ты возложил на меня честь, как на отца; я тебе, сыне, говорю: я уже стар, всем уже не могу управлять, но будем вместе в Киеве; если нам придется судить кого, или христиан, или поганых, то идем вместе; дружина моя и полк мой будет для нас обоих, ты же управляй; куда нам можно будет обоим ехать, поедем вмести, а если нельзя, то ты ходи с своим полком и с моим».

Таким образом, отношения между дядей и племянником привели к самым хорошим результатам и доставили обоим возможность править большею частью Руси до самой смерти последнего.

За все время борьбы между Юрием и Изяславом, после его бегства из Киева и до возвращения, мы не встречаем имени Ростислава Мстиславича Смоленского. Пока борьба велась на Волыни, а Киев был в руках врагов, этот князь не мог оставить своей земли среди

неприятелей и перебраться по неприятельской земле на помощь брату; но однако между ними существовали мир и согласие. Поэтому, как только дела уладились. Вячеслав послал сказать своему племяннику в Смоленск:

«Вот, брат, Бог соединил нас с твоим братом, а с моим сыном Изяславом; он, завладев снова Русской землей, возложил на меня честь и посадил меня в Киеве. Я тебе, сын, говорю: как мне сын брат твой Изяслав, так и ты; поэтому я говорю теперь тебе, сын, потрудись прити сюда, посмотришь, что Бог нам даст».

Со своей стороны Изяслав послал сказать брату:

«Много раз ты побуждал меня возложить честь на дядю и отца своего; вот теперь Бог привел меня в Русскую землю и я утвердил твоего и моего дядю в Киеве ради тебя и ради всей Русской земли. Теперь я говорю тебе: там у тебя, по воле Божией, есть в Новгороде твой и мой сын Ярослав, у тебя же и Смоленск. Распорядившись там, приходи сюда, посмотрим, что нам даст Бог».

Эти речи доказывают, что Ростислав не оставлял союза с братом и дядей, имел сильное влияние на их сближение, что он не мог принимать участия в войне только вследствие того, что был вынужден обстоятельствами.

Нечего и говорить, что Ростислав Мстиславич с радостью поспешил к братьям в Киев; он собрал многочисленное смоленское войско. Все три князя, заключившие между собою, так сказать, триумвират, сошлись в Киеве и пребывали, по выражению летописи, «у велице весельи и у велице любви». Союз этот был настолько прочен и притом основан на равных отношениях, что Русская земля, как тогда говорили, имела трех князей: Вячеслава, Изяслава и Ростислава*.

---

* Вячеслав Мстиславич (ок. 1080 — декабрь 1154) — шестой сын Владимира Всеволодовича Мономаха и Гиты Уэссексой. Князь Смоленский (1113–1127), князь Туровский (1127–1132, 1134–1142 и 1143–1146), князь Переяславля-Южного (1132–1134, 1142–1143), великий князь Киевский (с 22 февраля по 4 марта 1139, в июле 1150 и с апреля 1151 по 1154).

Изяслав Мстиславич (ок. 1097–1154) — старший сын великого князя Мстислава Владимировича, с 1134 — князь Владимиро-Волынский, с 1143 — Переяславский, с 1146 — Киевский.

Ростислав Мстиславич (умер в 1167) — сын великого князя Мстислава Владимировича, князь Смоленский с 1127, великий князь Киевский в 1154, 1159–1167.

Юрий Владимирович, по прозвищу Долгорукий (ок. 1092–1157) — сын Владимира II Всеволодовича (Мономаха), князь Суздальский. В 1149–1150, 1150–1151, 1155–1157 великий князь Киевский. — *Ред.*

Юрий не замедлил начать войну и подошел к самому Киеву, причем союзные князья стали вокруг Киева: Ростислав с сыном Романом пред Жидовскими воротами, Вячеслав у Золотых ворот, а Борис Городенский у Лядских. Прежде чем начались военные действия, Вячеслав, известный миролюбием, пробовал было мирным путем сойтись с Юрием. Он отправил к нему посла с замечательною речью; эта речь объясняет многое в его судьбе и его отношениях, в особенности его уступчивость, которая происходила скорее вследствие характера князя, а не вследствие его неспособности, как желают думать многие историки. Мы приведем эту речь целиком.

«Поезжай к брату Юрию, — говорил старый князь посланнику: брата от меня целуй; а вы, братья и сыновья, Ростислав и Изяслав, слушайте, при вас отряжаю. Так скажи брату моему: много раз, брат, говорил я тебе и Изяславу, обоим вам, не проливайте крови христианской, не губите Русской земли; этим я вас удерживал, а не требовал своего за то, что вы меня обидели и первый и второй раз обезчестили. Я полки имею и силу имею, что Бог мне дал, но я ради Русской земли и христиан, не поминал этого, но и еще вам представляю, что когда Изяслав ехал на битву с Игорем, он так сказал: „я Киева себе не ищу, но у меня есть отец и брат старший Вячеслав, ему я и ищу". Это он говорил, отправляясь биться, а когда Бог ему помог, он Киев взял себе, да еще отнял у меня Туров и Пинск, — так Изяслав меня обидел.

Да и ты брат, когда ехал биться с Изяславом к Переяславлю, также говорил: „я себе Киева не ищу, но у меня есть старший брат и отец, для него я ищу"; а когда Бог тебе помог, ты взял Киев себе, да еще отнял у меня Пересопницу и Дорогобуж и этим ты меня обидел, а мне дал Вышгород. Но я не требовал всего этого ради Русской земли и христиан, да еще вас старался помирить, а вы меня не слушали, но ты этого не сделал ни для меня, но так сказать для Бога. Ты говорил мне: „не могу поклониться младшему". Изяслав два раза не сдержал своего слова, но теперь, завладев Киевом, поклонился мне, возложил на меня честь и в Киеве посадил, назвал меня отцем, а я его сыном. Ты говорил, что не поклонишься младшему, но я старше тебя, и не мало, но много, ибо я уже был бородат, когда ты родился; если ты не хочешь признать моего старшинства, то пусть Бог будет с нами!» (Ипатьевская летопись, 41).

Эта речь многое объясняет в характере самого Вячеслава; нам придется еще вернуться к ней впоследствии, а теперь продолжим наш рассказ.

Вследствие упорства Юрия мир не состоялся; однако князь Суздальский потерпел от союзников поражение и должен был отступить от Киева по направлению к Галичу, откуда шел к нему на помощь с войском князь Владимир. Юрий избегал сражения, но со-

юзные князья его так сильно преследовали, что заставили в конце концов сразиться и потерпеть поражение. Таким образом была окончена борьба из-за Киева с князем Суздальским. После нее Ростислав отправился в свой Смоленск, а Вячеслав с Изяславом утвердились в Киеве.

Прошло немного времени, союзные князья только что успели заключить мирные договоры с враждебными им князьями Ольговичами и Давыдовичами, как Юрий снова начал войну. Он мог, двинувшись из Суздаля, напасть или на Смоленские владения, или на Черниговские земли союзника великого князя — Изяслава Давыдовича. Поэтому Изяслав Мстиславич послал брату в Смоленск сказать:

> «У тебя, брат, там Новгород сильный и Смоленск; собравши силы, постереги свою землю; если Юрий пойдет на твою волость, я к тебе приду, если же он минет ее, то приходи ко мне».

Оказалось, что Юрий рассчитал более удобным напасть, миновав Смоленск, на Чернигов; поэтому туда же поспешил с своими войсками и Ростислав. Однако, после нерешительных здесь действий, Юрий отправился к себе в Суздаль. Тогда наши союзники распорядились так, что Ростислав поспешил отправиться в Смоленск, чтобы защитить свою землю от Юрия, оставив сына своего Романа с полком на помощь Изяславу; наконец Вячеслав, которому вследствие старости трудно уже было совершать походы, отправился в Киев; при войске остался Изяслав. И на этот раз все предприятия союзников окончились счастливо.

Едва только Изяслав успел окончить военныя действия и утвердиться в Киеве, как внезапно последовала смерть его (1154 г.). Старик Вячеслав, чувствуя себя не в силах править Киевскою областью, призвал немедленно племянника из Смоленска Ростислава Мстиславича. Когда последний, прибывши в Киев, встретился с дядей, Вячеслав сказал ему:

> «Я уже стар и всем не могу управлять; поэтому даю тебе то же, что и брат твой имел; ты же почитай меня, как отца, как и брат твой почитал; а вот полк мой и дружина моя — управляй ими».

Ростислав принял условия дяди. Первым актом деятельности нового великого князя была отдача Турово-Пинской области Святославу Всеволодовичу.

Ростислав тотчас же должен был отправиться с войском к Переяславлю. Во время этого похода старик Вячеслав, оставшийся в

Киеве, умер; он вечером пил и веселился с дружиною, а легши спать, уже не встал. Когда пришла об этом весть к Ростиславу, последний оставил войско, быстро отправился в Киев, чтобы воздать последнюю дань уважения старику. Он похоронил его и все имущество его роздал монастырям и бедным.

Вячеслав Владимирович умер в глубокой старости. Год рождения его неизвестен; но уже в 1096 году он, по повелению отца, ходил с войском на помощь брату; если ему тогда было около 16 лет, то он умер по крайней мере 75 лет от роду.

Писатели обыкновенно изображают Вячеслава князем неспособным, бездеятельным, орудием своих бояр. Однако с этим вполне нельзя согласиться. Правда, Вячеслав избегает тревожного княжения Переяславского и переходит в свой спокойный Туров; он не добивается великокняжеского стола, хотя имел право на него, как старший в роде; он крайне неохотно выступает на войну и отказывается от заявления своих прав даже тогда, когда Изяслав и Юрий прямо предлагают ему занять Киев. Однако эти черты далеко еще не указывают на полную неспособность Вячеслава. Из его отношения к Турову мы замечаем сильную привязанность к этому городу; вероятно, были какие либо, кроме уединенного положения этого города, причины, привлекавшие туда Вячеслава.

Эпизод усобицы

Мы уже имели случай указать, что не один он в это время отличается замечательной привязанностью к управляемой им стране, — такими же свойствами обладают и Ростислав Смоленский, и Юрий Суздальский, и сын последнего Андрей. Вячеслав, очевидно, любил более тихую внутреннюю деятельность, чем военные бури; так, сде-

лавшись князем Киевским, он занялся внутреннею деятельностью, предоставив военные дела Изяславу и Ростиславу, и на этом поприще он снискал себе народную любовь киевлян.

Если Вячеслав и не добивался великокняжеского стола, то на это были серьезные причины. Он имел двух сильных, умных и честолюбивых соперников, Изяслава и Юрия; если бы он начал упорную войну, ему пришлось бы иметь дело с тем и другим поодиночке или даже вместе. Его же земля была сравнительно невелика, народонаселение ее не отличалось никогда своею воинственностью, и притом не видело никакой особенной выгоды в добывании для своего князя Киева. Туров не отличался торговою деятельностью, и притом его интересы вовсе не были настолько тесно связаны с Днепром и Киевом, чтобы для него было важно иметь там своего князя; затем, киевские князья обыкновенно уступали Туров другим, редко оставляя за собою, что мог бы сделать и Вячеслав.

И так, чего ради стал бы проливать свою кровь дрегович? Между тем трудно было, даже невозможно для князя, вести борьбу без поддержки какой-либо сильно заинтересованной области; если притом страна, как в данном случае Туров, бедна, то сбродной дружины нанять нет за что; да и надеяться на дружину или на случайную помощь того или другого города — значило проиграть наперед половину дела. Как могла Турово-Пинская волость поддержать своего князя в стремлении к Киеву, когда она не могла сама отбиться от Изяслава, и Вячеслав не раз просил Юрия прийти поскорее на помощь.

Вячеслав, конечно, понимал все это. Характер Вячеслава Владимировича отражается во всех его действиях и словах. Он любил свой Туров и старался о его безопасности; ради этой любви он часто переносил даже унижения. По замечанию летописи, он был склонен к любви и миру и не злоблив сердцем, притом он был человек глубоко верующий и благочестивый. Любя мир, он не раз старался примирять и враждующих своих братьев; уговаривая их примириться, он напоминал им, что они разоряют войнами землю Русскую, что ради христиан и Русской земли они должны заключить мир. Сознавая пагубные последствия войны, он всегда предварительно старался помирить враждующие стороны; на сражение решался только в крайнем случае; он говорит племянникам своим перед сражением с Юрием: «братья и сыновья! от рождения своего я не люблю кровопролития; но брат мой довел меня до этого, и если уж так приходится, то пусть Бог нас судит».

Лучше всего характеризует Вячеслава его речь, обращенная к Юрию, которую мы всю привели. Из нее видно, что он с горечью сознает свои обиды, нанесенные ему братом и племянником, сознает, что он мог бы отомстить им, так как имеет и свое войско; и теперь, когда он соединился с Изяславом, когда для него настал час мести Юрию, этот замечательный князь больше всего старается помирить враждующие стороны. Приняв все это во внимание, мы сильно сомневаемся в справедливости характеристики Вячеслава многими историками, в том числе и Соловьевым.

Однако Ростислав сидел на великокняжеском столе всего нисколько дней. Он потерпел поражение от черниговского князя Изяслава Давыдовича и, не смея явиться после поражения в Киев, бежал в Смоленск. Во время бегства с поля битвы, он едва не был убит; конь его споткнулся и упал; враги немедленно обступили его, но на помощь явился сын Святослав с большим числом дружины, которые и помогли ему избавиться от врагов.

Услышав о смерти Вячеслава, Юрий Суздальский (Долгорукий. — *Ред.*) отправился с войском к Киеву. Но по дороге он хотел напасть на Смоленскую волость, на владения главного теперь своего соперника Ростислава. Смоленский князь, только что разбитый, не мог вести с ним борьбы. Он, собравши как можно больше войска, отправился к границе своей земли, именно к Зарою, и тут послал просить Юрия о мире:

«Отче! Кланяюсь тебе; ты и прежде был добр ко мне, а я к тебе; кланяюсь тебе, дядя мне — как отец».

Юрий согласился на мир, целовал к нему крест, говоря:

«Действительно с Изяславом я не мог быть, а ты мне брат и сын».

С переходом Юрия в Киев Туров был отдан им сыну Борису, а Святославу Ольговичу — Мозырь.

Пока новый великий князь утверждался на своем столе, он послал к Ростиславу в Смоленск, призывая его, как главного своего союзника. Смоленский князь немедленно собрался. В это же время приехала, по дороге из Суздаля в Киев, в Смоленск жена великого князя. Ростислав встретил почтительно княгиню и с нею вместе отправился к Юрию в Киев.

Однако Ростислав из врага не мог сделаться другом Юрия. Он помирился с ним потому, что был вынужден обстоятельствами; поэтому он, при первом удобном случае, отстал от него. В том же 1155 году Ростислав нашел себе союзников в рязанских князьях, кото-

рым одинаково было невыгодно усиление Юрия. Но до 1158 года этот союз держался в тайне, когда более предприимчивый Изяслав Давыдович не вступил в открытую вражду с Юрием; Ростислав послал на помощь ему сына своего Романа. Однако, вследствие неожиданной смерти Юрия, дело не дошло до борьбы; Изяслав беспрепятственно занял великокняжеский стол.

В начале княжения Изяслава мы видим Туровское княжество под властью Юрия Ярославича, внука Святополка II. Неизвестно, где княжил этот князь до этого времени, но княжеством Туровским он завладел, очевидно, против желания нового великого князя. Можно догадываться, что этот князь владел Брестом и верховьями Припяти и оттуда захватил Туров во время смерти Юрия, изгнав оттуда сына последнего — Бориса.

Изяслав Давыдович обещал Туров внуку Мономаха Владимиру Мстиславичу и поэтому, собравши войска, пошел изгнать Юрия Ярославича. С ним отправились и союзные войска: Ярослав Луцкий, Ярополк Андреевич, Рюрик Ростиславич из Смоленска, также некоторые полоцкие князья и берендеичи. Это огромное ополчение осадило Туров и стояло около него десять недель.

Во время осады степняки берендеичи пожгли и пограбили окрестности Пинска и все прибрежье верхней Припяти. Видя невозможность долгого сопротивления таким силам, князь Юрий Ярославич начал просить о мире. Изяслав не соглашался и требовал возвращения Турова и Пинска; но вследствие мора лошадей союзники должны были прекратить осаду, причем Изяслав не заключил мира с туровским князем.

Со смертью последнего Мономашича, Юрия, Ростислав, как бесспорно старший в роду Мономаха, имел право на Киевский стол; притом Ростислав несомненно имел сильную партию в Киеве, где его уже знали и где вообще предпочитали потомков Мономаха — Ольговичам. Ростислав поэтому и занял Киев при первом удобном случае. Он уже раньше вошел в сношения со своими племянниками Изяславичами, сыновьями его брата, и когда последними был побежден Изяслав Давыдович, они пригласили Ростислава занять Киев. Он согласился и вступил в Киев12 апреля 1160 года. Изяслав Давыдович должен был уступить; впрочем, в отмщение за свое изгнание он в том же году сделал нападение на Смоленскую волость, и вместе с половцами пожег и пограбил множество селений.

После перехода Ростислава в Киев, на Смоленском столе сел сын его Роман.

Рассматривая участие Смоленска в борьбе из-за Киевского стола, мы уже имели случай не раз отметить, что политика Ростислава во все время этой борьбы главнейшим образом клонилась к тому, чтобы избегать нападений на собственную волость. Ростислав первый стремится напасть на черниговские земли и тем предупреждает нападение на свою.

Но самое важное значение этой борьбы заключается в том, что этому князю удалось установить независимость своей волости, увеличить ее процветание, так что недаром летопись называет Смоленское княжество в конце XII века «великим». Но кроме утверждения независимости, политика Ростислава простиралась дальше: он стремился еще расширить свое княжество территориально или, по крайней мере, утвердить свое влияние в соседних слабейших княжествах. В этом отношении замечательна его политика в сношениях с Новгородом и полоцкими князьями.

Сношения Ростислава Мстиславича с Новгородом и попытка его составить себе там партию относятся еще к началу его княжения в Смоленске. В коалиции 1137 года, составленной против новгородцев, вследствие того, что они не хотели принять к себе князя Святополка Мстиславича, княжившего после смерти брата своего Всеволода в Пскове, — участвовали вместе с киевлянами, полочанами, суздальцами и смольняне; Ростиславу естественно было поддерживать в Новгороде партию Мономашичей. Новгородцы, как известно, вынуждены были изгнать Святослава Ольговича в следующем 1138 году. Тогда смольняне захватили его на пути и держали некоторое время под стражею в Смядынском монастыре, что у Смоленска. Известно, что в это время происходила сильная борьба партий в Новгороде, пока наконец не утвердился в нем Святополк Мстиславич, брат Ростислава (в 1142 г.), когда партия Мстиславичей взяла верх.

Во время пребывания последнего в Новгороде, Ростислав имел полную возможность составить себе здесь сильную партию, которая впоследствии обеспечила его влияние; Святополк, очевидно, находился во время борьбы Изяслава с Киевом в более или менее подчиненном отношении к Ростиславу. Изяслав, в своей известной речи к киевлянам о походе на Юрия, говорит: «а брат Ростислав тамо ся с нами соиметь, ять идеть ко мне с Смолняны и с Новгородци».

В другом случае Изяслав посылает к Ростиславу: «а там наряди Новгородци и Смолняны, ять удержать Гюргія». Это было в 1147 году, когда Святополк княжил в Новгороде. Изяслав, давая такой

совет брату, понимал, конечно, что он имел власть «нарядить» новгородцев, хотя последние нелегки были на походы. Общность интересов с Киевом и Смоленском заставляла держать новгородцев у себя Святополка, которого они не любили «злобы его ради».

Таким образом, смоленская партия росла в Новгороде, она увеличивалась и вследствие влияния смоленского князя и вследствие того, что последнее княжество больше и больше крепло и материально, и военною силою, а князь его делался старейшим князем на Руси, вел весьма удачно дипломатические сношения, сам уже сделался первым претендентом на Киевский стол. Все это ставит Новгород в большую и большую зависимость от Смоленска, особенно если еще вспомним географическое положение обеих областей.

Поэтому не удивительно, что при первом удобном случае новгородцы избирают себе в князья самого Ростислава, изгнав Ярослава. Смоленский князь явился в Новгород, не успев еще привести его в порядок, умиротворить спорящие партии, как должен был отправиться в Киев, чтобы занять стол по смерти брата Изяслава. Он оставил сына своего Давыда, но граждане изгнали его, очевидно, не успевшего справиться с волновавшимся городом. Летопись объясняет причину негодования новгородцев на смоленских князей тем, что «нествори им ряду (согласия. — *Ред.*), но боле раздеря»*.

Затихшая на время борьба партий снова возгорелась. Интересно, что Мстиславичи строго держались одной и той же политики в Новгороде, начиная с Всеволода. Последний, как известно, был изгнан новгородцами за то, что «смердов не блюдет»; следовательно, он оказывал поддержку боярству; противная партия, получив перевес, изгнала князя и разграбила дома многих бояр. Но последующие Мстиславичи держатся той же политики. Когда началась борьба партии в 1157 году при Мстиславе Юрьевиче, то торговая сторона была за него, с оружием в руках пыталась защищать своего князя. Но другая часть Новгорода, Софийская, главным представителем которой было богатое боярство, была за Ростислава, взяла теперь перевес и ввела сыновей этого князя Святослава и Давыда.

Таким образом, занятие Ростиславом Новгорода в 1154 году, когда он «раздра» город, быть может, и было неудачно потому, что он начал жестоко преследовать противную боярству партию. На

---

* Едва ли справедливо в данном случае известие Тверской летописи, которая называет оставленного в Новгороде сына Ростислава Романом (с. 222), которого, как старшего, отец оставлял после себя в Смоленске. Еще менее верно известие Никоновской летописи, которая прямо говорит, что новгородцы «посадиша Романа», вовсе не упоминая о приезде самого Ростислава. — *Авт.*

этот раз Ростислав был осторожнее. Явясь черезъ три дня после сыновей в Новгород, Ростислав успел, очевидно, примирить партии, привести в порядок область: «и не бысть зла ничтоже», говорит летописец.

Вскоре Ростислав снова отправился в свой удел, оставив в Новгороде Святослава, в Торжке — Давыда для оберегания восточных границ от Юрия. Но тут могла скрываться и другая более глубокая цель: не думал ли Ростислав из временного владения этим городом сделать впоследствии незаметно постоянную часть Смоленской территории, как это он сделал с Витебском?

Но примирение партий было недолгое. Покровительствуя боярству, Святослав возбудил против себя чернь. Вече послало сказать князю: «не можем держать двух князей; выведи брата своего Давыда из Нового Торга». Святослав, «не вередя им сердца», отправил брата в Смоленск. Но это был только предлог. Новое вече решило взять подъ стражу самого князя. Его предупреждали, но убежать он не успел. Тогда новгородцы заперли его в бане под стражею, жену отправили в Варваринский монастырь, дружину перехватили, приковали на цепь и имущество разграбили. Спустя немного времени князь был отправлен в Ладогу под стражею, откуда он успел убежать в Полоцк; тамошний князь Рогволод проводил его до Смоленска. Ростислав, узнав о судьбе сына, приказал схватить новгородцев, бывших в Киеве, и запереть их в погреб, где 14 из них умерли в ночь.

Между тем новгородцы обратились за князем к Андрею Юрьевичу.

Но через год Ростислав успел достигнуть того, что Андрей вывел из Новгорода своего племянника, и там был снова посажен Святослав, но уже «на всей его воли». Влияние Ростислава на новгородцев начинало падать. Да это и не удивительно: покровительствуя боярству, Ростислав «раздирал» новгородцев. Конечно, как великий князь Киевский, владевший притом Смоленскою землею, он мог теперь в союзе с Андреем заставить новгородцев принять Святослава «на всей его воле». Но этим он не уничтожил «раздирания», потому что продолжал держаться той же традиционной политики. Вскоре потребовалось снова личное вмешательство Ростислава в дела Новгорода. Очевидно, Святослав там слабо держался, и отец хотел поддержать его своим личным авторитетом.

В 1166 году он отправился в Новгород и позвал «на поряд» огнищан, гридей и купцов. Из этого видно, что поименованные классы были недовольны его сыном, составляли оппозицию, с требованиями которой приходилось считаться; между тем огнищане, гриди

и купцы и составляли низшую, среднюю, незнатную часть населения, противоположную боярству. Характер смоленской политики подтверждается еще и тем, что когда в следующем году новгородцы отправились против Ярослава, то они прежде всего убили важнейших представителей противной партии, которые творили «перевет», — посадника Захария и бирича Незду.

И на этот раз поездка Ростислава не была удачна. Как известно, на обратном пути в Киев он умер, а сын должен был в следующем же году покинуть Новгород, причем возгорелась серьезная борьба со смоленскими князьями. Но к этому мы еще возвратимся.

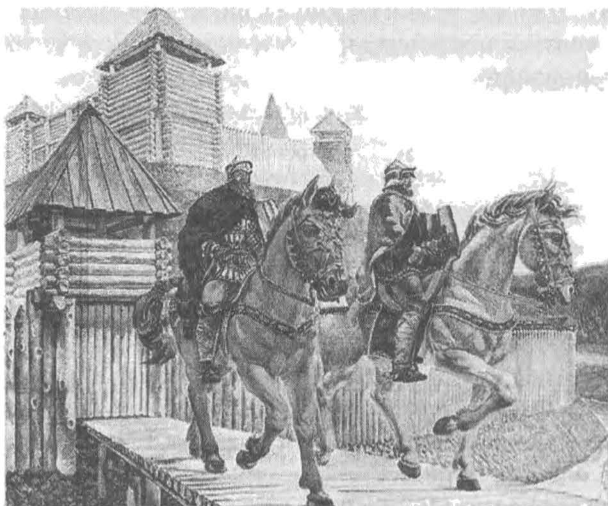
Труднее выяснить, какую из партий поддерживал Ростислав в земле Полоцкой. Летопись упоминает только, что он оказывал помощь тому или другому князю, а о характере политики полоцких князей известно так мало, что определить направление Ростиславовой политики — трудно. Быть может, что он и в этом случае придерживался тех же основ, как в Новгороде и выдвигал тех из князей, которые держались боярскою партиею. Как бы то ни было, но стремления Ростислава к вмешательству в полоцкие дела клонились к подчинению своему влиянию этой земли и к тому, чтобы, пользуясь слабостью князей ее, оттянуть к Смоленску часть территории.

Нельзя не обратить внимания на то, что Ростислав, несмотря на все успехи своего брата Изяслава в борьбе за великокняжеский стол, никогда не получал от брата новых областей, городов, тогда как увеличение области было постоянным следствием всякого успеха в древней Руси. Думать о бескорыстности смоленского князя нет оснований. Но мы видим, что в его борьбу с Новгородом другие князья мало вмешивались, а Изяслав только поддерживал. С другой стороны, Мстиславичи не вмешивались в полоцкие дела Ростислава и только Ольговичи сделали попытку противоставить здесь свое влияние стремлениям смоленского князя. Поэтому нам кажется, что Ростислав не желал пользоваться после успехов со своим союзником теми областями, южными и волынскими, которые тянули к Киевскому княжению и которые не могли расширить его территории, а по уговору с братом направил свои стремления на Новгород и Полоцк, где ему никто не мешал.

Ростислав в своих притязаниях на Полоцк является преемником отца своего Мстислава и дяди Мономаха. Но те стремились одним натиском уничтожить это самостоятельное владение, Ростислав же понял, что такой образ действий наиболее ненадежен. Перемена во взглядах на Полоцк принадлежит не одному Ростиславу; ее, как кажется, поддерживал и брат его Изяслав, и, выдавши в 1143 году дочь

свою за Рогволода Борисовича, он пролагал путь к легальному, так сказать, вмешательству Мстиславичей в дела области.

Действительно, Рогволод сидел не без поддержки Мстиславичей, ибо когда он был изгнан в 1151 году полоцким вечем, последнее обратилось за покровительством к Святославу Ольговичу, боясь сильных покровителей изгнанного князя. Святослав был тогда в союзе с Юрием и во вражде с Мстиславичами*.

Полоцкий князь Изяслав со своим дружинником (боярином)

Через несколько лет обстоятельства изменились. Изяслав Давыдович успел утвердиться на Киевском столе и, собираясь воевать с Юрием, заключил союз с Ростиславом Мстиславичем и Святославом Ольговичем. Следует предположить, что северские князья решились отступиться от покровительства полочанам. В самом деле, мы видим, что тот же Рогволод Борисович «от Святослава Ольговича» пошел искать себе волости и успел изгнать Ростислава Глебовича из Полоцка. Ростислав Мстиславич собрал все свои силы на помощь Рогволоду, отправил сыновей своих Романа и Рюрика с смольнянами и новгородцами и даже сам было пошел, но на дороге его уговорил вернуться архиепископ Новгородский Аркадий. Ростислав не только восстановил Рогволода на полоцком столе, но и утвердил старшинство его над другими князьями области.

* К этому году относится посещение Юрием Новгород-Северска и блестящий прием, оказанный ему Святославом. — *Авт.*

В следующем 1160 году мы снова видим вспомогательный отряд Ростислава в войске Рогволода, ходившего на Минск. Рогволод этот, как известно, оказал услугу Святославу Ростиславичу во время его бегства из Новгорода.

К концу своей жизни Ростислав успел настолько, что сын его Давыд владел Витебском, откуда мог поддерживать свое влияние на область. Он оказывает помощь Всеславу Васильковичу против Володаря. Таковы были успехи Смоленска в области Полоцкой.

Ища союзов между мелкими князьями, как в Полоцке, где бы он мог скорее явиться покровителем, чем равным, Ростислав «целова крест на всей любви» с князьями Рязанскими, которые «име яхуть и отцем себе». Этот союз был важен для Смоленского князя: он ослаблял Юрия.

В 1167 году умер Ростислав Мстиславич, год рождения его неизвестен, но он умер в старости, потому что уже в 1128 году ходил в поход, следовательно, тогда ему было по крайней мере около 18 лет. Перед смертью он ходил в Новгород, мирил новгородцев с сыном своим Святославом, а по дороге заезжал в Смоленск. Смоляне помнили своего любимого князя и потому почти за 30 верст народ вышел встречать его, потом вышли ему навстречу внуки его и смоленский князь Роман с епископом Мануилом; чуть ли не весь город вышел ему навстречу. Оттуда он отправился в Торопец; чувствуя себя нездоровым, он призвал новгородцев и сына в /Великие/ Луки и здесь примирил их. На обратном пути князь сильно заболел и когда прибыл в Смоленск, настолько занемог, что сестра его Рогнеда советовала ему остаться в Смоленске, но князь велел везти себя в Киев; он торопился туда, чтобы, если еще здоровье позволит, принять пострижение в любимом монастыре. Однако он не достиг Киева и умер на дороге в селе Зарубе.

Мы неоднократно указывали на черты характера этого замечательного князя. Мы видели, что он преимущественно заботился о благосостоянии своей Смоленской земли; имея в виду это, он часто уступает другим, лишь бы не приносить своей земле разорения. Он избегал таких войн, которые подвергли бы его страну опустошению и нашествию неприятеля; таким образом, он помирился с Юрием, безропотно снес то, что Изяслав Давыдович сел на Киевском столе, хотя мог у него оспаривать. Мы видели, что он только временно уступал и Юрию и Изяславу, но с тем лишь, чтобы избегнуть нашествий на свою страну, а между тем и того и другого думал низвергнуть чужими силами. Во время борьбы брата своего Изяслава, он выступал с войском из своей земли только тогда, когда ей не угро-

жала опасность, а в противном случае отправлялся на границу, желая предотвратить опустошения. Мы видели, как умно был рассчитан его союз с Изяславом: он принес огромную пользу его стране. В то время когда другие земли опустошались, теряли торговые сношения, Смоленск, находясь в мирных отношениях с Новгородом, где княжил сын Ростислава Святослав, а также с Киевом, не подвергаясь опустошениям, мог свободно продолжать и расширять свою торговлю. Наконец, Ростислав достиг великокняжеской власти так, что Смоленская земля ничем не поплатилась — обстоятельство единственное в современной Руси.

Все эти действия Ростислава Мстиславича привели к тому, что с его времени Смоленское кряжество становится вполне самостоятельным и сильным княжением и по торговле становится наряду с Новгородом. Уже в его время вся Смоленская земля приносила князю дохода более 3000 гривен; она имела более 50 городов.

Из других черт характера Ростислава Мстиславича выступает особенно его набожность; летописец весьма долго останавливается на этом обстоятельстве. Ростислав всегда думал постричься в монастыре св. Феодора в Киеве; но его отговорили его духовник священник Семен и игумен Поликарп. Летописец говорит, что князь часто постился, уважал монахов и священников. Памятником его благочестия осталось утверждение в Смоленске епархии в 1137 году, имевшее, впрочем, и политическое значение; первым епископом был скопец Мануил. Епархиальной Богородичной церкви он /Ростислав/ отдал десятину своих доходов и несколько сёл.

***

Туровская земля уже к половине XII века начала дробиться и приходит в упадок. Она тесно присоединяется к Киеву и князья дробят ее в удовлетворение требований различных князей. Мы уже видели, что Всеволод Ольгович, посылая Вячеслава в Переяславль, прямо говорил ему: «сидишь в Турове, а мне достоит».

Мы уже указывали на значение, которое имел Туров в предыдущем столетии, но теперь он терял его. Уже в 1128 году, при Мстиславе, как мы выдели, Клеческ является удельным городом, в котором княжил Вячеслав Ярославич, не имевший уделов в другом месте. Всеволод Ольгович уже раздает дреговичские города: Берестий, Рогачёв, Дорогичин, Клеческ своим братьям. В 1139 году Юрий отдал Слуцк и Клеческ Святославу Ольговичу. Вячеслав тогда оставался в Турове, но центром княжения был соседний городок Волынский — Пересопница, куда Юрий приходил к Вячеславу.

Этот последний волынский городок со времени междоусобий начинает занимать более видное положение, чем Туров, князья пробуют перенести туда центр земли. Это вполне естественно, ибо Пересопница была важным стратегическим пунктом против Владимирского и Галицкого княжеств. Сидя здесь, князь мог воспрепятствовать князьям этих последних областей опустошать Туровскую и Киевскую земли, наблюдать за всяким движением врагов. Вот почему Юрий отдал храбрейшему и деятельнейшему из своих сыновей Турово-Пинскую волость с Пересопницей, причем Андрей сел в последней.

Ольговичи не раз и в последующее время владели отдельными дреговичскими городами: в 1154 году Ростислав, утвердившись впервые в Киеве, дал Туров и Пинск Святославу Всеволодичу, в 1155 году Юрий Святославу Ольговичу отдал Мозырь, вскоре, вероятно, им оставленный, ибо Изяслав Давыдович черезъ четыре года снова предлагал ему этот город.

Таким образом, Туровская земля, имевшая в предыдущем столетии довольно важное значение, как важнейшая часть Киевской, переходит к Вячеславу, старшему Мономаховичу, и судя по аналогии, могла бы получить значительную или даже полную самостоятельность. Но Вячеслав не успел утвердить ее; причину неуспеха едва ли не следует видеть отчасти в том, что этот князь не оставил наследника, которого бы отчиной сделалась Туровщина, как земля других Мономашичей. Между тем Туровщина осталась без прямого вотчинного наследника (в древнерусском смысле); киевские князья, как более сильные, но в то же время временные владетели великокняжеских земель, стараются не упускать из своих рук этой области, служащей им для удовлетворения своих союзников.

Только в начале второй половины XII ст. мы видим попытки обособить Туровскую землю. Инициатор этого движения явился извне и хотя, как кажется, пользовался поддержкой населения, но он начал решительно действовать в ту пору, когда княжеские междоусобия уменьшились, когда Русь, обессиленная долгой борьбой, кончила все свои крупные счеты. Это движение поднял Юрий Ярославич.

Святополк Изяславич, как известно, имел четырех сыновей (Мстислава, Ярослава, Брячислава и Изяслава). Трое из них умерли, не оставив потомства; места княжений Брячислава и Изяслава неизвестны. Ярослав известен как деятельный помощник отца в сношениях с уграми, княжил во Владимире на Волыни, долго боролся с Мономахом за свое княжение и наконец погиб в этой борьбе. Он

оставил двух сыновей — Вячеслава и Юрия. Первого мы видели Клецким удельным князем во время похода 1128 года Мстислава на Полоцк. Вероятно, и Юрий владел каким-нибудь незначительным уделом подобно брату, в Поприпятьи до появления своего в Турове. О нем мы знаем только, что в 1144 году он женился на дочери Всеволода Ольговича.

В 1158 году мы видим Юрия Ярославича уже в качестве Туровского князя. Как овладел он Туровом, неизвестно. Но этот город не был его отчиной и, быть можеть, он воспользовался случаем, наступившим в конце княжения Юрия Ростовского во время занятия Киева Изяславом Давыдовичем. В самом деле, в 1155 году Туровом владел сын Борис, сын князя Ростовского. Трудно предположить, чтобы князь Ростовский, завладев Киевом, выпустил, вследствие ли борьбы или добровольно этот город из своих рук. Во всяком случае, Изяслав Давыдович считал незаконным владение Юрия Ярославича Туровом и, желая привлечь на свою сторону сильных Мономаховичей, решился отнять Туров для одного из них — Владимира Мстиславича.

Но теперь заметно интересное явление в этой области. Несмотря на то что Изяслав явился к городу с огромным войском, с князьями Ярославом Луцким, Ярополком Андреевичем, Романом Ростиславичем, Владимиром Мстиславичем, полочанами, галичанами и берендеями, — туровцы устояли, «бьяхуться крепко выходячи из города и много язвенных бываше», говорит летопись. Несмотря на то что Юрий много раз посылал к Изяславу с мирными предложениями, Изяслав ни за что не хотел отступить, добиваясь Турова и Пинска. Ов простоялъ 10 недель, не успел взять города и возвратился, не заключив мира.

Нельзя не обратить внимания на то, что на Туров направились самые разнородные элементы древней Руси, редко находившиеся в союзе между собою, и направились под предводительством Давыдовича, не умевшего справляться удачно с тогдашней политикой. Очевидно, в Туровской земле происходило какое-то особенное движение, против которого шли князья. Поэтому вероятно, что это время было сильным подъемом народного духа в земле дреговичей; Юрий уселся не только с их согласия, но, быть может, и по приглашению, что доказывает крепкая защита и в последующее время этого князя, — явление которого раньше мы не замечали в этой области.

Великий князь, не завоевав Турова, как кажется, успел отстоять некоторые окраинные города, например как Мозырь, который он предлагал Святославу.

С занятием Киевского стола Ростиславом, враждебные отношения к Турову не прекратились. Юрий Ярославич напал на соседние Волынские земли, завоевал Путивль, Вырь, но, кажется, возвратился с малым успехом. Владимиро-Волынские князья Мстислав, Ярослав и Ярополк Изяславичи, Владимир и Ярополк Андреевичи снова напали на Туров, простояли под ним полторы недели, но возвратились без всякого успеха; и только под 1162 годом в летопись занесено краткое известие о том, что Ростислав примирился с Юрием. Мономаховичи с этого времени навсегда примиряются с Юрием Ярославичем. Первым актом этого примирения была женитьба сына Ярослава Изяславича Всеволода на дочери Юрия Малфриде в 1167 году.

Это последнее известие о князе Туровском, и когда он умер — неизвестно. Но мирные отношения с остальными князьями его сыновей не прекращаются. Так, мы видим в 1168 году сына его Глеба с войском в походе под Канев вместе с остальными князьями. Через два года в походе на половцев участвует Святополк Юрьевич, в том же походе был и брат его Иван. Святополк принимает участие в походах Мстислава Изяславича на Киев в 1171—1172 гг. Также служебную роль занимают Юрьевичи и в последующее время, до конца столетия. Летопись не говорит об их внутренней деятельности, не упоминает даже, каким уделом каждый из них владел. Иногда просто называет князьями Туровскими и Пинскими. Таким образом, князья эти по приказанию Андрея (Боголюбского. — *Ред.*) были в его войсках при разорении Киева. Князь Пинский Ярослав с братом своим князем Дубровницким (городок в северной Волыни) были в походе на половцев с Рюриком Ростиславичем в 1183 году. Юрьевичи были также в родстве с Ростиславичами, были шурьями Рюрика.

Мы уже упоминали имена сыновей Юрия; они были: Святополк, Глеб, Иван, Ярослав и Ярополк. Можно указать уделы трех из них. Туровским князем был Святополк, по крайней мере около 1183 года: в этом году у него был в Турове Владимир Ярославич Галицкий, изгнанный отцом. Святополк умер в 1190 году. Ярослава летопись называет князем Пинским, как мы уже видели, а Глеба — Дубровницким; последний умер в 1195 году.

Ярополк имел также какое-то отношение к Пинску; по крайней мере свадьба его, на которую прибыл Рюрик Ростиславич, происходила в этом городе; быть может, он сел здесь по смерти Ярослава.

На этих событиях обрываются известия нашей летописи о Туровской области во второй половине XII века. Известия эти очень

скудны. Они только дают нам указание на то, что в начале второй половины этого века Туровская земля, путем упорной борьбы, успела приобресть отдельную линию Юрьевичей, потомков Изяслава Ярославича, которые в ней осели. Но слабая сама по себе, эта область еще более ослабляется разделением на уделы, хотя к ней и отошел от Волыни удел Дубровницкий. Юрьевичи ладят с князьями остальной Руси, но находятся в подчиненном отношении к тем из них, которые наиболее усиливаются в данный момент.

***

Совершенно иначе устроились к концу XII века дела Смоленской земли. Мы уже говорили, что Ростислав Мстиславич много сделал для самостоятельности своего княжества; он закрепил эту самостоятельность своим личным влиянием среди князей и тем, что он был и умер великим князем Киевским; в церковном отношении он сделал Смоленск независимым, учредив кафедру; в экономичесмом отношении Смоленская земля стала при нем весьма высоко потому, что, как мы не раз говорили, он устраивал свои дела так, что во время самых сильных княжеских междоусобий — именно во время борьбы между Мономаховичами, его княжество вовсе не пострадало ни от вражеских нашествий, ни от частых походов на внешних врагов. Все это значило немало, если примем во внимание, что другие земли, кроме Суздальской, Рязанской и отчасти Галицкой, были положительно разорены.

В последующей за его смертью истории Смоленска мы наталкиваемся на замечательный факт: это княжество не только не пострадало от разделов, но еще увеличилось вследствие присоединения соседних областей — Витебской и Вышгородской. Умные и рассудительные Ростиславичи успели сесть в других княжениях; один только Роман Ростиславич, как старший, остался в Смоленске. Рюрик княжил в Белгороде и на Волыни в Овруче, Давыд в Вышгороде, который таким образом присоединился к владениям смоленских князей, Святослав в Новгороде и Мстислав — в Торопце.

Ростиславичи держатся мудрой политики отца своего: неохотно вступают в междоусобные войны, стараются примирять враждующих князей, разумно управлают своими областями. Их личные отношения к управляемым областям были таковы, что о каждом из них летопись оставила теплое слово. Они представляют почти единственный в древней Руси пример большой княжеской семьи, в которой никогда не происходило раздоров и споров между братьями, в которой братья держались дружно другъ друга. Вследствие такой

политики они скоро приобрели важное решающее значение в делах южной и западной Руси: голос одного из братьев — был голосом всех Ростиславичей. В конце этого столетия они, общими усилиями, достигают того, что завладевают всем левым берегом Днепра и даже заставляют Ольговичей, исконных врагов Мономаховичей, признать их власть.

По смерти Ростислава сыновья его предложили занять Киевский стол Мстиславу Изяславичу. Однако они не ужились с ним долго. Дело в том, что еще прежде, чем Мстислав сел на Киевском столе, призывавшие его князья условились сильно ограничить великокняжескую власть и разобрать волости по собственному желанию. Узнав об этом, Мстислав явился в Киев с сильным союзным войском, осаждал Вышгород и занял Киев, и таким образом пытался принудить Ростиславичей заключить с ним выгодный для себя мир.

Как и следовало ожидать в таком случае, между великим князем и Ростиславичами начались недоразумения как следствие недоверия друг к другу. Это выразилось уже на второй год его княжения. Двое бояр, Бориславичи Петр и Нестер, недовольные на Мстислава, оклеветали этого князя пред Рюриком и Давыдом. утверждая, что он хочет их схватить. Много трудов стоило Мстиславу, чтобы разрушить их опасения, доказать клевету. Однако же отношения их не уладились, одним из важнейших поводов служили также новгородские отношения. Когда в 1169 году князь Суздальский, Андрей Юрьевич /Боголюбский/, послал сына своего Мстислава с войсками на Киев, на князя Мстислава Изяславича, мы видим всех Ростиславичей в этом знаменитом походе.

Как известно, результат этого похода был таков, что Киев впервые был разрушен и предан разграблению. Великим князем Русским сделался Андрей Суздальский, и с этого времени Киев начинает терять свое значение*.

Князь Давыд Вышгородский, очевидно, был самый ярый противник дяди своего Мстислава. Еще при первом вступлении на Киевский стол, последний обратил преимущественное внимание на Давыда и тогда только сел в Киеве, когда усмирил этого князя; он пробовал еще раз возвратиться в Киев в 1172 году, и при этом снова поспешил осадить Давыда в Вышгороде, однако союзники покинули Мстислава, и он должен был отступить.

---

* Андрей (ок. 1111–1174), сын Юрия Владимировича «Долгорукого», сделал своей столицей Суздаль, но жил в селе Боголюбово, откуда его прозвище — Боголюбский. — *Ред.*

После взятия Киева, обстоятельства на Руси изменились. Великим князем сделался Андрей Юрьевич; этот князь известен своею надменностью и неприступностью не только в отношении к своим боярам, но и к князьям. Он начал распоряжаться князьями на Руси с небывалою гордостью. Восставать было некому. Князья были слабы в отдельности каждый, а союза составить не могли. Одни Ростиславичи были сильны, но с ними Андрей ладил, защищал их интересы и они были его верными союзниками. Так, когда новгородцы восстали против Ростиславича Святослава, он этому противился, хотя граждане /Новгорода/ все-таки выбрали Романа, сына Мстислава Изяславича. Святослав умер на Волоке, в войне с новгородцами, и был похоронен в Смоленске. Наконец, Андрей посылал сына своего Мстислава, вместе с Рюриком и Мстиславом, воевать Новгородскую волость, чтобы изгнать оттуда Романа. Но последний, узнав о смерти отца своего, и сам оставил Новгород. Тогда Андрей отдал его Рюрику, который, отправляясь туда, передал свои земли брату Давыду. Впрочем, Рюрик скоро ушел оттуда.

После смерти Киевского князя Глеба, брата Андрея, последний передал Киев Ростиславичу Роману, послав сказать братьям: «Вы назвали меня отцом, я хочу вам добра и даю брату вашему Роману Киев». Отправляясь, Роман оставил в Смоленске княжить сына своего Ярополка.

Однако хорошие отношения недолго продолжались; князь Андрей не замедлил выказать свою гордость и требовательность. Он потребовал от Ростиславичей выдачи трех бояр, на которых падало обвинение в отравлении брата его Глеба, Ростиславичи отказались и пустили от себя бояр. Тогда Андрей послалъ небывалый до того времени приказ Роману:

> «Ты не ходишь в моей воле с твоими братьями, так иди из Киева, Давыд пусть идет из Вышгорода; Мстислав из Белгорода; вам Смоленск — делитесь им».

Нечего и говорить, что Ростиславичи обиделись таким гордым приказом. Роман, не желая оставаться в Киеве, который уже не мог представить крепкой защиты, пошел в Смоленск. Однако братья не растерялись. Они послали сказать Андрею:

> «Брат! Действительно мы назвали тебя отцем и крест тебе целовали, и стоим в крестном целовании; а теперь ты вывел брата нашего из Киева и нам указываешь путь из русской земли без вины, то пусть будет с нами Бог и крестная сила».

Андрей не отвечал ничего на эту речь. Ростиславичи поняли, что нужно ждать серьезной войны; они первые ее начали. Поехав нечаянно в Киев, они захватили Всеволода Юрьевича, брата Андреева, и племянника его Ярополка и всех бояр; князья эти заняли было Киев по приказанию Андрея. Кроме того, Ростиславичи ходили на брата Андреева Михаила к Торческу.

Андрей, прежде чем решиться на войну, послал боярина Михна сказать Ростиславичам:

> «Не хотите быть в моей воле, ты Рюрик ступай в Смоленск к брату в свою отчину. Давыду скажи, — говорил он боярину, — ты ступай в Берладь (к степнякам), а в русской земле приказываю тебе не быть; Мстиславу скажи: все заключается в тебе, велю тебе не быть в русской земле».

Когда прибыл посол с такими речами к Мстиславу, то он велел ему в своем присутствии остричь бороду и волосы.

> «Иди к своему князю, — говорил послу Мстислав, — и скажи ему: мы считали тебя до сих пор отцом, но если ты с такими речами прислал не как к князю, но как к подручнику или простому человеку, то делай что хочешь».

До сих пор Андрей все медлил, предполагая, что Ростиславичи придут к нему с повинной головой. Но теперь медлить было невозможно. Он скоро собрал около 50 тысяч воинов северного (Северского. Цифра очень сильно преувеличена. — *Ред.*) ополчения и послал их под начальством сына своего Юрия и воеводы Бориса Жидиславича; он приказал им Давыда и Рюрика изгнать из их отчины, а Мстислава пленного привести к нему.

Во время похода суздальские войска увеличились огромным числом союзников: к ним присоединились все князья северянские во главе с Святославом Всеволодичем, князья полоцкие, туровские и городенские.

Роман Ростиславич, когда полки проходили мимо его земли, также вынужден был послать полк с сыном своим на братьев; он боялся выказать тогда свой союз с братьями потому, что его собственная земля могла быть разорена.

При приближении неприятеля, Ростиславичи оставили Киев; они решились защищаться таким образом, чтобы каждый заперся в своем городе: Рюрик в Белгороде, Мстислав с Давыдовым полком в Вышгороде, сам Давыд поспешил в Галич просить помощи, в чем он и успел.

Союзники прежде всего заняли Киев и часть младшей дружины отправили под Вышгород. В первый же день Мстислав дал им обоим

сражение, которое осталось нерешительным. На другой день пришли все полки и началась осада. Во время осады происходили часто жестокие стычки, от которых сильно страдали осажденные.

Так прошло около 9 недель, когда пришел на Ростиславичей еще Ярослав, князь Луцкий со всею волынскою дружиною. Он добивался старшинства между Ольговичами и желал затем занять Киев. Но когда в этом ему отказали, он перешел на сторону Ростиславичей и, повернув свои полки, направился к Белгороду. Союзники, видя это отступление и полагая, что Ярослав в тылу у них соединится с галичанами и Рюриком, бросились бежать из-под Вышгорода. Во время бегства их много потонуло в Днепре и погибло от преследования Мстислава.

Таким образом Ростиславичи счастливо вышли из весьма опасного положения. Событие это имело огромное значение для тогдашней Руси: оно освободило южную Русь от гордых притязаний Суздальских князей. Нужно заметить, что в это время властолюбивый князь Андрей стремился, очевидно, вполне подчинить русских князей; он уже давно резко отступил от древнего обычая русских князей: он не допускал никакого участия в делах правления бояр и дружины, и обращался с ними крайне жестоко. Он не только изгонял противоречивших ему бояр, но осмелился изгнать даже епископа Леона. Князь Андрей Юрьевич стремился захватить неограниченную власть и над князьями.

Тогдашние князья не имели силы противостоять; они были слишком слабы, владения их были невелики и разорены, у самих не хватало смелости; собрать союз против Андрея слабому князю было невозможно: всякий союзник боялся поражения. Мы видели, что после разрыва Ростиславичи остались одни без союзников, даже брат Роман вынужден был послать свой полк; а между тем за Андреем пошли все князья.

В прежней борьбе большой голос имели Киев и киевское вече, но после его разорения, которое имело большое значение на утверждение власти Андрея, значение это падает; стол Киевский остается только почетным и притом дается князьям или Андреем или Ростиславичами. Само Киевское княжество потеряло всякую силу; оно было разбито на мелкие части: на Вышгород, Белгород, Дреговичи, Треполь и другие, бывшие передовыми крепостями Киевского княжества.

Если принять также положение тогдашней Руси во внимание, то победа Ростиславичей над Суздальским князем имела значение

освобождения Руси от его власти. Она имела также влияние на убиение князя, которое и последовало в следующем 1175 году*. Что касается до Ростиславичей, то они, после бегства суздальцев, заняли снова свои волости, отдав Киев Ярославу Луцкому. Они, очевидно, в том же году примирились с Андреем и даже просили его отдать Киев Роману.

В год убиения Андрея Суздальского, Роман занял Киев, оставив в Смоленске сына своего Ярослава. Молодой князь недолго продержался на отцовском столе; неизвестно, почему он не понравился смольнянам, и вече его изгнало в том же году, пригласив дядю его Мстислава**.

Роман также недолго просидел в Киеве. Между Ростиславичами и Святославом Всеволодовичем Черниговским произошло столкновение, во время которого, хотя Святослав бежал перед сражением, но Ростиславичи, не желая, по замечанию летописи, губить Русской земли и проливать христианской крови, отдали Киев Святославу; Роман возвратился в Смоленск (1177 год).

Вскоре после описанных событий в Смоленске умер (1180 г.) старший из Ростиславичей Роман, женатый с 1148 года на дочери князя Святослава Ольговича. Это был человек высокого роста, широкоплечий, с красивым лицом. Смоляне искренне оплакивали своего князя, который отличался незлобием и добротою. Свободное смоленское вече не раз причиняло ему большие неприятности; однажды даже изгнало, в его отсутствие, сына его Ярополка, но он кротко переносил обиды граждан.

Он замечателен своею уступчивостью, которая иногда даже бывала вредна делу. Несмотря на то, что он, как старший из Мономахова племени, мог бы владеть Киевом, он не добивался этого стола; сам уходил из Киева, когда видел, что его упорство может повлечь за собою опустошительную войну. Он вообще не отличался воинственностью, но замечателен своим благочестием: так, например, он построил в Смоленске каменную церковь св. Иоанна.

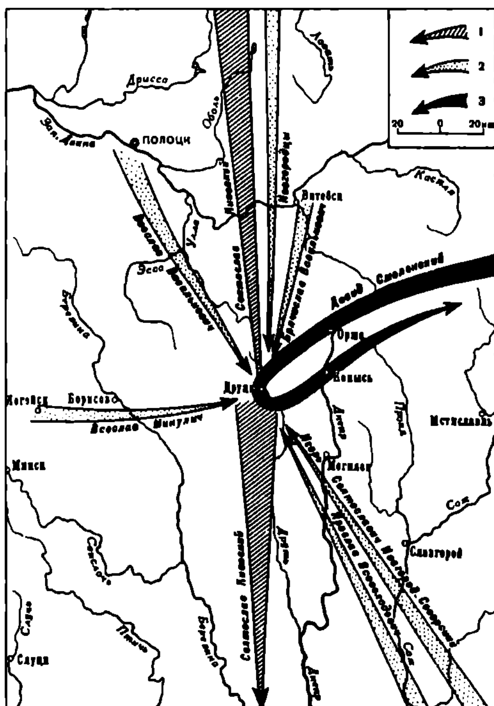
* Дата неверна. Бояре убили своего князя Андрея Юрьевича «Боголюбского» в ночь с 28 на 29 июля 1174 года. — *Ред.*

** В Ипатьевской летописи известие о занятии Киева Романом помещено в конце 1175 года, после известия об изгнании Ярополка и занятия Мстиславом Смоленска. Разумеется, Роман прежде оставил Смоленск, а потом жители изгнали его сына. Непоследовательность известия произошла, очевидно, от того, что составитель почерпнул одно из известий из другого источника, напр. известие об изгнании из местной Смоленской летописи. — *Авт.*

Татищев даже передает известие, что Роман особенно старался о распространении образования, учреждал училища и прочее. Так характеризуют его летописи.

Смерть Романа совпала с началом борьбы оставшихся Ростиславичей — Рюрика и Давыда — со Святославом Всеволодовичем.

Святослав, княживший тогда в Киеве, собрался идти против князя Суздальского Всеволода Юрьевича за то, что последний пленил сына его Глеба. Но зная, что Ростиславичи, в особенности враждебный еще издавна ему Давыд Вышгородский, воспользуются этим случаем, чтобы напасть на него, решил прежде захватить Давыда, а Рюрика изгнать. Для этого он выбрал время, когда Давыд охотился с княгинею и небольшим числом дружины на берегах Днепра. Он также в это время был на охоте. Святослав задумал было напасть на стоянку Давыда и взять его в плен. Он сделал нападение на ничего не подозревающего Давыда, но последний с женою убежал в лодке в Белгород, к брату Рюрику.

Поход Игоря Святославича на Друцк в 1180 г.

Между тем Святослав искал его под Вышгородом. Последний не решился оставаться долго в Киеве и ушел в Чернигов собрать и приготовить своих братьев и родственников к предстоящей войне.

Между тем Рюрик занял Киев, а Давыд поспешил к брату Роману, где ожидали нападения. В дороге его встретили послы из Смоленска с печальною вестью о смерти брата; Давыд поспешил и занял Смоленский стол (1180 г.), оставив в Вышгороде сына Мстислава.

Святослав между тем отправился прежде на Суздаль, оставив в Чернигове князей Ярослава и Игоря. Эти князья решились напасть

на Друцк, где княжил Глеб, сын известного нам Рогволода Борисовича. Друцк находился тогда, вероятно, под покровительством смоленских князей. Поэтому Давыд поспешил с своим полком к Друцку и заперся в городе вместе с Глебом.

В то же время к Ярославу и Игорю присоедились полоцкие князья: два брата Васильковичи, Брячислав Витебский и Всеслав Полоцкий, Всеслав Микулич Логожский, кроме того Андрей Володшич, племянник его Изяслав и Василько Брячиславич; Брячислав и Всеслав привели с собою толпы ливов и литвы. Таким образом, мы видим, что почти вся Полоцкая земля собралась на князей Друцкого и Смоленского.

Давыд и Глеб, как только подошли союзные войска к городу, решились немедленно дать сражение Ярославу и Игорю; но те ожидали /прибытия/ Святослава с главными силами, и потому избегали сражения. Они стали на неудобном для нападения берегу Друти. Река разделяла оба войска. Изредка происходили мелкие схватки копейщиков и стрелков, которые выезжали на реку. Так прошла неделя, когда, наконец, пришел Святослав с новгородским ополчением. Он немедленно велел переходить Друть. Но Давыд понял, что у него недостаточно сил для сражения, и бежал ночью в Смоленск. Тогда Святослав приступил к городу, но не взял его, а только сжег передовые укрепления. После этого он отпустил новгородцев, а сам направился сухим путем к Рогачёву, откуда на лодках поехал в Киев. Рюрик между тем, узнав о неудаче брата, перешел в Белгород.

Хотя Рюрику удалось победить войска Святослава, но он не пожелал занять Киев. По выражению летописи, он не возгордился победою но, «возлюби мир болие войпы; желал жить в братолюбии, в особенности ради христиан, которых кровь проливалась в усобицах; он, по совету с своими мужами, уступил старейшинство Святославу, а себе взял всю Русскую землю». Однако в этом видна весьма дальновидная политика Ростиславичей. Они отдали Святославу только Киев, а сами завладели большею частью Руси, так что в их власти были даже ближайшие города к Киеву — Вышгород, Белгород и Овруч. Таким образом, на деле они были сильнее Святослава. Между тем, если бы они не уступили ему Киева, то война могла бы быть для них опасна, в союзе с Святославом была вся Северская земля и Полоцкая.

С этого времени (1180 г.) борьба между Ростиславичами и Святославом прекращается до самой смерти последнего (1190 год). Русь направляет свои усилия на борьбу со степняками-половцами. Эту

борьбу пришлось вести преимущественно Рюрику, владения которого подвергались наиболее нападениям. Большие походы совершаются великим, как его теперь называет летопись, князем Рюриком с Святославом, причем иногда ходят и более северные князья. Так в походе 1183 года принимали участие волынские и туровские Юрьевичи: Ярослав Пинский, Глеб Дубровницкий и Мстислав Городенский.

Смоленский князь Давыд редко и неохотно выступает в поход на половцев. Степняки не могли нападать на его владения, идти было до них весьма далеко и поэтому он даже избегает походов. Так, во время сборов в один из таких походов (1185 г.), Святослав послал звать Давыда. Он пришел со смолянами по Днепру и стал у Триполья. Но когда понадобилось еще дальше пойти, то смоленские воины составили вече и не согласились далше идти, говоря, что они изнемогли, что поход в глубь степей для них обременителен и бесполезен, вернулись со своим князем на родину.

Между тем в 1190 году умер князь Киевский Святослав Всеволодович. Рюрик, как старший в княжеском роде, занял немедленно Киев и послал оттуда к брату в Смоленск:

> «Брат! Мы остались старше всех в Русской земле, приезжай ко мне в Киев; о чем нужно будет подумать про русскую землю, про братьев своих, племя Владимира, обо всем мы с тобою покончим».

В летописи описан приезд князя в Киев. Давыд с смолянами приехал в Вышгород. Рюрик позвал его к себе в Киев на обед, после обеда дал ему много даров и отпустил в Вышгород. Потом князя Смоленского пригласил к себе на обед в Белгород Ростислав, сын Рюрика. Давыд побывал и там, и получил дары. Давыд в свою очередь позвал на обед брата своего и племянников и одарил; он устроил обед для всех монастырей, причем раздал много милостыни и, наконец, у него обедали Черные Клобуки, степняки, жившие на южной границе Руси. Тогда и киевляне пригласили Давыда к себе на пир, чем оказали ему великую честь.

В свою очередь и Давыд пригласил на пир всех киевлян и одарил их. После этих пиршеств братья уладили дела Русской земли, и Давыд отправился в Смоленск.

На последнем совещании Ростиславичей было, вероятно, решено одно весьма значительное предприятие. Мы уже и раньше видели, что двое Ростиславичей владели большею частью тогдашней Руси. Им принадлежали земли к северу от Вышгорода, часть полоц-

ких земель до границ Великого Новгорода; да и Новгород большею частью находился во власти Ростиславичей: в нем сидели их сыновья. Рюрик владел всею Южною Русью, кроме Киева, и большею частью Волынской земли, наконец, в союзе с ними был Галич. Кроме того, на северо-востоке в сильной Суздальской земле сидел тоже потомок Мономаха, Всеволод Юрьевич. Хотя в последнее время в Киеве и сидел князь из семьи Ольговичей, но эта уступка была выгодна для Ростиславичей.

По смерти же Святослава, Ростиславичи задумали окончательно устранить Северских князей от права владеть Киевским столом. Сговорившись со Всеволодом, они послали к старшему Ольговичу Ярославу в Чернигов и ко всем Ольговичам:

> «Целуй к нам крест со всеми твоими братьями, что вы не будете добиваться нашей отчины Киева и Смоленска от нас, от наших детей и от всего нашего Владимирового племени, как дед наш Ярослав разделил нас; а Киев вам не нужен».

Этого добивался еще Владимир Мономах, стараясь удержать Киев в своем роде. Его потомки нашли удобным теперь исполнить его намерение. Нечего и говорить, что Ольговичам не понравилось такое предложение. Однако ж они, уступая силе, согласились поддерживать такое разделение земель только до смерти живых членов семьи, не ручаясь за будущее. Начались споры, переговоры, самым настойчивым поборником устранения Ольговичей от Киева является Давыд, его поддерживает Всеволод. Ольговичи начали мириться не со всеми вместе, но поодиночке. Прежде других уступил Рюрик, который обещал еще помирить брата с Ольговичами. Рюрик уступил Ярославу Черниговскому Витебск. Между прочим Ольговичи целовали крест также на том, что они не начнут войны, пока положение дел не выяснится, пока не съездят послы к Давыду и Всеволоду.

Но Ярослав Черниговский нарушил последнее условие, воспользовавшись первым удобным случаем. Этот случай представился, когда Рюрик, поверив крестному целованию, распустил войска и уехал из Киева в Овруч по своим делам.

Ярослав Всеволодович послал своих племянников занять Витебск, хотя Давыд еще не был извещен об этом. Ольговичи на дороге напали на Смоленские земли и начали воевать. Узнав об этом, Давыд отправил против Ольговичей племянника своего Мстислава Романовича и рязанских княжичей Ростислава Владимировича и зятя своего Глеба со Смоленским полком. На второй неделе вели-

кого поста (1195 год) оба войска встретились. Ольговичи приготовились к битве, притоптали вокруг себя снег и ждали нападения. Смоленские дружины не успели приготовиться и бросились на северян и полочан. Нужно заметить, что полочане снова порвали союз с Давыдом, желая освободиться от зависимости; к ним присоединился и Друцкий князь Борис.

Княжеская усобица: штурм города

Мстислав с дружиною напал на полк Олега Святославича, сбил знамена, причем сын Олега Давыд был убит. Михалко, тысяцкий князя Давыда, со смолянами напал на дружины полочан, но был отбит; смоляне бежали. Тогда полочане, оставив их без преследования, зашли в тыл Мстиславова полка. Произошло замешательство, ибо Мстислав, не зная о бегстве Михалки, погнался за полком Олега; погнались также и Глеб с Ростиславом. Мстислав, возвратившись один на прежнее поле битвы, был встречен полочанами и взят ими в плен. Другие князья бежали в Смоленск к Давыду. Между тем бежавший уже Олег Святославич заметил, что полочане победили, вернулся к ним; он весьма обрадовался, увидев плененного Мстислава, и выпросил его себе у Бориса Друцкого.

Радостное для Ольговичей известие о победе немедленно было отправлено к Ярославу в Чернигов. Олег, извещая его, прибавлял, чтобы он немедленно собрался и ехал в Смоленскую землю; это представлялось тем более удобным и необходимым, что пленные смоляне говорили Олегу, что братья теперь не в ладах. Ярослав действительно собрался и уже был в дороге, когда Рюрик прислал ему из Овруча крестные грамоты, обвиняя его в неисполнении договора и угрожая пойти на Чернигов, если он пойдет на Смоленск. Ярослав не поехал к Смоленску и, видя, что ему трудно будет вести борьбу с

Ростиславичами, начал сваливать всю вину на Давыда, что он помогал витебскому князю, зятю своему. Однако князья не уладились. Рюрик звал Всеволода напасть на князя Черниговского; тот согласился. Ярослав предлагал потом выдать Мстислава Романовича, но все-таки князья не помирились.

Между тем новый союзник Ольговичей Роман Владимирович напал на земли Давыда, а последний, соединившись с Всеволодом Суздальским, напали на область вятичей, принадлежащую Ярославу, начали ее жечь и грабить. Ярослав поспешил на помощь вятичам и начал там переговоры с Всеволодом и Давыдом. После долгих переговоров князья помирились, хотя Давыд настаивал на продолжении войны; Ольговичи целовали крест на том, что они не будут добиваться под Рюриком Киева, а под Давыдом Смоленска. Таким образом, попытка потомков Мономаха совершенно отстранить Ольговичей от Киевского стола не удалась.

В следующем году 23 апреля (1197 г.) умер князь Смоленский Давыд Ростиславич, 60 лет от роду, прокняжив 18 лет в Смоленске. Он был похоронен в монастыре Бориса и Глеба на Смядыни, где скончался, приняв перед смертью схиму. Летопись прибавляет о нем, что это был князь весьма благочестивый; он построил в Смоленске церковь архангела Михаила. Кроме того, мы видели, что ему нельзя отказать в воинственности и предприимчивости.

Эти последние качества имели деятельное применение в борьбе с Ольговичами. Он является их постоянным врагом. Эта вражда обнаруживалась и поддерживалась тем, что он был особенно сильный поборник исключительной гегемонии над Русью рода Мономаховичей. Видя, что покорить Ольговичей и силою заставить их отказаться от Киева, а с тем вместе и от гегемонии над Русью на будущее время невозможно, он постарался провести эту идею посредством дипломатических переговоров; но это ему не удалось.

Ольговичи крепко держались своих прав на Киев; они предполагали, что со смертью настоящего великого князя Всеволода Суздальского Киев может еще возвратить свое прежнее значение для Руси. Во всяком случае, даже и в это время князь Киевский все же в действительности имел большое значение в делах Русской земли, хотя и называл Всеволода отцом, т. е. старшим.

Князь Давыд отличался твердостью характера и властолюбием, причем выказывал иногда жестокость; многие черты напоминают в нем Андрея Боголюбского. Из его отношений к смоленскому вечу мы знаем, что он не всегда ладил с ним. По одному летописному из-

вестию, между ним и смолянами была сильная распря; усмиряя вече, он поступил с крайнею жестокостью: многие из знатных граждан были казнены. Возмущение смоленского веча могло последовать как вследствие личного характера этого князя, так и вследствие войн, которые он вел с Ольговичами по поводу последнего спора за Киев. Этот спор имел в значительной мере династический характер, не касавшийся близко Смоленской земли, а между тем вовлекавший ее в борьбу, в которой она страдала от походов и нападений. Между тем смоляне, мы знаем, более привыкли сидеть спокойно и заниматься торговлей.

Летопись рисует его человеком среднего роста и красивым. Давыд имел 4 сыновей: Изяслава, Константина и двух Мстиславов. Таким образом, скончался последний из Ростиславичей, занимавших Смоленский стол. О судьбе Рюрика, своею деятельностью мало относящегося к истории Смоленска, мы говорить не будем; последние годы его жизни, борьба с Романом, принятие монашества и прочее — общеизвестны.

***

Теперь вернемся несколько назад и рассмотрим отношения Ростиславичей к Новгороду и Полоцку. Общие основы их политики — те же, что и отца их Ростислава.

Как только умер Ростислав, сын его Святослав, сидевший тогда в Новгороде, понял, что оставаться ему далее нет возможности; Новгородцев заставили принять его, и он понимал, что как только великий князь переменился, граждане постараются отделаться от нелюбимого князя. Вот почему Святослав ушел в /Великие/ Луки тайно, послав оттуда свой отказ новгородцам. Последние собрались, чтобы прогнать его из своих пределов, но он ушел в Торопец, откуда отправился на верховья Волги, где с помощью Андреевой дружины разорил Торжок.

Братья его в союзе с Андреем решились поддержать Святослава «силою местяце в город». Роман и Мстислав пожгли Луки; послов новгородских, пытавшихся пройти в Мстиславу Изяславичу в Киев за князем, перехватывали. Наконец, новгородцы, чтобы совершенно обессилить партию Святославову, убили важнейших ее представителей, посадника Захария, Неревина и Незду, вступили в борьбу против соединенных сил суздальцев, смолян и полочан (вероятно, тех из уделов последних, которые находились под влиянием Смоленска), посольство их пробралось через западные полоцкие

владения в Киев и в следующем году новгородцы наконец получили князя — Романа Мстиславича*.

Но коалиция князей против Новгорода не прекратилась. Как известно, это было время борьбы Андрея и Ростиславичей с Мстиславом Изяславичем Киевским и разорения Киева. Борьба эта отразилась и на новгородцах, которые должны были выдержать осаду соединенных сил суздальцев, смолян, муромцев, полочан и других — «и вся земля просто Русьская», говорит новгородский летописец. Осада эта кончилась неудачею для союзников.

Как известно, Киев был разорен, Мстислав Изяславич потерял силу и новгородцы, хотя и отстояли сына его, но не могли устоять против дороговизны, бывшей следствием вражды с Андреем и Ростиславичами: они отказались от Романа и приняли Рюрика Ростиславича. Последний остался верен политике отца и братьев; из распоряжений его видно, что он также стремился поддержать боярскую партию: он отнял посадничество у Жирослава и дал Иванку, сыну того самого Захария, которого новгородцы казнили за приверженность к Ростиславичам. Но Рюрик просидел всего несколько месяцев в Новгороде, откуда опять отправился в 1171 году в Киевщину.

Однако чрез некоторое время партия Ростиславичей снова берет верх в Новгороде. Новгородцы обращаются в 1178 году к Роману с предложением занять стол; он согласился, но ушел в том же году в Смоленск, и тогда новгородцы обратились к брату его, знаменитому Мстиславу. Последний долго не соглашался, но наконец уступил просьбам жителей и убеждениям братьев. Кратковременное княжение его на новом столе посвящено было удачному походу на Чудь и Полоцк; поход на последний был остановлен заступничеством Романа. Но во внутренних делах этот князь был верен традициям предшественников из своей линии: после его смерти граждане отняли посадничество у Завида Нереbенича, сына того Неревина, которого убили новгородцы за сношения с Святославом. Таким образом и Мстислав держался той же партии — боярской, что и его предшественники.

В том же 1148 году Мстислав Ростиславич умер. Южная летопись, вообще с большими симпатиями относящаяся к Ростиславичам, описывает глубокую печаль новгородцев о потере князя, но северная лишь сухо сообщает об этом. Впрочем, рассказ южной лето-

---

* «И болши вражды бысть на Мстислава от братье», замечает Ипатьевская летопись по поводу занятия Новгорода Романом. — *Авт.*

писи отличаетсяч ригоризмом, хотя и довольно правдив, так как на юге лучше знали этого князя-дружинника*.

На некоторое время Новгород переходит в руки Ольговичей Черниговских, которые и пользовались помощью его /Новгорода/ в борьбе с Давыдом Смоленским, защищавшим Друцк. Но Давыд был в союзе с Всеволодом Ростовским и новгородцы жестоко поплатились разорением Торжка за союз с Ольговичами. Это заставило их снова обратиться к Ростиславичам, именно к Давыду, с приглашением на княжение; смоленский князь послал туда сына своего Мстислава.

Но и этот представитель уже третьего поколения смоленских князей держался старой политики своих предшественников, поддерживая боярскую партию в ущерб другим элементам населения. Новгородцы были им недовольны, происходила, очевидно, оживленная борьба партий, следствием которой было то, что уже упомянутый приверженец смоленских князей Завид Неревенич, снова занявший посадничество, должен был удалиться к Давыду в Смоленск, а брат его Гаврило был убит вместе с каким-то Вячей Свеничем. Дальнейшим следствием борьбы партий было то, что в 1187 году и самого князя /Мстислава/ новгородцы «выгнаша».

С этого времени Новгород становится все в большую и большую зависимость от Суздаля, влияние смоленских князей уменшается, особенно со смертью Давыда.

В отношении к Полоцку политика Ростиславичей стремится к тому, чтобы подчинить и упрочить свое владение над различными уделами этой земли, помогая то одному, то другому из князей, а может быть, и поселяя вражду между ними. Давыд, являющийся главным представителем смоленских князей, в их сношениях с полоцкими не только успел поддержать влияние над этой землею, которого достиг отец его, но пользовался еще большим.

Мы уже видели, что Давыд в 1165 году сел в Витебске, к концу же XII столетия этот князь постоянно вмешивался в дела Полоцка, поддерживал на этом столе Всеслава Васильковича в противовес другим претендентам, и т.д. Вопрос о полоцко-смоленских отношениях мы, чтобы не повторяться, оставляем до следующей главы.

---

* Ригоризм (от латин. rigor — строгость, твердость) — строгое, непреклонное соблюдение нравственных принципов и правил. — *Ред.*

Глава 3
Полоцк и Смоленск

Обратимся теперь к судьбам Полоцкой земли. Борьба с половцами в княжение Ярополка Владимировича, с началом которого возвратились из Греции (Византии. — *Ред.*) полоцкие князья, последующая за его смертью борьба в семье Мономаховичей и другие важные события на юге и востоке совершенно отвлекают внимание наших летописей от событий полоцких. Известия делаются более обильными только к концу XII века, да и то на короткое время.

Возвратившиеся князья теперь уже держатся совершенно иной политики, они стараются завести дружественные сношения и с Мономаховичами, и с Ольговичами. Так, когда нелюбимый новгородцами Всеволод Мстиславич в 1137 году шел с братом Святополком через Полоцк в Новгород, Василько Полоцкий «сам выиха к нему и проводи его с многою честию, заповеда же ради Бога забы злобу отца их Мстислава». Но в 1140 году на Полоцк бежит из Новгорода Святослав Ольгович. В своем стремлении приобрести покровителей среди сильных князей, полоцкие Всеславичи роднятся с Ольговичами и Мономаховичами: в 1143 году Всеволод взял за сына своего дочь Василька Полоцкого, а Изяслав в том же году отдал дочь свою за Рогволода Борисовича. Войска полочан встречаются как вспомогательные в походах великих князей; так, их войска были с Ярополком в походе его на Чернигов 1138 года, в походе Изяслава на Туров в 1157 году. Таким образом, полоцкие князья находятся в подчиненном положении к великим князьям; они подпадают, как мы уже видели, влиянию соседних сильных смоленских князей при Ростиславе; влияние это при Давыде на время переходит в довольно значительную зависимость.

Что касается внутреннего положения земли, то со времени возвращения полоцких князей до половины XII ст. летописи вовсе не упоминают об этой стороне жизни. В 1143 году летопись называет Васильковну дочерью полоцкого князя и Рогволода Борисовича также помещает в Полоцке. Поэтому, кто из князей, Василько или Рогволод, занимали тогда Полоцкий стол, — определить трудно. Вероятно, последний сменил первого около этого времени, так как название жены сына Всеволода полоцкою княжною не указывает еще на то, что Василько жив еще был в то время и владел этим уделом.

Как бы то ни было, но в 1151 году мы видим на Полоцком столе Рогволода Борисовича. Полочане «яша» этого князя, сослали в Минск, а избрали Ростислава Глебовича. Но понимая, что Рогволод мог найти себе защитников, они в то же время снеслись с Святославом Ольговичем, отдались под его покровительство «яко имети его отцем себе и ходити в послушаньи его»*.

Рогволод скоро освободился из заключения в Минске и в 1159 году является уже в Слуцке, который тогда принадлежал Святославу Ольговичу, и с помощью этого последнего, с его полком, направился в Друцк. Вследствие каких обстоятельств Святослав из покровителя Ростислава сделался его врагом и оказал помощь его противнику, — мы уже говорили. В Друцке в это время княжил сын Ростислава Глеб. При приближении Рогволода партия его в Друцке взяла перевес; к дручанам присоединились и полочане, приглашая князя. Они говорили ему: «князь, поезжай, не медли, мы рады биться за тебя и с детьми!» Более 300 приверженцев выехало к нему навстречу, остальные изгнали Глеба, разграбили его и дружины имущество. Рогволод утвердился в важнейшем из уделов. Тогда и в самом Полоцке приверженцы его начали действовать в пользу своего князя. Ростислав между тем заметил волнение в городе, собрал граждан, снова заставил их целовать крест, а сам с братьями Всеволодом и Володарем отправился на Рогволода к Друцку. Но поход был неудачен, дручане успели отбиться и враждующие князья заключили мир.

Но и мир был непрочен. Полочане снова «съвет зел свещаша»; они послали к Рогволоду, побуждая его идти к Полоцку, извинялись за прежний свой поступок с ним и обещали выдать ему Глебовичей. На следующий день после веча, граждане пригласили Ростислава, находившегося тогда в пригородном селе Бельчицах, на совет в город, под предлогом, что имеют к нему какое-то дело. В действительности же они хотели схватить князя. Когда последний уже отправился и был недалеко от города, к нему прискакал один из дет-

* В Воскресенской летописи под 6654 г. занесено известие «а Глеба взяли с Рязани на Друческ» (ПСРЛ., т. VII, с. 242). Упоминаемый здесь Глеб — сын Ростислава Рязанского, изгнанного в этом году Андреем Боголюбским. Затем под 6667 г. снова находим известие: «Дрючане Глеба от себя выгнаша, а у себе посади Рогволода Борисовича, внука княжь Юрьева Долгорукова, а Глеб иде опять на Резань» (там же). Это известие находится в отрывке «Начало Государей православных». Недоразумение, происшедшее здесь в именах князей, ясно: северный компилятор встретил под 6667 г. известие об изгнании Глеба Ростиславича дручанами, принял этого Глеба за сына известного ему князя Рязанского, а под 6654 г. известие об изгнании этого последнего дополнил собственным соображением о том, что изгнанному Глебу дручане предложили свой стол, а где жили эти дручане, он, конечно, не знал. — *Авт.*

ских с известием, что в городе собралось против него вече и хотят схватить его; тогда Ростислав возвратился в Бельчицы, собрал дружину и ушел к брату Володарю в Минск, разоряя страну на пути*.

Рогволод занял Полоцк. Но он решил ослабить своего противника, чтобы отнять надежду у его партии на возвращение. Рогволод собрал полочан, получил помощь от Ростислава Смоленского, приславшаго ему своих сыновей Романа и Рюрика с новгородцами и смольнянами, и отправился к Минску. На пути же прежде всего осадил он Изяславль, в котором княжил Всеволод Глебович; последний князь был в дружбе с Рогволодом и потому без долгого сопротивления вышел к нему, примирился с ним. Рогволод удел его Изяславль передал Брячиславу Васильковичу, а Всеволоду дал Стрежев. Отсюда он отправился к Минску, осадил здесь Ростислава, но через 10 дней заключил и с ним мир.

Борьба Борисовича с Глебовичами и на этот раз не прекратилась. Последнее не желали удовольствоваться своею отчиною и потому в том же году они напали на младших Васильковичей, Володшу и Брячислава, пленили их в Изяславле и отвели в Минск. Это обстоятельство заставило Рогволода летом следующего года отправиться на Минск, причем он воспользовался помощью Ростислава Смоленского, приславшаго ему 600 конных торков под начальством воеводы Жирослава Нажировича; торки скоро ушли, но Рогволод продолжал осаду города в продолжение 6 недель, пока наконец не достиг своей цели, не заключил мира «по своей воле»; результатом было освбождение братьев Володши и Брячислава. Борьба между двумя линиями продолжалась и в следующем году. Рогволод снова ходил к Минску и «створи мир» с Ростиславом.

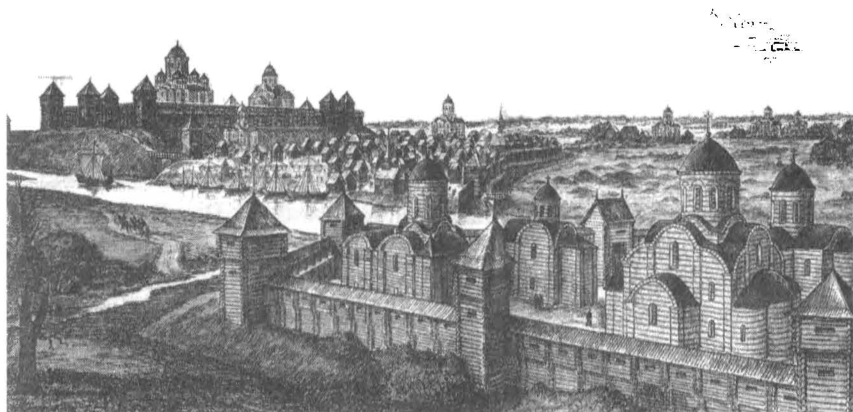
Наконец, и Рогволод решил бороться со своими противниками поодиночке. Он выступил в 1162 году на самого деятельного из них Володаря и осадил его в удельном его городе Городце. Володарь уклонился днем от сражения, но ночью напал на полочан и нанес им с помощью литвы сильное поражение. Рогволод убежал в Слуцк, оттуда перешел в свой удел Друцк, оставив намерение утвердиться в Полоцке: «а Полотьску не сме ити, занеже множьство паде Полочан», поясняет летопись.

Неудачная борьба с Глебовичами ослабила энтузиазм, возбужденный в Полоцке; когда Рогволод прибыл в Друцк, поддержка, оказанная ему Святославом, была незначительна. Ростислав Мстиславич также слабо помогал ему, а между тем полочанам приходи-

* Детские — категория населения, зависимого от монастырей. — *Ред.*

лось выдерживать тягостную войну с другою линиею, не желавшею уступить первенства. Все это ослабило партию Рогволода, он понял это и удалился в Друцк, а полочане избрали Всеслава Васильковича.

Князь этот, княживший до сего времени в Витебском уделе, держался во время только что описаной борьбы за Полоцк в стороне от нее. С избранием этого князя полочане получили сильную поддержку на некоторое время в князьях Смоленских, покровительствовавших Всеславу. С него начинается особенно сильное влияние в Полоцке Смоленска. Самое появление его на Полоцком столе со-

Полоцк к концу XII века (реконструкция В. Стащенюка)

пряжено было, по-видимому, с уступкой смоленским князьям. В самом деле, в 1162 году он занимает Полоцкий стол, а в 1165 году Давыд Ростиславич занял Витебск. Потому не без вероятности следует предположить, что уступка Витебска была сопряжена с поддержкою, которую оказал Смоленск в этом случае, и также с целью приобресть себе в смоленских князьях верного покровителя в борьбе за Полоцк. Занятие Витебска Давыдом могло произойти непосредственно после занятия Всеславом Полоцка в 1162 году, потому что летописная заметка под 1165 годом о том, что Давыд «седе» в этом уделе, не указывает вовсе на время занятия им стола, а только лишь на владение. И действительно, Всеслав, как сейчас увидим, более чем кто-либо из князей Полоцких, пользовался защитой и поддержкою Смоленска.

Так, когда в 1167 году Володарь Глебович направился к Полоцку и вышедший ему навстречу Всеслав с полочанами был разбит, последний бежал к Давыду в Витебск. Из обстоятельств похода можно, кроме того, видеть, что при первом известии о движениях Володаря, Давыд послал Всеславу помощь: «не да ему съвъкупитися (Володарь — Всеславу, очевидно с Давыдом) и вдари на них изнезапы».

Разбив Всеслава, Володарь занял Полоцк, утвердился в нем («целова крест с Полтьцаны») и сейчас же направился к Витебску на Давыда и Всеслава.

Войска встретились на берегах какой-то реки. Давыд оттягивал время, не желал вступать в битву, выжидая брата своего Романа с смольнянами. Но ночью произошло смятение в лагере Володаря — «в полунощи бысть гром силен, яко воем бродящемся черес реку, и страх нападе на воя Володаревы» — вследствие чего они и разбежались. На утро Давыд, узнав о случившемся, послал в погоню за бежавшими. Случайная победа над противником дала возможность Всеславу снова занять Полоцк. Давыд, по выражению летописи, «посла» его туда, что указывает на значительную зависимость полоцкого князя.

Нельзя не обратить внимания и на то, что держание Витебска Давыдом было делом не его личным; это дело было всей Смоленской земли, всех Ростиславичей, которые при первой надобности шли на поддержку Всеслава и Давыда. Действительно, Витебск, как уже мы не раз указывали, занимал весьма видное положение при великом водном пути, он давал возможность смоленским князьям производить, в случае надобности, экономически репрессалии на Новгород, так же, как мы видели, служивший предметом стремлений Ростислава и его сыновей.

Вследствие сильной поддержки, оказанной Всеславичам, смоленское влияние в Полоцке делается преобладающим, но это влияние было таково, что Полоцк находился в более или менее подчиненном отношении к Смоленску. Так, мы видим полочан в походах князей Смоленских за Святослава Ростиславича на Новгород.

Союз со Смоленском и поддержка, оказываемая ему со стороны Полоцка, вовлекает последнего в борьбу с Новгородом. Едва только новгородцы успели на время освободиться от смоленских Ростиславичей, как под предводительством князя своего Романа Мстиславича, сына Мстислава Изяславича, предприняли поход на полоцкие владения, часть которых успели опустошить без сопротивления. Оттуда они напали на Торопецкую волость. Полочане сами не могли вступить в борьбу с сильным северным княжеством. Да в этом для

них не было и необходимости, так как в этот самый период шла борьба Ростиславичей с Новгородом в союзе с Андреем Суздальским. Поэтому полоцкие Васильковичи, раз соединив свои интересы с интересами своих покровителей, являются в общем походе Ростиславичей и Андрея на Новгород, кончившемся, как известно, неудачей.

Летопись упоминает о том, что полоцкие князья, по приказанию Андрея, ходили в 1174 году на Ростиславичей под Вышгород, однако это обстоятельство не разорвало установившихся между обеими линиями отношений, хотя, быть может, в названном походе и участвовали Васильковичи. Интересно известие наших летописей, что Ярополк Ростиславич Владимирский, вознамерившись жениться на дочери Всеслава, «послав к Смоленску поя за ся». Таким образом, дочь Всеслава жила в Витебске у князей Смоленских. Это обстоятельство, кроме указания на существующие отношения, намекает и на то, что дочь Всеслава удерживалась в Смоленске, быть может, с целью держать в большей зависимости князя Полоцкого.

Заступничество смоленского князя предотвратило беду, грозившую Полоцку со стороны Новгорода. Когда в последнем начал княжить Мстислав Ростиславич и воодушевление народное сильно поднялось при первых успехах граждан под предводительством этого князя, новгородцы решили отомстить своему соседу за постоянную помощь, оказываемую его врагам.

В самом деле, Полоцк не только своим участием в походе с Ростиславичами на Новгород мог приносить последнему вред, но едва ли не более был опасен для него своим участием в коалициях, составляемых князьями Суздальскими и Смоленскими, о чем уже была речь. Подрыв в торговле, прекращение ввоза хлеба и прочего со стороны Полоцка не менее гибельно действовали на состояние Новгорода. Естественно, что жители последнего стремились при всяком удобном случае отомстить соседу; на одну из таких попыток мы уже указали.

Теперь настало, по-видимому, для новгородцев наиболее удобное время. Князь Мстислав Ростиславич был известен всей Руси своею храбростью и своим стоянием за неправды и обиды. Мстислав больше дорожил интересами своих граждан, на стороне которых была правда, чем интересами своих братьев, защищавших Полоцк. Вот почему он предпринимает этот поход. Предлог к нему, указываемый летописями, что будто бы Мстислав отправился на Всеслава за то, что дед последнего, знаменитый чародей, когда-то ограбил Новгород, — конечно, не имеет основания и, вероятно, новгородцы

только вспомнили об этой обиде под влиянием последних событий; быть может, такое объяснение было пущено в ход еще и потому, чтобы воодушевить чернь и, с другой стороны, замаскировать истинную экономическую причину похода от Ростиславичей.

Но едва только Мстислав дошел до Лук, как брат его Роман, услышав о походе, немедленно послал к Всеславу в помощь сына своего Мстислава, а сам послал сказать брату: «обиды тебе нет, но если хочешь идти на его (Всеслава), то прежде пойди на меня». Предлог войны, выставленный новгородцами, был, конечно, не убедителен для Романа, понимавшего сущность дела. Новгородцы увидели, что спорить им трудно при такой энергической защите, и отступили (1178 год). Таким образом полочане избавлялись от неравной борьбы.

Мы уже указывали, что в Полоцкой земле происходила борьба представителей трех семей: Васильковичей, Глебовичей и Борисовича Рогволода. В начале борьбы смоленские князья, как мы видели, поддерживали Рогволода, но затем Всеслава. Как тогда разрыв смоленского князя с Рогволодом произошел по каким-то внутренним причинам, о которых летопись умалчивает, так теперь произошел разрыв Всеслава с Давыдом, а последний тесно соединяется с князем Друцким Глебом Рогволодовичем. Истинную причину трудно указать; быть может, сам Всеслав, утвердившись с братьями в своих уделах, сталъ тяготиться большою зависимостью от Смоленска. Во всяком случае, причина разлада скорее могла происходить от него, так как Давыду было невыгодно менять свое влияние над Полоцком и другими двумя уделами Васильковичей, Логожском и Изяславлем, на небольшой удел Рогволода, потерявшего притом влияние в самом Полоцке.

Как бы то ни было, но в 1180 году началась у Давыда и Всеволода Юрьевича борьба с князьями Черниговскими, старшими из которых были Всеволод и Святослав; о причинах вражды Ольговичей с Давыдом мы уже говорили. Первые, минуя собственно смоленские земли, решились напасть на Друцк, очевидно, рассчитывая нанести удар Давыду с более слабой стороны. Сначала туда двинулись Ярослав Всеволодович и Игорь Святославич с отрядом половцев. Святослав в это время находился в Новгороде и готовил северное ополчение. Но он предварительно заключил союз с разными полоцкими удельными князьями, из которых главными союзниками являются Васильковичи, Всеслав с полочанами, Брячислав с витеблянами, Всеслав Микулич с логожанами; кроме того, сын Владимира Андрей, племянник его Изяслав и Василько Брячиславич. Все они, со-

единившись, прошли мимо Друцка к северу, чтобы соединиться со Святославом. Таким образом, мы видим, что почти все полоцкие князья, прежние союзники и даже подручники Давыда теперь соединились против него.

Давыд со своим полком быстро двинулся к Друцку и занял его. Здесь в это время уже княжил сын Рогволода Глеб. Давыд хотел немедленно сразиться с Ярославом и Игорем, пока они не успели соединиться со Святославом и полоцкими князьями. Но Ярослав и Игорь уклонились от сражения, выбрали возвышенное место на берегу Друти, стали там; Давыд стал на противоположном берегу, но действовал нерешительно. Дело пока ограничивалось незначительными схватками и перестрелкою через Друть. В этом прошла неделя. Тогда явился Святослав с новгородским ополчением и союзниками, начал гатить Друть с тем, чтобы напасть на Давыда. Последний, не дождавшись сражения, не надеясь справиться с более многочисленными противниками, убежал ночью в Смоленск. Однако и союзники не могли воспользоваться бегством защитника Друцка. Святослав сжег передовые укрепления города, но опасаясь нападения Ростиславичей на собственные черниговские владения, двинулся на юг, отпустив новгородцев.

Таким образом смоленский князь потерпел поражение, но противники его торжествовали недолго. Полоцкого князя Давыд решился поставить в зависимость от себя более энергичными мерами. Он в 1186 году направился на Полоцк; с ним пошел и упомянутый Василько и друцкий князь Всеслав, вероятно, Рогволодович; с севера с новгородцами шел на Полоцк сын Давыда Мстислав. Полочане, сойдясь на вече, решили, что «не можем противустоять Новгородцам и Смольнянам; если мы впустим их в землю свою, то хотя и заключим мир с ними, все-таки много зла сотворят нам, опустошат нашу землю, идя на нас; пойдем к ним на сумежие». Действительно, полочане встретили ополчение смоленское и новгородское на границе: «и сретоша я на межах с поклоном и честию и даша дары многа». Дело уладилось без борьбы, мир был заключен.

Неизвестно, какие обязательства приняли на себя полочане при заключении мирных условий; наиболее вероятным представляется предположение, что Давыду был уступлен в этот раз Витебск, как сейчас увидим. Сам же Полоцк, если и принял какие-либо обязательства, то держался их недолго, и уже под 1191 годом летопись рассказывает, что новгородский князь Ярослав Владимирович, в сопровождении «передней» дружины новгородской, сошелся с князьями полоцкими на границе и здесь они заключили союз, «положили

любовь» между собою с тем, чтобы на лето отправиться вместе либо на Чудь либо на Литву. Ярослав действительно ходил на Чудь, но выполнили ли свое условие полочане — летопись не упоминает.

Этот союз с Новгородом показывает, что полочане стремились приобрести себе союзника против Смоленска: они дали дары новгородскому князю и согласились идти с ним на Литву или Чудь, между тем как им самим не было причин для этих походов, так что дары и поход, быть может, были со стороны полочан только услугой за союз. Торжественное шествие Ярослава к границе Полоцкой, привлечение «передних» новгородских мужей к заключению мирных условий, указывает на то, что совещание о походе на Чудь не было главным предметом обсуждения собравшихся представителей двух соседних народоправств. Сущность совещаний следует видеть гораздо глубже: здесь полочане и новгородцы старались заключить союз против Ростиславичей, подавлявших свободу тех и других.

Смоленское влияние на Полоцк и его уделы, как уже мы видели, падает, князья его пытаются вступить в союз с Ольговичами и оказывают им значительную поддержку. Но Ольговичи, со своей стороны, плохо поддерживают полочан и лишь пользуются их помощью во время нашествий на Давыда, не оказывая им помощи в свою очередь. Последним походом своим, как мы видели, Давыд достиг того, что ему был уступлен Витебск, хотя в условиях о мире об этом не говорится, но уступка эта ясна и так. В походе 1180 года Ольговичей на Друцк мы видим в числе их союзников Брячислава Васильковича из Витебска. А в 1195 году, т.е. 4 года спустя после Давыдова похода, Витебск находился уже в безусловной зависимости у смоленских князей.

Когда начались известные уже нам переговоры о Киевском столе между Ольговичами и Ростиславичами, первые, очевидно, сильно добивались завладения Витебском. Это вполне понятно, потому что они тогда имели бы в своем владении город, находящийся в самой земле Полоцкой, могли бы значительно усилить свое влияние в этой области и постоянно мешать политическим видам князя Смоленского. Рюрик Ростиславич уступил Витебск Ольговичам, но с тем, что он предварительно переговорит с Давыдом. Ольговичи же поторопились занять город. Ярослав послал туда племянника своего Олега Святославича, к нему присоединились разные удельные полоцкие князья. Давыд послал под начальством Мстислава Романовича войска, которые, благодаря успеху полочан, и потерпели поражение; Мстислав Романович был взят в плен.

План Смоленска в XIII–XIV вв. (по Н.В. Сапожникову)

В каком отношении к Давыду находился Витебск, видно из того, что Ростиславичи распоряжаются им как своим городом, хотя и былъ здесь свой князь, зять Давыдов, вероятно, один из князей полоцких. Карамзин называет его Васильком.

Хотя, как известно, Давыду и удалось удержать за собою Витебск, однако влияние его на Полоцкую землю, как мы видели, все более и более ограничивалось; он, потеряв влияние над самим Полоцком, поддерживал князей Друцких, но один из них, Борис Рогволодович, был в числе союзников Ольговичей и пленил Мстислава Романовича во время только что описанного похода.

Таким образом, Давыд потерял значение и в Друцке, удержав только Витебск, и то как подвластный уже город.

Описывая последние события, наши летописи вовсе не упоминают имени полоцкого князя. Это дало повод к самым разнообразным предположениям. Всем известна неудачная комбинация Стрыйковского, пытавшегося заполнить пробел летописей, выдвинув какого-то Бориса Гинвиловича. С конца прошлого века (автор имеет в виду XVIII век. — *Ред.*) сыплются нападки на Стрыйковского, а между тем удовлетворительно вопрос все-таки не решен. Самое обычное объяснение — это то, что Полоцк переживал в конце XII века смутное время, управлялся единственно вечем, пока им не завладели литовцы.

В промежутке этого времени на фоне полоцкой истории появляется князь Владимир, о котором рассказывает Генрих Латыш*.

---

* Генрих Латыш — это Генрих Латвийский (Heinrich von Lettland), автор «Хроники Ливонии» (Heinrici chronicon Livoniae), написанной в 1224–1227 гг. на латыни. — *Ред.*

Лыжин, ища этого Владимира, нашел его в лице Владимира Рюриковича и отожествлял обоих князей. Но это натяжка. Рюрик никакого отношения к Полоцку не имел, как известно, — а главное, — как смоленское влияние к концу века потеряло всякую силу, мы только что видели. Кроме того, упомянутый автор указывает на близкое родство Всеслава и Брячислава Васильковичей со смоленскими князьями. Но такой переход всей Полоцкой земли к Рюриковичу неестествен уже потому, что о таком близком для Руси человеке знают и южные, и смоленские летописи. Но самое главное - это то обстоятельство, что Владимир Рюрикович родился только в 1187 году, тогда как Генрих Латыш в первый раз упоминает о Владимире Полоцком около 1186 года; это упустил Лыжин из виду в своей статье. Да и вообще едва ли имеет смысл попытка исканий Владимира Полоцкого в каком-либо из смоленских или других князей. Хотя наша летопись не упоминает имени полоцкого князя, но это не доказывает, что там его не было. Ведь наши летописи многого, конечно, не знают о полоцких делах.

На рубеже XII ст. Смоленск оставляет свои притязания на Полоцк, в смоленские летописи не попадают известия о нем, центр государственной жизни переносится к Всеволоду во Владимир — причины молчания понятны*. С другой стороны, предполагать исчезновение очень многочисленных полоцких князей — тоже нет основания, ибо в походе 1180 года их насчитано в летописи семь. Между тем Генрих Латыш всеми признается одним из добросовестных хроникеров своего времени, которого еще никто не мог упрекнуть в фактической, более или менее важной, неточности.

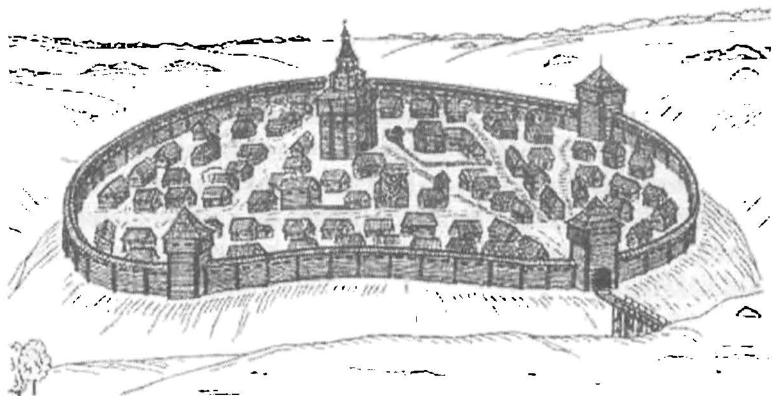
Поэтому нам кажется, что вполне естественно считать Владимира непосредственным преемником Всеслава на Полоцком столе. В самом деле, летопись упоминает о Всеславе в последний раз в 1180 году, а Генрих Латыш говорит, что Мейнард «accepta itaque licentia a rege Woldemaro de Plocekc, cui Lyvones adhuc pagani tributa solvebant». Это было около 1186 года. Другой вопрос, к какой линии полоцких князей принадлежал этот Владимир.

Заканчивая рассказ о внешней истории Полоцкой области, нельзя не упомянуть об известии Татищева о Владимире Минском. Сущность рассказа Татищева состоит в следующем. В 1182 году Василько Дрогицкий «поссоряся» с Владимиром Минским, призвав в помощь поляков и мазовшан, пошел к Бресту; на Буге противники

---

* Автор имеет в виду сына Юрия Долгорукого Всеволода III (по прозвищу «Большое гнездо»), который в 1176 г. стал великим князем Владимирским. — *Ред.*

встретились, Владимир проиграл битву и ушел в Минск, а Василько занял Брест; но «бояся сам тут быть, оставил в нем брата жены своей с Поляки, сам возвратился в Дрогичин». Владимир Володарович снова собрал войско, получил помощь от князей полоцких, взял Брест, избил мазовшан, снова пошел за Буг и наступил на Василька на реке Буг. Последний потерпел поражение и удалился к Лешку, но потом снова вернулся и с помощью поляков принудил его (Владимира) «оставя Подляшие, область Васильkову, выйти к Бресту за реку Буг». По нашему мнению, не может подлежать сомнению, что имя Минска явилось здесь чисто случайно*.

Мстиславль в XIII–XIV вв. принадлежал Смоленску

Из рассказа Татищева ясно, что Владимир владел Брестом, что этот город, однако, принадлежал ему не как коренной удел, а только был придатком к тому уделу, который Татищев называет Минским. Борьба на Буге кого нибудь из Глебовичей Минских, их походы к Бресту, Дорогичину весьма сомнительны, даже невозможны: Минскому князю с маленьким войском из своего маленького удела трудно было бы делать огромные переходы к Дорогичину и вообще в Подляшие, с которым Полоцк не связывало ни одно событие предшествующего времени, пришлось бы проходить через пинские и ятвяжские земли и пр.

Далее, ни Татищев ни описанное им событие не указывает ни одним словом на то, что тут есть какое-нибудь соотношение к земле Полоцкой. Кроме того в передаче Татищева перепутаны мелкие

* Уже Арцыбашев заметил относительно этого известия Татищева: «Мы не смели без точных летописных слов ввести этого переведеннаго отрывка в наше изложение». — *Авт.*

подробности, на что указал уже Андрияшев (в своей «Истории Волынской земли». — *Ред.*), полагающий невозможным приложить вполне это известие к Дрогичину. Таким образом, название Минска попало случайно и есть перевранное имя какого нибудь города, каковые неточности очень часто встречаются у Татищева. Ближе всего предположить, что Татищев вместо Пинск пишет здесь Минск*. В самом начале XIII века в Пинске является Владимир, о борьбе с Васильком которого и дошли отголоски до Татищева.

Таким образом, повторяем, по нашему мнению, непосредственным преемником на Полоцком столе Всеслава Васильевича является Владимир, которого не знают русские летописи, но который хорошо был известен Генриху Латышу, что вполне естественно вследствие отделения полоцких интересов от интересов остальных русских земель.

Мы рассмотрели лишь историю внешних отношений Полоцкой земли к Смоленску и Новгороду за последнюю половину XII ст. Внешние отношения ее только и исчерпываются этими двумя соседями; с другой стороны, с запада, с начала 80-х годов начинают проясняться отношения Полоцкой области к литве и немцам. Но отношения как те, так и другие в XII ст. еще слишком незначительны, неясны, их можно понять, только сопоставив с важными фактами последующего времени, что не входит в нашу задачу. Но теперь обратимся еще к внутренней истории Полоцка, рассмотрим те течения областной жизни, о которых дают нам хоть какие нибудь намеки наши источники.

* * *

В развитии областной жизни Полоцка замечаются два главных течения — развитие вечевых начал и стремление пригородов сделаться более самостоятельными. Факты, относящееся и к тому и к другому вопросу крайне скудны, большинство известий было уже указано нами, а потому теперь придется еще раз просмотреть их со стороны внутренней жизни области.

Рассматривая распределение уделов между Всеславичами, нельзя не заметить, что и в Полоцкой земле происходит то же явление, что и в других русских землях. Полоцкий стол как главный в области составляет достояние всех Всеславичей, которые занимают Полоцк или по старшинству, или вследствие военных действий, или же по

---

* Как известно, Татищев многие географические имена читал неверно в рукописях. — *Авт.*

приглашению веча. Были ли последние два случая занятия стола аномалиями, случайными явлениями, утверждать трудно; по крайней мере можно наметить уделы тех из Всеславичей, которые оставили потомство мужское в удельных городах, но ни одна линия не владеет последовательно Полоцком, все линии меняются. Полоцкий князь является лишь представителем области, но не имеет, по-видимому, фактической власти над остальными князьями и их уделами.

Поэтому едва ли не как представитель области упоминается в походе 1103 года на половцев Давыд Всеславич, а также и в 1104 году в походе вместе с Мономахом на Глеба Минского. С 1128 года Полоцкий стол, против воли граждан («сътиснушася») и по настоянию Мстислава Мономашича, занял Рогволод Всеславич вместо Давыда. В 1133 году, с началом княжения Ярополка, полочане сажают к себе на стол сына третьего из Всеславичей — Василька Святославича. Он княжил, по-видимому, до 1143 года и, вероятно, умер на этом столе, потому что занятие Полоцка четвертым представителем Всеславичей — Рогволодом Борисовичем произошло без борьбы, по крайней мере таковая не занесена в летописи, а о Васильке она больше не упоминает. Наконец, в 1151 году Ростислав Глебович Минский занимает стол после того как полочане «яша» Рогволода.

Таким образом, мы видим, что все Всеславичи, кроме Романа, о смерти которого летопись упоминает еще в 1114 году, и Ростислава, вероятно, не возвратившегося из ссылки и не оставившего сыновей, — все остальные побывали на Полоцком столе или сами (Давид, Рогволод) или их сыновья. Но вовсе нет случаев, чтобы племянник занимал стол при жизни дяди.

Это наводит на мысль, что установившийся порядок занятия главного стола был таков, что его занимал один из Всеславичей; но думать, что непременно старший в роде занимал главный стол, факты не дают возможности. Исчисленные факты очень неполны для такого заключения (главное — мы не знаем старшинства сыновей Всеслава), но даже прямо противоречит ему: по-видимому избрание зависело исключительно от воли веча: мы не знаем только, как сел первый преемник Всеслава — Давыд, по избранию или по назначению отца, но уже Рогволод Всеславич не по родовому старшинству занимал стол. Василько Святославич и Ростислав Глебович тоже по избрании и т.д. Но вече старается избирать старейшего из князей, — это очевидно; причина такого явления естественна: такой князь был хорошо известен в Полоцке, успевал составить себе пар-

тию, вече могло надеяться на уменье его поддержать интересы города, избавить его от междоусобия и прочее.

Хотя и был признаваем в древней Руси принцип перехода главного стола данной области к старшему в семье, как это строго выдерживалось в Чернигове и Смоленске, но относительно Полоцкого стола этого сказать нельзя, как мы видели. Княжеская власть здесь не успела утвердиться, так как вече взяло решительный перевес. Факты вечевых решений мы уже не раз указывали, но на переломе XII и XIII веков, когда наступает смутное время в истории Полоцкой земли, значение веча еще увеличивается. Добавим еще к известным нам фактам, что полочане не только избирали себе князей и изгоняли их, но также и заключали договоры, по-видимому, без участия, по крайней мере главного, представительного, князей своих.

Краткие известия наших летописей очень красноречиво говорят об участии веча в междуземельных отношениях. Так, уже рассказано, как в походе Давида на Полоцк в 1186 году летопись передает решение веча заключить союз с Давыдом: «и слышаша Полочане, и здумаша рекуще: не можем стати». Точно так же самостоятельно заключает союз с Ярославом Новгородским полоцкое вече в 1191 году. Одним словом, важные прерогативы полоцкого веча, кроме решения дел внутренних, состояли вправе выбирать и изгонять князя, заключать договоры с соседними князьями; в случае каких-либо недоразумений с князем оно призывало его к себе на объяснения, как видно из переговоров с Ростиславом Глебовичем; собиралось вече у собора святой Софии.

Современные известия высокого мнения о самостоятельности самоуправления Полоцка. Всем известно указание «Летописи Быховца», почерпнутое, очевидно, из более раннего источника, что полочане «вечом ся справляли как великий Новгород и Псков». Стрыйковский, увлекавшийся этою независимостью народного правления в Полоцке, сочинил даже басню о правлении 30 старейшин в Полоцке, которая, конечно, есть только подражание греческим известиям о тридцати тиранах.

Всем известно выражение суздальского летописца:

> «Новгогродци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вече сходятся, на что же старейшии сдумають, на томь же пригороды станутъ».

Но приведенный взгляд летописца на отношения пригородов к главному городу несколько неверен, по крайней мере по отноше-

Древний Чернигов (реконструкция)

нию к Полоцку. Летописец, очевидно, приводит этот исторический принцип древнерусской жизни, чтобы доказать правоту требований ростовцев. Но везде, а тем более в Полоцке, пригороды по мере возможности постепенно захватывали все большую и большую долю самостоятельности и независимости от главных городов.

Борьба их видна в самом начале исторической самостоятельности полоцких кривичей. Так, мы уже видели, что в походах на Глеба Минского принимает деятельное участие с Мономахом князь Полоцкий Давыд, Минчане усердно защищают своего князя. В этой поддержке удела князю нельзя не видеть борьбы его с главным городом, представителем которого является Давыд. Очень быть может, что для Мономаха, дорожившего старинными принципами русской жизни, вмешательство в дела борьбы удела с главным городом, кроме соблюдения своих интересов, имело также и принципиальное значение. Следя далее за историей полоцкой жизни, мы встречаемся снова с борьбой сыновей Глеба Минского из-за Полоцкого стола с Рогволодом Ворисовичем. Опять в этой борьбе не раз упоминается, что именно полочане, а не княжеская дружина являются главными защитниками полоцких интересов. С другой стороны, дручане сильно поддерживают своего кандидата на главный стол, пока на нем не утверждается Всеслав Василькович с помощью смоленского князя.

Такое отношение полоцких пригородов к самому Полоцку станет для нас вполне понятным, если мы постараемся вникнуть в то, что такое представлял собою удел Полоцкой земли.

Следя за борьбою князей из-за Полоцка, нельзя не заметить, что полоцкие удельные князья не переходят с одного удела на другой, что еще сыновья Всеслава осели уже в своих уделах. Так, мы знаем, что Глеб Всеславич получил Минск и крепко держался его; сыновья его также владели Минском и прилежащими городами. Полочане пленного Рогволода отправили к Ростиславу Глебовичу в Минск, а его оттуда привели. Ростислав, узнав об измене полочан, пошел к Володарю, брату своему, в Минск, этот последний, как видно из похода 1162 года, владел Городцом. Третий Глебович «имея великую любовь к Рогволоду», получил от него Стрежев на северной стороне Двины; вероятно, Борисович хотел разъединить силы противников и дал северный город наиболее дружественно расположенному к нему Глебовичу. Таким образом, мы видели, что Глебовичи от начала до конца XII ст. держатся своего отцовского удела.

То же мы замечали и за остальными линиями. Василько Святославич, в 1133 году призванный полочанами на стол, владел несомненно от отца своего Витебском. Мы видим, что впоследствии Всеслав, сын его, владел этим уделом. К Витебскому уделу тянул и Изяславль. Рогволод, отнимая этот город от Всеволода Глебовича и отдавая его Брячиславу Васильковичу, мотивировал это тем, что «того бо бе отцина».

Борис Рогволодович получил, вероятно, от отца Друцк, граждане которого поддерживали его с такой охотой и в котором мы видели сына его Глеба Рогволодовича в 1180 году, а в 1196 году Бориса, вероятно, также сына.

Не без вероятности также следует видеть в упоминаемом походе на Друцк в 1180 году Всеславе Микуличе из Логожска потомка Брячислава, сына Давыда Всеславича, владевшего этим городом.

Из остальных Всеславичей, Роман и Ростислав, очевидно, не оставили потомства, а два Рогволодовича, отправленные Мстиславом в Грецию (Никоновская летопись сообщает их имена — Иван и Василий), очевидно, не вернулись оттуда.

Из только что сказанного ясно, что в Полоцке уделы по тем или другим причинам получили не временных князей, но постоянные линии, чего не было в других областях древней Руси в данное время. Это обстоятельство значительно облегчает понимание причин борьбы уделов с главным городом. Получив самостоятельного князя, дорожащего интересами удела, этот последний, естественно,

мог оказать главному городу большее сопротивление, чем борясь сам без постоянного предводителя. Но нельзя не заметить также, что князь в уделе был столь же ограничиваем властью местного веча, как и в Полоцке; в случае нужды вече же являлось главным помощником князя. Описанные случаи борьбы представляют несколько таких примеров, в которых влияние веча очевидно. Пригородное вече также считало себя правоспособным в выборе и удалении князя, что мы ясно видим в рассказе летописи о вечевых собраниях в Друцке при приглашении туда Рогволода Борисовича и удалении Глеба Ростиславича.

Удельные князья распоряжались в своих уделах, при делении владения ими между членами семьи, по тому же принципу, по какому вообще делились уделы между князьями области: старший занимал лучший стол, более сильный, младший — менее важный. Этот принцип не успел развиться относительно главного города земли — Полоцка, как мы уже указывали, но в пригородах он прилагался едва ли не с большею последовательностью.

Так, в самом деле, Ростислав был старший, очевидно, из Глебовичей, за ним следовали Володарь и Всеволод. В момент избрания Ростислава полочанами мы видели его в Минске, но когда он удалился из Полоцка, то летопись говорит, что Ростислав пошел к Володарю в Минск. Следовательно, во время отсутствия его, брат Володарь владел главным городом удела Глебовичей, но когда брат принужден был оставить главный стол, Володаря мы снова видели в Городце — несомненно, менее важном уделе, чем Минск. С другой стороны, Всеслав Василькович владел Витебском до занятия стола Полоцкого, но завладев им, он передал Витебск брату своему Брячиславу, как это видно из похода на Друцк в 1188 году (разумеется, Брячислав мог владеть Витебском только в тот незначительный период времени, когда этот город отошел от Давыда, то есть около 1180 года).

Но в каком отношении находились уделы друг к другу и к Полоцку в конце XII ст.? Как кажется, источники дают повод утверждать, что уделы были совершенно самостоятельны во внутреннем управлении, и во внешней политике согласовывались или нет с желаниями и видами главного города только тогда, когда это считалось полезным. Так мы видим, что прежде davлучане с князем своим Рогволодом заключили союз со Святославом Ольговичем, находились под покровительством Ростислава Мстиславича, не согласуясь с тем, насколько такие союзы выгодны для Полоцка. Потом поддержкою смоленских князей пользовались Васильковичи, уступив даже

за поддержку Витебск. В походе на Друцк 1180 года мы видим всех /полоцких удельных/ князей в союзе с Ольговичами, а один только Глеб Рогволодович является сторонником Давыда, а в 1195 году друцкий же князь Борис — уже противник смоленского князя.

Одним словом, князья удельные во внешних делах уже с половины XII века являются вполне самостоятельными. Если каждый из них в отдельности признает тот или иной союз полезным, заключает его. Иногда таким образом сходятся интересы большинства или всех князей; так все они были против Давыда в только что названном походе, в походе же за него в 1190 году, в соглашении с Ярославом Новгородским в 1191 году.

Таким образом, и здесь, в Полоцкой области, развивались те же основы древнерусской общественной жизни, какие мы видим и в других областях, но только с той разницей, что в Полоцке они развивались гораздо скорее, а потому и оказались раньше обветшавшими, не удовлетворяющими жизненным потребностям нового общества. Но в это время история выдвинула западных соседей полоцких кривичей, молодое и здоровое литовское племя, которое дало Полоцку, взамен его высококультурных начал, жизнедеятельные силы.

В конце XII века отношения литовцев к Руси только начинают зарисовываться на историческом горизонте, а полное развитие этих отношений, замечательное в культурном отношении взаимодействие двух народностей, доступно для историка только с половины XIII ст., судьбы которого не входят в нашу задачу.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867–1934) — крупный историк, этнограф и экономист, один из основателей белорусской национальной историографии.

Родился в Речице в семье мелкого чиновника, в 1894 г. окончил Киевский университет. В 1895–1901 гг. работал в Москве. В 1901–1919 гг. жил и работал в Киеве. Был приват-доцентом, профессором, заведующим кафедрой русской истории в Киевском университете (1901–1906), затем создал и возглавил (1906–1917) Киевский коммерческий институт — первое в империи высшее учебное заведение экономического профиля. Одновременно с ректорской деятельностью заведовал в этом институте кафедрой истории народного хозяйства.

Весной 1918 г. возглавил Белорусскую торговую палату в Киеве, сотрудничал с белорусскими газетами, был членом комиссии правительства БНР по организации Белорусского университета в Минске.

В 1920–22 гг. профессор Харьковского университета. В 1922–25 гг. жил в Баку, работал проректором Азербайджанского университета и одновременно профессором Политехнического института.

С 1 октября 1925 по 1 сентября 1926 жил в Минске. Был здесь профессором кафедры истории Беларуси в БГУ, действительным членом Института белорусской культуры, сотрудником Госплана БССР. Однако высшее партийное руководство республики, с подачи партийных идеологов, обвинило его в «реакционных взглядах» на историю и потребовало покинуть Минск.

С сентября 1926 и до своей смерти в сентябре 1934 М.В. Довнар-Запольский жил в Москве, где работал в Тимирязевской сельхозакадемии (читал курс экономической географии) и в Институте народного хозяйства имени Плеханова (читал курс истории торговли).

Автор примерно 200 научных и научно-популярных статей, которые он

опубликовал за 46 лет (с 1888 по 1934 год) в самых разных изданиях (сборниках, календарях, журналах, газетах). Кроме того, много текстов остались в рукописях.

Основные научные монографии Довнар-Запольского следующие:

— «Белорусское Полесье». Киев, 1895.

— «Западно-русская сельская община в XVI веке». Петербург, 1897.

— «Спорные вопросы по истории Литовско-Русского сейма». Петербург, 1901.

— «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах». Киев, 1901.

— «Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке». Киев, 1905.

— «Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914». Минск, 1926.

— «История Беларуси» (завершена весной 1926 г.).

Публикацию этой книги запретили партийные органы, все экземпляры рукописи были конфискованы у автора. Книга впервые вышла в свет в Минске в 1994 году, но без трех утерянных глав (главы 8, 9, 10).

Часть III

СТАТЬИ СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ

Вопрос о происхождении кривичей до сих пор остается спорным в науке! В XIX веке историки связывали название «кривичи» со значительной кривизной рек в районе их расселения.

Кривичи заселяли верховья крупных русских рек: Волги, Днепра, Ловати, Великой и др. Реки здесь действительно не отличались прямыми руслами.

Все было ясно до тех пор, пока археологи не обнаружили «длинные курганы» — погребения, — которые приписываются кривичам. В них нашли существенные следы финно-угорской и балтской культур. Тогда же историки вспомнили, что кривичи не упоминались среди первых славянских группировок на Руси. В результате появилась балтская версия происхождения кривичей. Согласно этой версии, кривичи — коренное балтское население, которое со временем превратилось в славян. Пришедшие с юга славяне передали кривичам свой язык, но переняли у них племенное название.

Балтская версия имеет собственное объяснение названия «кривичи». Считается, что оно пошло от имени родоначальника или даже балтского бога Крева. Названия с корнем «крев (крив)» можно встретить фактически на всех землях, где когда-то жили кривичи. Латыши до сих пор именуют русских «кревами». А летувисы долго называли Россию «землей кривичей».

Еще одна версия связывает название «кривичи» не только с местными балтами, но и с финно-112 уграми. Именно так славяне могли называть чужой народ, живущий не по «нашей правде», «а по кривде», то есть по чуждым для них законам. Однако позже тех славян, которые осели здесь и смешались с коренными народами, также стали именовать кривичами.

(Википедия)

КРИВИЧИ

Это объединение племен, которые жили в бассейнах верхних течений Днепра, Западной Двины, Волги, на юг от Чудского озера. Известны по археологическим памятникам и письменным источникам.

По мнению одних ученых, название происходит от слова «кровные» (близкие по крови); по мнению других — от имени легендарного прародителя Крива (Κριβιτσηνοι в сочинении византийского императора X века Константина Порфирогенета) или от языческого первосвященника Крива-Кривайте.

Процесс формирования кривичей происходил во 2-й половине 1-го — начале 2-го тысячелетий нашей эры (т.е. в VI–XI веках) в результате постепенной славянизации местных балтских и западнофинских племен. Об этом ярко свидетельствуют данные археологии.

Регион проживания кривичей занимал северную часть современной Беларуси, а также значительную часть современных Псковской и Смоленской областей России.

В конце 1-го тысячелетия (в X веке) племенное объединение кривичей распалось на 3 группы — полоцкую, смоленскую, псковскую. Соответственно, их главными городами были Полоцк, Смоленск, Изборск. В XI–XII веках территория кривичей входила в Смоленское и Полоцкое княжества, северо-западная часть — в земли Новгорода.

Для полоцких кривичей, или полочан, как они названы в летописи, характерны длинные курганы, в которых сохранилось много предметов материальной культуры балтов. Смоленские кривичи по своей материальной культуре весьма близки к полоцким, поэтому в этнографическом отношении тех и других обычно рассматривают как полоцко-смоленскую группу племен.

На территории расселения полоцких кривичей изучались городища в Витебске, Полоцке, Заславле, Лукомле, поселения и курганные могильники возле деревень Борки, Бельчица, Бельмонты, Вышадки, Гливин, Дорохи, Избище, Кублищина, Лисна, Плусы, Путилковичи, Синчуки, Сосенка, Черневичи, Янковичи и других.

На рубеже X–XI веков у кривичей появились круглые курганы с погребальным обрядом трупоположения на горизонте, позже — с трупоположением в ямах, изредка — в насыпях. Большинство покойников ориентировано по славянскому обычаю головой на запад, встречаются мужские погребения с противоположной ориентировкой на восток либо с меридиональной (север — юг). Принято счи-

тать, что восточная ориентация — пережиток балтского погребального обряда, меридиональная — финно-угорского. В курганах встречаются богатые погребения — со множеством предметов и бедные — с небольшим количеством инвентаря или совсем без него, что свидетельствует об имущественном неравенстве. Встречаются и деревянные гробы. При исследовании курганов обнаружены признаки тризны и стравы.

Длинный курган кривичей

Для полоцких и смоленских кривичей характерен определенный тип украшений — браслетоподобные проволочные височные кольца диаметром 5–11 см со связанными концами, и стеклянные позолоченные бусы.

В женских погребениях — стеклянные и сердоликовые бусы, перстни, браслеты, нашейные гривны. В качестве подвесок использовались серебряные монеты: арабские дирхемы и их имитации, денарии, византийские милиарисии.

В мужских погребениях встречаются топоры, ножи, огниво, пряжки, изредка наконечники копий и стрел. Курганные могильники дружинников выявлены возле Полоцка и Лукомля, отдельные погребения — возле Заславля.

В курганах XI–XII веков встречаются языческие амулеты из просверленных клыков и зубов животных, очень редко — металлические крестики, которые носили в монистах как украшение. Погребальный обряд и инвентарь свидетельствуют, что языческие обряды в сельской местности сохранялись до конца XII века.

(Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Том 4. 1997, с. 270–271)

ПОЛОЧАНЕ

Полочане — часть кривичей, заселявшая в IX веке территорию современной Витебской области и север Минской области. На этой территории сформировалось Полоцкое княжество.

В средневековье по Западной Двине и Днепру проходили пути, которые связывали Северную Европу с Византией и другими районами восточной половины Средиземного моря. В летописях этот путь получил название «Из варяг в греки». Предполагается, что этот путь оказал значительное влияние на формирование цивилизационного пространства в Восточной Европе.

Земли полочан простирались по обоим берегам Западной Двины далеко от Полоцка вплоть до Балтийского моря и граничили со следующими племенами:

на юго-востоке — смоленские кривичи,

на севере и востоке — изборские кривичи, ильменские словене,

на западе — балты,

на юге — дреговичи.

На юге полочане распространялись до верховьев Свислочи и по левому берегу среднего течения Березины — до земли дреговичей.

Полочане упоминаются в ПВЛ, которая объясняет происхождение их имени от названия реки Полота. В летописи утверждается, что кривичи произошли от полочан. Крупнейшими поселениями кривичей-полочан являлись Полоцк (862), Витебск (974), Лукомль (1078), Изяславль (985), Усвяты (1021), Копысь (1059), Минск (1067), Орша (1067), Друцк (1078), Логойск (1078).

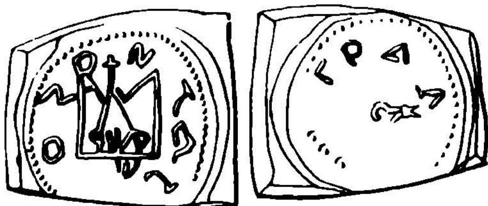
Надо отметить, что заселение славянами территории Белоруссии не было единовременным событием, оно продолжалось в течение нескольких веков.

Славяне проживали компактно только на самом юге современной Белоруссии, в бассейне реки Припять. В это же время началось проникновение славян на территорию балтов.

В VIII–IX веках начинается массовое расселение славян на землях балтов. Большими группами они селились на правобережье Днепра и на Березине, в бассейне Сожа, вступали в тесный контакт с балтским населением, которое проживало в этих регионах. Впереди шли вооруженные дружины, вслед за ними — земледельческое население, которое ассимилировало местные племена. (Это вымысел, который не подтверждается ни археологическими данными, ни генетическими, ни легендарными. См. об этом статью А. Дерманта. — *Прим. ред.*)

Северные кривичи стояли у истоков создания Новгородской Руси, при этом древнепсковский диалект отождествляется с северокривичским. Западные кривичи создали Полоцк, а южные — Смоленск (Гнёздово). В латышском языке по сей день русских называют кривичами (латыш. *krievi*, латг. *krīvi*), Россию — Кревией (латыш *Krievija*), а Белоруссию — Балткревией (латыш. *Baltkrievija*).

Во всех регионах кривичи тесно взаимодействовали с варягами. Византийский император Константин VII Порфирогенет писал, что кривичи делают лодки, на которых русы ходят в Царьград.

Печать полоцкого князя Изяслава

В Ипатьевском списке ***кривичи*** упомянуты в последний раз под 1128, а полоцкие князья названы ***кривичскими*** под 1140 и 1162 гг. После этого кривичи больше не упоминаются в киевских и новгородских летописях. Однако племенное имя кривичи ещё довольно долго употреблялось в иностранных источниках (вплоть до конца XVII века).

Кривичи (наряду с вятичами) активно колонизировали восточные земли (современные Тверская, Владимирская, Костромская, Рязанская, Ярославская и Нижегородская области, север Московской, а также Вологодчина), где они, возможно, ассимилировали, а возможно оттеснили местные финские племена дьяковской культуры.

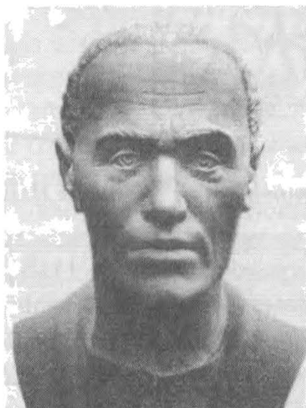
Юго-западная, полоцкая ветвь кривичей также именуется полочанами. Вместе с дреговичами, радимичами и некоторыми балтийскими племенами (ятвягами, пруссами) эта ветвь кривичей составила основу белорусского этноса.

Перстень князя Всеслава Брачиславича

Отличительной чертой погребений кривичей являются длинные

курганы — валообразные земляные насыпи. Все длинные курганы содержат захоронения по обряду трупосожжения. Кривичская курганная культура отличается от синхронных славянских культур Поднепровья. Другими кривичскими артефактами являются бронзовые серповидные височные кольца, стеклянные бусы, ножи, наконечники копий, серпы, керамика (пряслица и горшки, изготовленные на гончарном круге).

Полочане (реконструкция)

Для кривичей был характерен высокий рост, долихоцефалия, узкое лицо, выступающий волнистый нос, очерченный подбородок — тип, характерный для валдайского типа и нордической (северной) расы в целом. В.В. Бунак в 1932 году пришёл к заключению о сходстве долихоцефальных кривичей с аллеманами, как представителями северного типа, а восточных кривичей — с сублапоноидным населением.

(Википедия)

ДРЕГОВИЧИ

Дреговичи (старославянское дьрьговичи; белорусское дрыгавічы). Это название союза племен, обитавших в IX–XII веках на территории Гомельской, Минской, Брестской и Гродненской областей современной Беларуси. Восточными соседями дреговичей были радимичи, северо-восточными — кривичи, северо-западными — ятвяги и литва, южными — древляне.

Возможно, что название происходит от славянского слова *дрегва* или *дрягва*, что значит «болото» (на белорусском *дрыгва* — «трясина»).

При заселении территории Беларуси, дреговичи двигались с юга на север (к реке Нёман), что указывает на их южное происхождение. Летописи говорят о происхождении дреговичей от осевших на территории Беларуси племён белых хорватов, сербов и хорутан, пришедших в VI–VII веках.

Под именем другувитов (греч. δρουγουβίται) дреговичи были известны императору Константину Порфирогенету (Багрянородному) — как племя, подчинённое Киевской Руси. Летопись также упоминает, что дреговичи имели некогда свое княжение. Столицей княжества был город Туров.

Подчинение дреговичей киевским князьям произошло, вероятно, в X веке. На территории дреговичей образовалось впоследствии Туровское княжество, а северо-западные земли вошли в состав Полоцкого княжества.

Известны археологические памятники дреговичей IX–X веков: остатки земледельческих поселений, курганы с трупосожжениями и небольшие городища. Наиболее типичный этноопределяющий признак дреговичей — крупные металлические бусы, покрытые зернью.

(Википедия)

ДРЕГОВИЧИ И ТУРОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

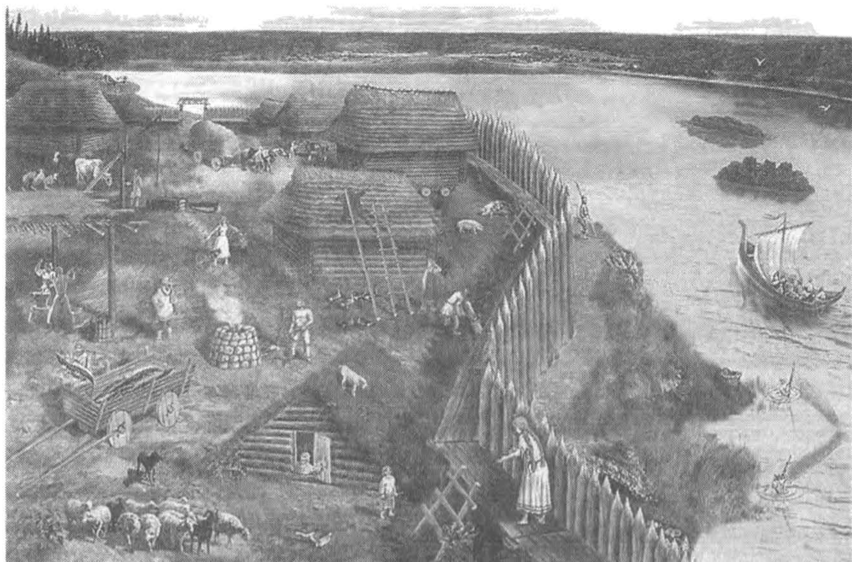
Дреговичи — объединение племен, известное по археологическим памятникам и письменным источникам. Согласно исследованиям археологов, территория расселения дреговичей простиралась: на севере — до линии верховья Немана — Заславье — Логойск — Борисов — Эсьмоны; на юге — она значительно переходила Припять; на востоке — достигала Днепра; на западе — до Западного Буга и верховьев реки Нарев.

В VI–VIII вв. предшественниками дреговичей были племена так наз. пражской культуры. На территории расселения дреговичей сохранились археологические памятники: городища, селища, курганные могильники с погребальным обрядом трупосожжения (с X века — могильники с обрядом трупоположения на горизонте или в подкурганной яме). Изредка в курганах встречаются невысокие деревянные срубы, накрытые крышей.

Курганы дреговичей (фото 1966 г.)

Погребальный инвентарь сравнительно бедный: глиняные горшки, пряжки, огнива, топоры, наконечники копий; в женских погребениях преобладают украшения (стеклянные цветные бусы, разнообразные по форме и размерам, бронзовые височные кольца с заходящими концами, перстни, браслеты и т.п.). Характерная племенная примета — большие медные или серебряные бусины, украшенные зернью — напаянными на поверхность бусин мелкими серебряными шариками. Другая племенная примета — височные

Поселение дреговичей (реконструкция)

кольца-заушницы из круглой проволоки, на которых закреплено по три металлические бусины небольших размеров.

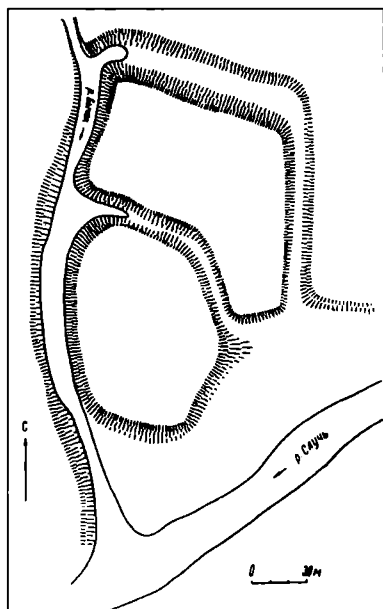
Дреговичи принадлежали к племенам, наиболее развитым в социальном плане, они находились на заключительном этапе распада родо-племенного строя, имели свои политические объединения — «княжения».

Занимались рыболовством, охотой, собирательством, огородничеством, скотоводством, а также земледелием, прядением и ткачеством.

Свидетельство высокого уровня развития дреговичей — возникновение на их землях городов. С X века по письменным источникам известен Туров, с XI — Брест (Берестье), Минск (Менеск) и Пинск, с XII века — Слуцк (Случеск), Клецк (Клеческ), Рогачев, Мозырь, Дрогичин Надбужский, по ахеологическим материалам — Давыд-Городок. В XIII веке известны Каменец, Копыль, Кобрин и другие города. В городах процветали ремесла: гончарное, кожевенное, костерезное, ювелирное, по обработке дерева и железа и другие.

В конце X века на землях дреговичей возникло Туровское княжество, в конце XII века из него выделились Пинское, Клецкое, Дубровицкое и Несвижское княжества.

Раннефеодальное государство с центром в городе Туров называлось также Туровская земля, Туровская волость, Туровская область.

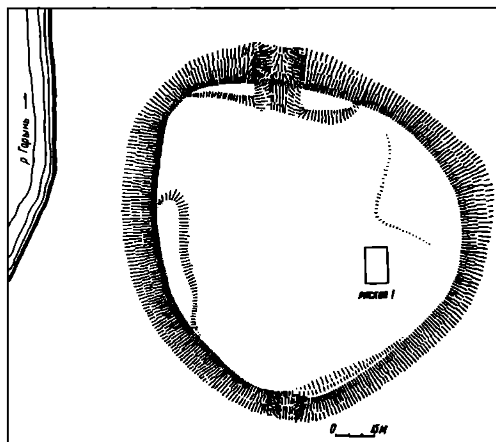
Городище древнего Слуцка

Занимало территорию от Западного Буга на западе до Днепра на востоке, от правого берега Припяти на юге до истоков Лани и Случи на севере (ныне это территория Брестской области, частично Гродненской, Минской и Гомельской, северных районов Украины, восточных поветов Польши).

Туровское княжество явилось преемником племенного княжения дреговичей, которое имело своих племенных князей (последний — полулегендарный Тур). В его политической истории выделяются 4 периода.

Первый период (988–1015) — выделение из состава Великого Княжества Киевского и политика Святополка Владимировича по обособлению от Киева. Напомним, что в 1015–1019 гг., после смерти отца, Святополк занимал киевский престол.

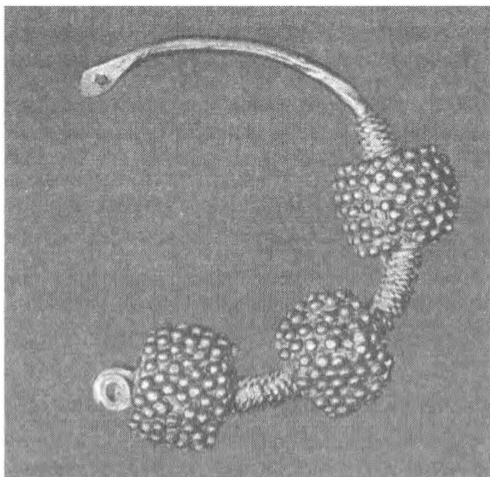
Второй период (1019–1113) — пребывание Тур. кн. под властью великого князя киевского Ярослава Владимировича («Мудрого»), его сына Изяслава Ярославича (с 1052) и сыновей последнего — Ярополка и Святополка.

Замчище древнего Давыд-Городка

Третий период (1113–1158) — захват Тур. кн. Владимиром Всеволодовичем («Мономахом») и закрепление княжества (с 1125) за его наследниками, сначала за третьим сыном — Вячеславом, а потом и другими. За 33 года в Турове сменились 7 князей.

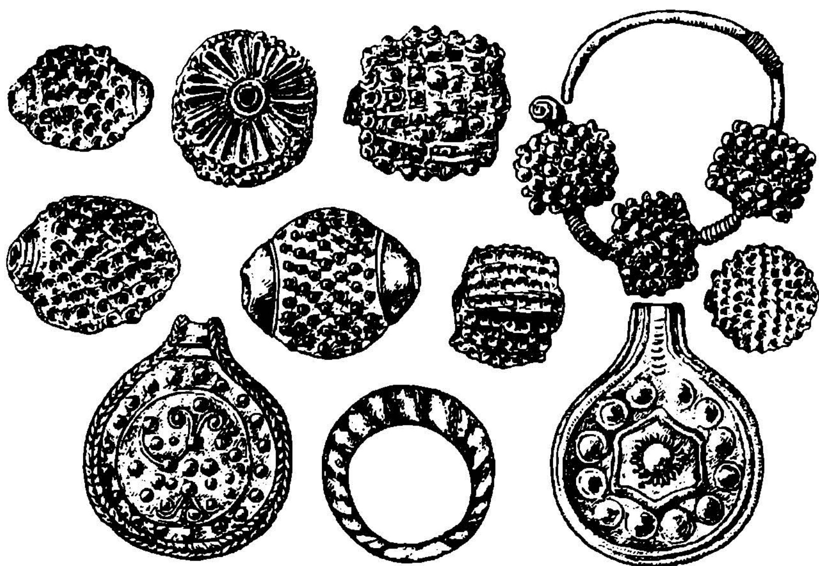
Четвертый период (1158 — начало XIV века) — время существования самостоятельного Туровского княжества.

Золотое височное украшение дреговичей

В 1158 году, после смерти великого князя киевского Юрия Владимировича «Долгорукого», внук Святополка Изяславича (князя туровского и великого князя киевского) Юрий Ярославич занял Туров вопреки воле киевского князя Давыда Игоревича и отстоял его в 10-недельной осаде от объединенного войска коалиции южнорусских князей.

Неудачная 3-недельная осада произошла в 1160 году. В 1162 году был заключен мир, фактически означавший восстановление самостоятельной Туровской династии.

Украшения дреговичских женщин

После смерти Юрия его сыновья и внуки разделили Туровское княжество на уделы. Туровом владели Святополк, Иван, Глеб; Пинском — Ярослав, Ярополк; Дубровицей — Глеб, и т.д.

На территории Туровского княжества, помимо Турова, возникли следующие города: Берестье (известен с 1019), Пинск (1097), Чарторыйск (1100), Слуцк (1116), Клецк (1127), Рогачев (1142), Дрогичин (1142), Мо́зырь (1155), Давыд-городок, Дубровица (XII век), Небль (1262), Копыль (1274), Степань (1292).

(Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Том 3, 1997, с. 300—302)

КРИВИЧИ
историко-этногенетический очерк

Алексей Дермант

Кривичи — самое крупное этническое сообщество средневековья на просторах лесной зоны Восточной Европы. Они занимали огромную территорию: от верховий Немана на западе до костромского Поволжья на востоке, от Псковского озера на севере до верховий Сожа и Десны на юге. Летопись сообщает, что кривичи «седять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, их же градъ есть Смоленескъ». Кривичи населяли территории, где позже образовались Псковская, Полоцкая и Смоленская земли. Население Полоцкой земли было известно летописцам и под собственным именем «полочане», однако археологические материалы не позволяют признать их отдельной этнической группой (племенем) и обособлять от жителей Смоленщины (1).

Кривичей можно считать основной этнообразующей единицей беларусов: и потому, что они занимали наибольшую часть нынешнего беларуского этнографического ареала, и вследствие их влияния на становление этнических особенностей (а также государственности) беларуского народа (2).

Традиционно для характеристики этнической сути кривичей употребляют термин «восточнославянский», однако имеется уже достаточно оснований сомневаться в этом. Даже исследователи, не склонные уменьшать масштабы славянского присутствия в наших землях, вынуждены признать, что, «пожалуй, были правы те историки XIX века, которые считали кривичей «наполовину литовцами» (3).

Особое место, занимаемое кривичами в так называемом «восточнославянском» ареале, обусловлено многими причинами. Показательно, что их этническая суть вызывала вопросы уже у первых киевских летописцев: кривичей нет ни в списке славянских племен, ни в перечне племен балтских и финских. Высказываются мнения, что в исторически засвидетельствованной зоне своего проживания кривичи оказались якобы в результате миграции, то ли откуда-то с запада, то ли с юга (В. Седов, П. Третьяков и др.).

Статья была опубликована в первом выпуске альманаха «Druvis» (2007 г.). Перевод А.Е. Тараса. С целью экономии места снят список источников. Те, кому они нужны, могут обратиться к альманаху.

С этим трудно согласиться по разным причинам. Например:

1) миграционная гипотеза явно противоречит летописным сообщениям об автохтонности кривичей;

2) противоречит она и преданию о происхождении и расселении беларусов;

3) переселение столь крупного и достаточно однородного этнического сообщества на огромные просторы Восточной Европы несомненно нашло бы отражение в письменных, лингвистических, археологических и других источниках;

4) ареал максимального распространения топонимов типа «кривичи» свидетельствует скорее о позднейшем переселении части кривичей из верхнеднепровско-двинской метрополии в другие регионы;

5) видимо, происходила колонизация в северном направлении, о чем свидетельствуют гидронимы верхнеднепровско-двинского балтского типа (по мнению некоторых исследователей, уже в VIII веке именно кривичи основали Старую Ладогу).

Происхождение

Для решения проблемы происхождения кривичей ключевой вопрос — об истоках и этнической атрибуции культуры так называемых «длинных курганов». Длинные курганы многие исследователи связывают с предками летописных кривичей.

Пока не были выявлены свидетельства генетической преемственности между балтской культурой типа Банцеровщина — Тушемля и культурой длинных курганов, не было возможности подтвердить местный характер последней, что вынуждало некоторых исследователей искать ее истоки на западе — в бассейне Вислы.

Но сегодня, в свете новых археологических материалов, можно отметить явную связь культуры длинных курганов севера Беларуси с местными памятниками III—IV веков, а ряд общих черт витебских и псковских длинных курганов позволяет проследить движение носителей этой культуры из северной Беларуси на Псковщину и Новгородчину. Там же, на севере современной Беларуси, в границах расселения кривичей, открыты древнейшие длинные насыпи и синхронные им круглые захоронения третьей четверти I тысячелетия — с керамикой банцеровской культуры.

Существенные различия между псковскими и смоленскими длинными курганами свидетельствуют о независимом происхожде-

нии последних, что также противоречит мнению о движении кривичей с территории Псковщины на Беларуское и Смоленское Подвинье и в Верхнее Поднепровье.

Особенности кривичей-полочан археологически связаны с культурой ранних длинных курганов Полотчины и атокинским вариантом банцеровской культуры, а этнически — прежде всего с балтским (латгальским) субстратом, и позволяют трактовать сообщение летописи («от них же кривичи») о Полотчине в том плане, что это была базовая территория распространения кривичского этноса.

В последнее время ввиду отсутствия серьезных различий и границ между памятниками типа Банцеровщина — Тушемля и длинными курганами все отчетливее высказывается мысль о близости и даже тождестве этих культур. Вещевой комплекс как псковских, так и смоленских длинных курганов, материалы языковедения и антропологии (балтский слой в гидронимии Псковщины, антропологическое единство кривичей и латгалов) дают основания идентифицировать население, оставившее их, с балтами.

Также весьма показательно наличие гидронимической «оси», соединяющей Латвию с северным Подмосковьем. Достаточно правдоподобно она связывается с «кривичским» течением как этноязычным элементом, который с течением времени «дебалтизировался» (4).

Это обстоятельство позволяет отказаться от противопоставления в этническом смысле определений «кривичский» и «балтский», ибо априорная славянскость кривичей просто исчезает, а их славянское слагаемое (безразлично, откуда оно могло происходить) оказывается фикцией (5). Появление надежных свидетельств славянского присутствия (в первую очередь археологических) на территории кривичей отодвигается таким образом в «русскую» эпоху, когда произошел взрыв торгово-ремесленной активности. Это обстоятельство заставляет рассматривать славянский элемент на наших землях уже не как результат реального миграционного движения откуда-то, а скорее как результат достаточно сложных межкультурных отношений.

И. Ляпушкин, основательно проанализировав памятники лесной и лесостепной зон Восточной Европы накануне образования «русского» государства, пришел к выводу, что «до VIII–IX веков вся область Верхнего Поднепровья и прилегающих к ней районов до верховий Оки на востоке и до Нёмана на западе, от границы с лесостепью на юге и до бассейна Западной Двины на севере, была занята балтскими племенами» (6).

Сравним, для примера, одно из последних мнений об этническом составе Верхнего Поднепровья и пространства далее на север: «Вследствие того, что трудно распознать разные свидетельства славянской экспансии на эти земли до конца IX века, в первые фазы своего существования русы /варяги-ruotsi. — *Авт.*/ взаимодействовали прежде всего с финскими и балтскими группами» (7).

Бесспорно, что в IX–XI веках произошли значительные изменения как в материальной, так и в духовной культуре здешних обитателей, но объяснение этих трансформаций исключительно поиском следов «массовой славянской миграции» выглядит как упрощенный и ангажированный подход.

Понятно, что наличие определенного вещевого инвентаря и возникновение новой похоронной традиции — это достаточно весомые свидетельства влияния другого этноса. Тем не менее, время от времени звучат голоса исследователей, рекомендующих рассматривать распространение конкретных изделий именно как распространение изделий (через торговлю, заимствование, культурное влияние, моду и т.д.), вместо того, чтобы делать поспешные выводы о миграции людей. Мода и культурные течения не обходят стороной даже похоронный ритуал (как и вообще обычаи), который тоже может заимствоваться от этноса к этносу.

Весьма полезным для объективных исследований в нашем случае может стать принцип «презумпции автохтонности», согласно которому любое явление культуры надо в первую очередь рассматривать как местное по происхождению, возникшее в результате эволюционного развития самой местной культуры, если обратное не доказано или не может быть доказано.

В этой перспективе тезис об автохтонном развитии древнекривской культуры на почве предыдущих культур днепровско-двинской зоны (прежде всего культуры типа Банцеровщина — Тушемля — Колочин, а в более далекой перспективе — днепровско-двинской балтской культуры) выглядит наиболее правдоподобным и обоснованным разнообразными материалами.

Интересные доводы в пользу нашей позиции привел петербургский исследователь А. Герд. Пытаясь проследить истоки ряда особенностей днепровско-двинской зоны, он пришел к очень важным выводам: 1) что зона эта представляет собой достаточно цельный историко-культурный тип; 2) что эта цельность коренится в культурной преемственности обитателей края начиная как минимум с III тысячелетия до н. э. Оказывается, время и условия возникновения отдельных историко-культурных зон (в том числе днепровско-

Ареал балтских племен (из книги М. Гимбутас «Балты»)

Ареал этноса кривичей

двинской) вовсе не связаны с эпохой предполагаемого славянского расселения, но восходят к более давним временам — задолго до исторически и даже теоретически допустимого появления славян.

Сегодня наиболее обоснованной выглядит гипотеза, согласно которой славянскому этапу кривской истории предшествовал балтский — как в языке, так и в материальной культуре. Это мнение подтверждается существованием в XII–XIII веках на южной окраине Полоцкой земли многочисленных балтских поселений, отождествляемых русскими летописцами с «литвой». В свое время А. Соболевский, рассмотрев письменные сообщения о нападениях литвы на Русь в XII–XIII веках, высказал мнение, что «Литовская земля» занимала части (бывших) Витебской, Псковской, Тверской, Московской и, главным образом, Смоленской губерний.

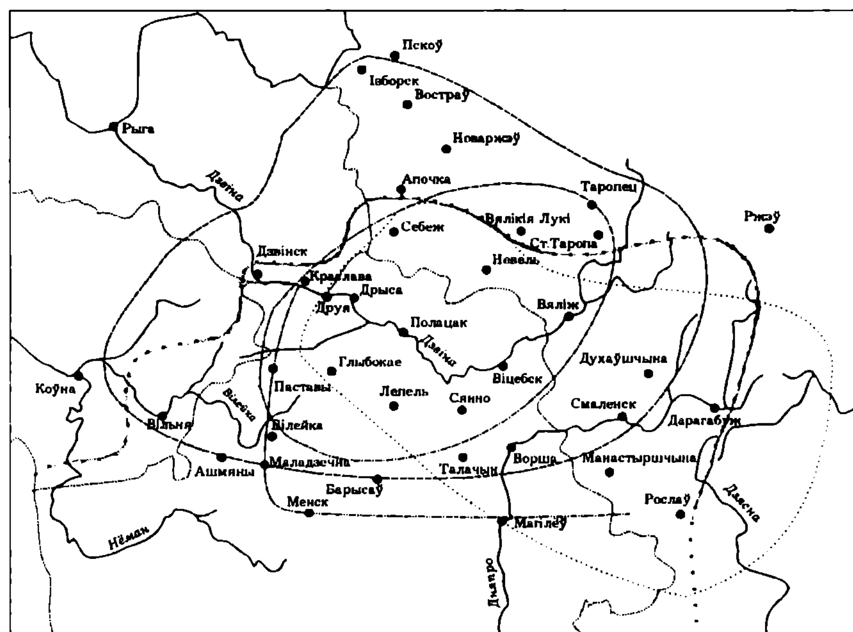
Нетрудно заметить, что очерченная территория, которая не может отождествляться с политическим ядром будущего Великого Княжества Литовского, составляет значительную часть ареала расселения полоцко-смоленских кривичей. Имея в виду синонимичность для того времени понятий «литовский» и «балтский», можно интерпретировать эту «литву» как балтоязычных кривичей, осуществлявших военную экспансию на соседние земли.

Что до славянизации (преимущественно языковой) кривичей, то здесь, на наш взгляд, заслуживает внимания мысль, которую высказал еще в XIX веке литовский историк С. Даукантас. Он связывал славянизацию с «русским» фактором:

> «Род кревов /krievai/ так соединился с русами, что разговаривает по-русски, а не по-своему. Кревы ...говорили на том же языке, что и литовцы, жемойты, леты, пруссы. В стране кревов было два языка — один письменный, так называемый русский, второй — людской, так называемый кревский».

Главными центрами «соединения» кривичей и полиэтничной руси, среди которой преобладал славянский языковой элемент, были, бесспорно, города, откуда шли сильные ассимиляционные импульсы, поддержанные церковью и определенными кругами тогдашней политической элиты (8). При этом, однако, надо помнить, что общая для большой части Восточной Европы городская культура охватывала в то время совсем незначительную часть населения — 2–5%, тогда как абсолютное большинство жителей составлял консервативный деревенский люд, среди которого преобладали автохтоны, а не славяне.

Частичный переход на славянскую речь основного компонента русов — варягов — произошел, скорее всего, в Среднем Поднепровье уже в первой половине IX века — во времена формирования так называемого «Русского каганата» (9), от которого эта речь вместе с русами распространилась по всему восточноевропейскому пространству. В этом плане показательна находка славянской надписи в типично скандинавском захоронении первой четверти X века — в некрополе протогородского поселения Гнёздово на Смоленщине,

Пространство расселения предков беларусов
(показаны границы различных археологических культур)

древнейшего на беларуском этническом пространстве. Ассимиляция кривичей, которых следует считать восточными балтами, началась фактически уже в составе полиэтничного «древнерусского» государства.

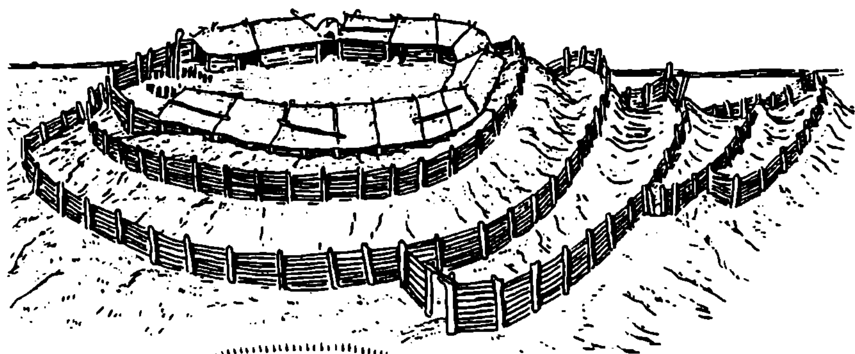
Предложенная выше точка зрения согласуется с археологическими материалами. Культура длинных курганов исчезает в Верхнем Поднепровье и Подвинье под конец IX — в первой половине X века, и в это же время появляются совсем новые памятники — круглые курганы с трупосжиганием, не связанные преемственностью с длинными курганами и отождествляемые со славянами. На их ос-

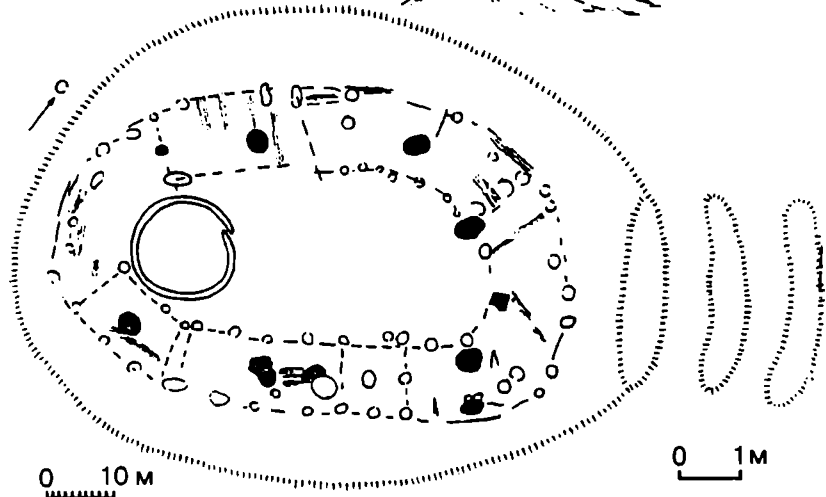
нове возникает так называемая древнерусская курганная культура XI–XIII веков. Особую роль в генезисе этой культуры сыграли торгово-ремесленные центры (протогорода), возникновение которых вызвало определенного рода нарушения и «вибрацию» местной культурной традиции. Но это не обязательно связано с притоком нового, этнически славянского населения. Имеются свидетельства присутствия норманнов в днепровско-двинском междуречье в конце IX — начале X века.

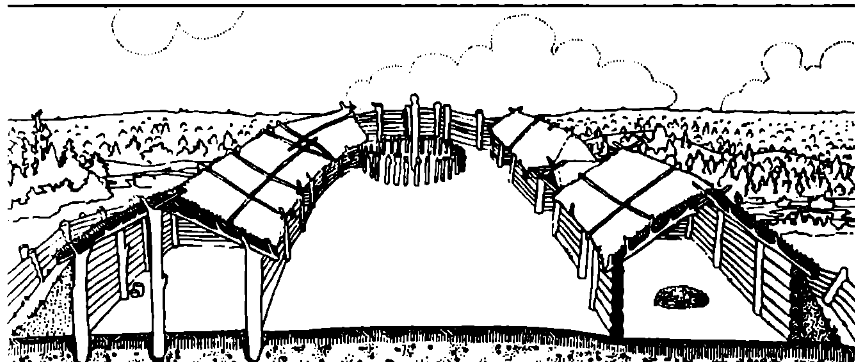
Также весьма показательно, что Гнёздово — единственное место, где наблюдается большая концентрация «славянских» круглых курганов с трупосжиганием. Это поселение, в жизни которого важное место занимали шведские викинги, было своеобразным центром формирования «древнерусского» (= «славянского») населения Смоленщины. Такие же торгово-ремесленные центры (Полоцк и другие города) с их населением были очень существенным фактором распространения древнерусской курганной культуры в «готовом виде» в деревенских околицах. Кстати, существенно, что культура длинных курганов как реликтовое явление прослеживается почти через весь X век в материальной культуре полоцких кривичей. В целом видно, что в Полоцко-Витебском Подвинье каждая очередная группа памятников дольше сохраняет некоторые элементы предыдущей культуры, чем в Смоленском Поднепровье.

Один из основных элементов теории о миграции кривичей с запада — фонетические особенности современных диалектов (в частности псковских), которые объединяют их с «ляшскими» наречиями. Как полагают лингвисты, ряд диалектных черт действительно отражает то состояние, когда кривичский племенной язык вместе с северными западнославянскими диалектами составлял единый лингвогеографический ареал (10). Однако наличие таких же архаических особенностей в прусско-ятвяжско-южнолитовском ареале, с которыми стыкуются некоторые древнекривские черты, позволяет связывать их не только с северной западнославянской диалектной зоной и никак не может свидетельствовать исключительно об их «западнославянском» происхождении.

Археологическо-лингвистический анализ разрушает тезис о миграционной волне кривичей с запада вдоль Балтийского моря, а архаические явления в псковских диалектах находят объяснение через балтский (в какой-то степени — через финский) субстрат. Существование определенных характерных черт фонетики в современных беларуских диалектах позволяет определить территории, славянизированные через языковые контакты, а не через миграции —

Городище смоленских кривичей Тушемля (реконструкция)

сюда входит весь кривичский ареал в Беларуси, который к тому же оказывается эпицентром возникновения и распространения типичных черт беларуского языка: дзеканья, цеканья, аканья, гэканья и других.

Надежно верифицировать допущение об отсутствии значительного влияния славянских миграций на формирование этнического облика кривичей помогают материалы физической антропологии.

Антропология

Генофонд определенного этноса часто оказывается стабильнее его языка и культуры. Антропологические материалы позволяют с большой степенью вероятности считать современных беларусов прямыми потомками местного древнего населения. Антропологическое изучение беларуского этноса за последние 25–30 лет «позволило предложить концепцию преемственности его исходной генетической информации на протяжении ста — ста пятидесяти поколений, то есть задолго до вероятной колонизации этой территории восточными славянами» (И. Микулич).

Истоки этой преемственности достигают не только протобеларуских племен кривичей, дреговичей, радимичей и других, но даже палеоевропеоидного расового сообщества эпохи неолита. Специалисты обращают внимание на «единство физического облика западных кривичей, радимичей и дреговичей, сходство их со средневековым лето-литовским населением», что расценивается «как проявления единого антропологического субстрата».

В. Бунак, изучая краниологию (черепные показатели) давнего населения Восточной Европы, классифицировал долихоцефальный (длинноголовый) тип кривичей как древнюю форму балтийского типа североевропеоидной расы, распространенной от правобережья Днепра до Балтийского моря. Г. Дебец, который исследовал черепа из захоронений кривичей, дреговичей и радимичей X–XII веков, констатировал отсутствие между ними реальных различий, а также отметил их весьма большое сходство с серией черепов из Люцинского кладбища (Латвия). На основании этого автор утверждает, что включение территории современной Беларуси в круг славянских культур не сопровождалось какими-то значительными переселениями, а происходило через окультурацию.

Полоцких кривичей Т. Трофимова приобщала к долихоцефальному широколицему типу и, отмечая его связь со Средним и Верх-

ним Поднепровьем и Прибалтикой, считала этот тип реликтовым, известным по крайней мере с эпохи бронзы. Р. Денисова признала весьма вероятным происхождение долихокранных широколицых племен первой четверти II тысячелетия на территории Беларуси от местных племен культуры шнуровой керамики, которых можно считать протобалтами.

Полоцкие кривичи (реконструкция)

Т. Алексеева, также присоединяя полоцких кривичей к длинноголовому достаточно широколицему типу, утверждала, что «долихокрания в сочетании с относительной широколицестью характеризует балтоязычное население средневековья, и, вероятно, генетически этот комплекс не связан со славянами. Территориальное размещение (северная часть зоны расселения славян) также свидетельствует против славянской его принадлежности» (11).

Полоцкие кривичи (реконструкция)

В последних публикациях Т. Алексеева уже допускает, что носители первых славянских культур — пражско-корчакской и пеньковской, вероятно, тоже относились к длинноголовому широколицему типу. Однако наличие на значительной территории этих культур балтской гидронимии и размещение этого типа именно в северной части праславянского пространства, прилегающего к ареалу летто-литовских племен, свидетельствует скорее в пользу более раннего вывода исследовательницы (см. цитату) и позволяет ставить вопрос о выделении балтского антропологического субстрата у носителей первых праславянских археологических культур.

На территории Полотчины были найдены и более грацильные черепа, что дало основание назвать всю суммарную кривичскую серию среднелицей, однако исследование новейших материалов этого не подтвердило, засвидетельствовав на пригодных для измерения экземплярах принадлежность полоцких кривичей именно к долихокранному широколицему типу.

Между тем ранее В. Седов на основании изучения краниологических материалов не нашел значительных различий между широколицыми и среднелицыми сериями курганных черепов Беларуси. Он объединил полоцких и смоленских кривичей, дреговичей и радимичей в одну группу, отличительную длинноголовым среднелицым типом, и отметил, что территория его распространения «в эпоху раннего средневековья в деталях совпадает с ареалом днепровских балтских племен, определенным по сообщениям гидронимии и археологии».

Псковская группировка кривичей антропологически наиболее похожа на население ятвяжского ареала. Особенности физического типа восточных групп кривичей (ярославских, костромских и владимиро-рязанских) отражают процесс колонизации западными кривичами (преимущественно смоленскими) верховий Волги и волжско-клязьминского междуречья и ассимиляцию ими тамошнего финского населения.

По абсолютным размерам мозгового отдела черепа и скелета лица в отношении головного показателя и ширины лица, мазовшане (славянизированные западные балты), полоцкие кривичи, ятвяги, аукштайты и латгалы объединяются одним комплексом физических черт и в этом приближаются к норвежцам и англо-саксам. В результате анализа краниологических материалов нескольких групп по разным признакам — в одном случае (20 признаков и 13 групп) выявляется сходство смоленских кривичей и земгалов, а в другом (16 признаков и 15 групп) близкими друг к другу оказы-

ваются обитатели Старой Ладоги, латгалы, дреговичи, радимичи, жемойты, смоленские кривичи и земгалы, что подтверждает антропологическую связь кривичей и балтов.

Но, обращая внимание на неоднородность антропологического состава самих балтских племен, надо подчеркнуть, что курганное население с территории Беларуси (в том числе полоцко-смоленские кривичи) похоже прежде всего на те балтские группы, которые в эпоху железа были связаны с пространством Верхнего Поднепровья (ятвяги и носители культуры штрихованной керамики).

Изучение одонтологических (зубных) материалов показывает, что западные кривичи полностью соответствуют так называемым ранним латгалам Видземе и жемойтам, но наибольшее сходство у них выявляется с восточными латгалами VIII–XIII веков. Отмеченная близость зубного комплекса кривичей и синхронных им латгалов может быть объяснена в пользу местного (балтского) происхождения первых.

Явных антропологических следов проникновения славян на территорию Подвинья нет. Те материалы, которые некоторые ученые идентифицируют со славянами, могут быть связаны и с другими этносами, в том числе с балтскими племенами. При этом единственное, что позволяют утверждать антропологические исследования, это отсутствие массовых миграций, которые могли бы привести к существенному изменению физического типа населения Беларуси.

Таким образом, засвидетельствованное большинством антропологов значительное сходство балтских племен (особенно латгалов) и полоцких кривичей поддерживает мнение о славянизации кривичей путем замены ими своего балтского языка на славянский (12).

Смоленские кривичи (реконструкция Ю. Каштанова)

Этноопределяющими вещами кривичей считаются браслетоподобные височные кольца с завязанными концами. Достаточно убедительным кажется мнение, что эти характерные кривичские украшения X–XIII веков имеют прототипами аналогичные кольца, но с замкнутыми или заходящими концами, найденные на памятниках банцеровско-тушемлинской культуры. В. Седов видит в присутствии носителей культуры первых браслетоподобных височных колец в банцеровском ареале и на территории Литвы, а также в общем субстрате балтской культуры штрихованной керамики, свидетельство родственности литвы и полоцко-смоленских кривичей (13). Однако этот исследователь рассматривает возможность отождествления упомянутых ранних типов колец со славянским этносом.

Смоленский археолог В. Шмидт не согласился со славянской интерпретацией и высказал сомнение в том, были ли височные кольца (в т.ч. браслетоподобные с замкнутыми или заходящими концами) украшениями только славян. Он находит для них аналогии в Литве, где они были характерным элементом балтского головного наряда с I до VI веков. Хронология и территория распространения ранних браслетоподобных височных колец дают основания считать их признаком лето-литовского населения.

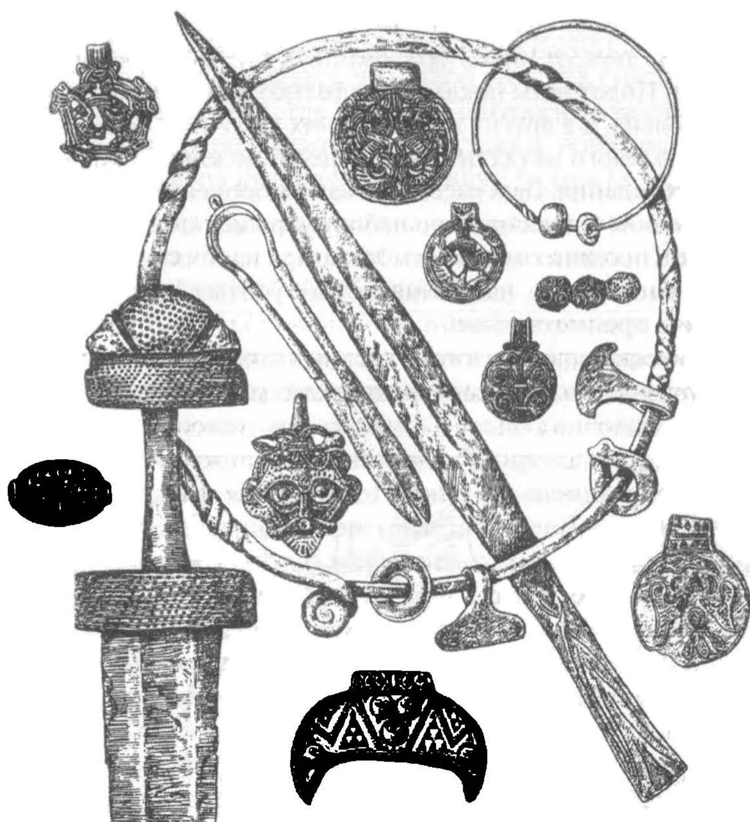
Целый ряд предметов (шейные гривны, украшения с цветной эмалью, подвески, разные типы височных колец), найденных в длинных курганах, тождествен памятникам балтских племен, и это становится достаточно серьезным основанием для оспаривания славянской атрибуции длинных курганов. В целом женский похоронный инвентарь длинных курганов Поднепровья имеет ближайшие аналогии на землях Восточной Прибалтики и характеризуется как балтский. М. Артамонов находил в псковских длинных курганах, также как и в новгородских сопках, достаточно мало вещей, среди которых преобладали балтские типы. Почти все типы балтских украшений, которые происходят из длинных курганов, имеют аналогии в вещевом материале поздних круглых кривичских курганов.

Между тем еще А. Спицын отмечал:

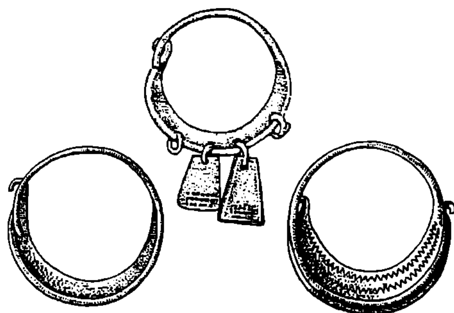
«Инвентарь Смоленских городищ похож на инвентарь так называемых «литовских» пилекальнисов. Отсюда возможна мысль, что этот край в VII–VIII столетиях был занят литовцами. Вещи, которые находят в городищах литовцев и кривичей (Новгород. обл.), от XII — XIII ве-

ков — те же самые. И эти городища, где бы они ни были, надо считать литовскими».

В кривичских курганах находят также ленточные венки (вайнаги), шейные гривны, змееголовые браслеты (так в искусстве воплощался популярный у балтов змеиный культ), спиральные перстни и много разнообразных подковообразных фибул, определяющих специфику балтского наряда. Проблему балтского происхождения упомянутых украшений изучала З. Сергеева. Она пришла к выводу, что встречаются они почти на всей этнической территории беларусов, причем такие вещи, как звериноподобные браслеты, витые шейные гривны и вайнаги находят обычно далеко от городов, к тому же не на торговых путях, а в глухих местах, что свидетельствует об их местном происхождении.

Оружие и украшения смоленских кривичей

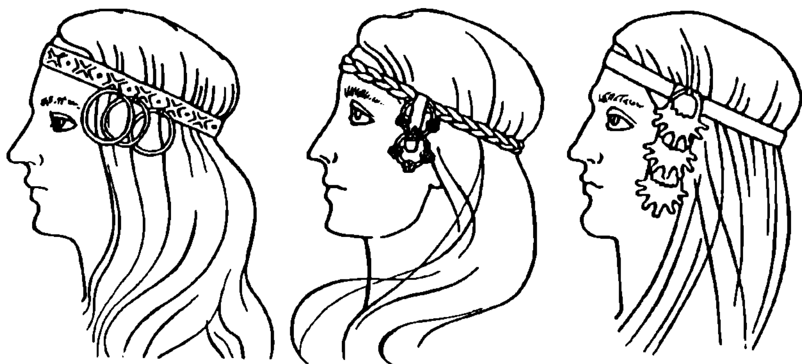

Височные кольца из полоцких длинных курганов

Свойственны кривичам и нагрудные подвески в виде лошадки, которые иногда встречались по две в одном захоронения либо в удвоенном виде соединялись с гребнем. Эти предметы имеют особый интерес вкупе со сведениями о парном божестве благополучия и плодородия (беларус. Сросток, Вozила, летув. Кумельган, латв. Jumis), связанном с распространенным у балтов культом коней (14).

Особенно богаты балтскими вещами захоронения Полоцкой земли. Анализ двухсот инвентаризованных курганных комплексов с территории Полотчины показал, что только четверть из них имела височные кольца, а в других захоронениях височных колец нет вообще, однако много металлических изделий исключительно балтского происхождения. Да и рассматривая захоронения с височными кольцами (якобы ближайшие по набору украшений к славянскому наряду — не в последнюю очередь благодаря наличию там «славянских» височных колец), надо обязательно учитывать их вероятное неславянское происхождение.

Мужской наряд кривичей тоже весьма похож на костюмы соседних балтских племен, что выявляется через разнообразные подко-

Головные украшения кривичских и дреговичских женщин

вообразные фибулы, лироподобные пряжки, перстни, браслеты и т.д. Интересно, что даже вещи во многом «интернациональной» дружинной культуры из Полоцкого княжества конца XII–XIII века весьма близки к снаряжению тяжеловооруженных прусских нобилей.

Приведенные факты еще раз свидетельствуют, что «костюм XI–XII веков является показателем значительной роли балтского субстрата в этногенезе беларусов, внешним проявлением становления этнического сознания», а найденные вещи и изделия позволяют объединить кривичские земли с обширным прибалтийским ареалом, который включал территории современных Литвы, Латвии, а также Эстонии.

Помимо сравнения собственно вещевого комплекса, помочь определению этнической сути его создателей и носителей может и изучение орнамента, системы знаков, которыми эти вещи украшались. Например, сопоставление археологического и этнографического материала показывает, что такой знак как свастика был распространен в регионах, где наиболее ощущалось балтское присутствие (особенно на Полотчине) и, таким образом, свастика в Беларуси — символ культурных традиций балтов (в том числе язычества).

Духовная культура

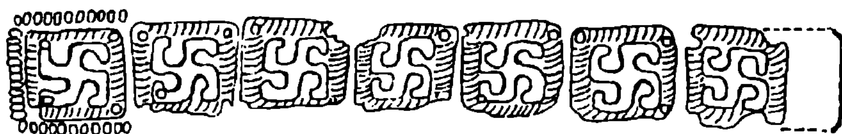
Духовная культура этноса складывается из многих частей, но среди всего ее богатства нас интересует в первую очередь религиозный элемент, ибо религия и тесно связанная с ней мифология — это первичные источники формирования ментальных архетипов как этнопсихологической основы сознания.

Чрезвычайно большое пространство кривской мифологии и ее влияния на народную культуру беларусов требует сосредоточения внимания только на одном, но очень важном ее фрагменте — выяснении генетических связей главных персонажей кривского варианта так называемого «основного» мифа индоевропейцев.

Авторитетные исследователи балтско-славянской старины В. Иванов и В. Топоров сумели (преимущественно на материалах беларуской, литовской и латышской традиций) реконструировать общий индоевропейский «основной» мифологический сюжет о космогонической борьбе бога грозы Перуна (у литовцев Perkunas, у латышей Perkons, у пруссов Perkuns) и его змеевидного соперника Ве-

леса (у литовцев Velnias /Velinas/, у латышей Velns, Vels). Ученые уже обращали внимание на то, что больше всего следов культа Велеса сохранилось в Беларуси и на севере Руси. Б. Рыбаков объяснял распространение культа Велеса на больших просторах лесной зоны Восточной Европы широким расселением балтов со времен бронзового века, когда племена культуры шнуровой керамики занимали часть Верхнего Поволжья, доходя даже до Вологодчины.

Ю. Лавчуте и Д. Мачинский, проанализировав источники из языковедения и мифологии, пришли к выводу, что приобщение Велеса к числу общеславянских богов проблематично; они же отметили, что старорусские письменные памятники свидетельствуют о возникновение пары Перун — Велес на севере Руси. Обращая внимание на археологическое присутствие кривичей в низовьях Волхова и в Верхнем Подвинье, где известны топонимы Вельсы, Велешы, Велеса, Велещи, Велиж, исследователи утверждают, что в формировании сакральной пары Перун — Велес важную роль сыграли именно кривичи.

Символ солнца (свастика) на поясных пластинах (украшение кривичей)

Интересно, что на севере Беларуси местное название курганов «волатовки» ареально совпадает с территорией расселения кривичей и имеет, как и имя Велеса, основу *vel-. Уместно здесь напомнить, что капище этого бога в Киеве размещалось именно там, где останавливались челны новгородцев и кривичей. Мнение о связи термина «волатовка» только со славянским этносом (15) надо считать безосновательным (сравни литов. vele «душа умершего», veles «тени умерших», velines, veliai «время почитания умерших», что хорошо согласуется с беларускими представлениями о великанах как первопредках современных людей).

В. Топоров, который фиксирует присутствие гидронимических балтизмов не только на севере кривичского ареала — на Псковщине и Тверщине, но и на всей территории Новгородчины, «буквально во всех ее частях», пишет, что вариант «основного» мифа, в котором появляется третий — женский персонаж, реконструируется прежде всего на материалах старых земель Новгорода и «выявляет очень большую степень близости с балтскими версиями этого мифа, ко-

торые выделяются большей архаичностью, чем восточнославянские реконструкции. Если учесть, что балтская версия оказала бесспорное и весьма значительное влияние на восточнославянские версии там, где присутствовал балтский субстрат (вся Беларусь, Смоленщина, Псковщина, Калужская обл.) и где еще сохраняются реликты «основного» мифа, есть основания и в «новгородской» (в широком смысле этого слова) версии этого мифа подозревать влияние балтских источников».

Становление индоевропейского мифа о Громовержце берет начало в «героической» эпохе расселения индоевропейцев (где-то с конца III тысячелетия до н. э.), с ним совпадает выделение в обществе на первый план воинской функции и героя мифа как вождя боевой дружины. Ближайшие аналогии к мифологическим представлениям беларусов о Громовержце отмечаются у литовцев и латышей. Д. Шепинг в свое время был даже убежден в том, что «нельзя воспринимать имя Перуна как славянское и более верно принять, что оно пришло в Россию или через варягов или через кривичей, имея в виду распространение среди них религии прусско-литовского Криве».

Все эти сообщения хорошо согласуются с фактом иранского происхождения большинства богов (Даждьбог, Сварог, Симаргл, Стрибог, Хорс) пресловутого «восточнославянского» пантеона, тогда как Перун и Велес — архаические индоевропейские божества — достались славянам в наследие от балтов, что подтверждается и принятой большинством лингвистов теорией о развитии славянских языков из периферийных западнобалтских диалектов.

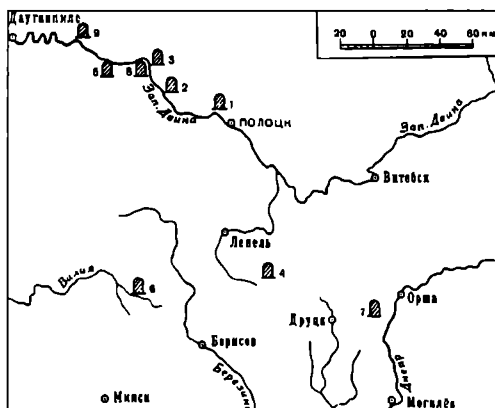
Перун

В свете этого становится понятно, почему кривский ареал, отличающийся своей яркой

балтской фактурой, выступает как среда (центр) сохранения и распространения реликтов «основного» мифа.

Находятся основания и для присоединения кривичей к юрисдикции литовско-прусского наивысшего священника Криве-Кривайтиса, культ которого занимал значительное место в религиозных верованиях балтских племен. Но даже при скептическом отношении к панбалтийскому характеру культа и власти Криве, «исследуя языческий пантеон беларусов и этнических литовцев, набор сюжетов и образов их аутентичной мифологии, нельзя не обратить внимание на типологическую близость этих слоев культуры.

Такое сближение, иногда вплоть до тождества, — результат не только взаимовлияний их культур в рамках общего государства — Великого Княжества Литовского, но и генетических истоков» (16). Наличием балтского субстрата можно также объяснить и особенности здешней языческой монументальной скульптуры (в т.ч. и знаменитого «шкловского идола»).

Святые камни
на территории полоцких кривичей

Естественное развитие старокривской культуры было насильственно прервано духовной интервенцией христианской церкви, которая повинна в коренном изменении этнокультурной ситуации через установление новой этноконфессиональной самоидентификации местного населения (что продолжалась и после образования Литовского государства), когда крещение балтов в «русскую» веру в конечном итоге приводило к их ментальной и языковой рутенизации. Впрочем, согласно с представлениями русского летописца, кривичи принадлежали к наиболее упорным сторонникам древних обычаев:

> «Си же творяху обычая и Кривичи и прочии погании, не ведуще закона Божиа, но творяще сами собе закон».

Поэтому нет ничего необычного в том, что:

> «на Полоцкой Кривьи в XI–XII веках, в отличие от восточнославянских пространств, так и не произошел акт крещения, инспирированный

князьями (примеры: Киев 988 г., Новгород 990 г.). Христианизация же, как медленный процесс взаимодействия новой религии и прочных языческих традиций, официально была одобрена в Полоцке только в начале XII века, что в дальнейшем способствовало возникновению архаических (propaganus) форм православия, которые и в XIX веке способствовали сохранению языческого содержания в формально окрещенной культуре Беларуси».

Вполне возможно, что даже сам этноним кривичи вследствие такого этнорелигиозного содержания мог приобрести для создателей древнерусских письменных памятников смысл, синонимичный пониманию «неправильного» и «беззаконного» народа.

Политическая история

Древнейшее время, с которого мы можем говорить нечто определенное о политической организации на кривских просторах, — это конец железного века (V–VIII века), когда на основе археологических культур предыдущего времени (днепровско-двинской, штрихованной керамики, киевской) возникает культура типа Банцеровщина — Тушемля — Колочин. С этой культурой, отличной очевидным совпадением ее ареала с поздними восточными и частично северными и юго-восточными этническими границами беларусов, связываются начала государственности на наших землях. По А. Пьянкову, межплеменную конфедерацию того времени правомерно называть Кривским племенным союзом, созданным на землях восточных балтов.

На смену банцеровской культуре приходят княжества летописных племен, основными среди которых были полоцкие кривичи, дреговичи и радимичи. Дальнейшее развитие государствообразующих процессов продолжалось в «русскую» эпоху. Истоки формирования межэтнических «русских» корпораций — основного двигателя этих процессов — надо, на наш взгляд, искать еще в банцеровских временах, когда отдельные здешние владетели уже опирались на профессиональных воинов — постоянную княжескую дружину. Об этом свидетельствует существование укрепленных городищ, похожих на настоящие замки, где археологи находят особенно много оружия, которое могло принадлежать князю и его войску.

В IX–X веках воинские формации племенных князей пополняются скандинавскими (варяжскими) пришельцами. С проникновением последних в Восточную Европу в качестве наемников, тор-

говцев и захватчиков связывается появление германского термина «русь» (древнесеверн. rōю(e)R «гребец; гребля; весло; плавание на весельных судах» — финн. ruotsi — древнерус. русь) и на кривской территории. Сначала в социальном плане «русь» — это только дружина князя, его «рыцарство» и администрация, а «Русская земля», «Русь» — подвластная этому владетелю и его окружению территория, государство.

При этом к собственно «Русской земле», или «Руси» в узком смысле слова (которая существовала в Среднем Поднепровье), Полоцк и Смоленск не принадлежали. До последней трети IX века полоцкие кривичи не зависели ни от Киева, ни от Новгорода, и только в 70-е годы IX века киевские князья, возможно, совершили поход на Полоцк и включили его в орбиту своего влияния. Но, в любом случае, при князе Олеге Полоцк уже не подчинялся Киеву (напомним, что Олег — вымышленный персонаж. — *Ред.*).

Все вышеупомянутые города, которые являлись конкурентными государствообразующими центрами, принадлежали к трем крупным этнокультурным и географическим ареалам: финско-словенскому Северу (Новгород), ирано-полянскому Поднепровью (Киев) и балто-кривскому Верхнему Поднепровью и Подвинью (Полоцк, Смоленск). Два первых ареала, не завершив самостоятельного развития в государственные структуры, были объединены Рюриковичами и уже вместе шли к созданию общего государства, Полоцкая же земля проявила максимум упрямства и не попала в эту компанию. Известный историк и культуролог Л. Акиншевич утверждал по этому поводу, что «во времена «княжеские» (X–XIII века) беларуские княжества, бесспорно, менее чем украинские и российские, имели тенденцию к объединению в единое «русское» целое.

Обычно это объясняют тем, что здесь была отдельная княжеская династия. Такое объяснение мало убедительно. Нам думается, что они выделялись чем-то другим и в первую очередь, видимо, тем, что глубина общих культурных влияний (прежде всего византийских) здесь была меньше. Немалую роль играл также момент расовой и культурной близости к старым соседям (а возможно, и древним родичам), народам «балтской» группы — к летувисам и латышам».

Такая этнокультурная мотивация «кривского сепаратизма» имела мощные общественно-религиозные основания, обусловленные тем, что «на территории Полоцкой Кривьи, сложившейся как социо-политический организм уже в IX веке, приверженность к традиционным (вековым) верованиям укреплялась прежде всего тесной связью со жреческой элитой балтов — кланом Криве-Кривайтис, от-

дельные представители которого, скорее всего, и возглавляли сообщество во время его формирования и консолидации». Высокая степень сакрализации кривского этносоциума ощущается не только в его названии, производном от имени, совпадающего с титулом верховного священника балтов. Не случайно на кривской территории возник так называемый Гнёздовский некрополь, который не имел равных по грандиозности на востоке Европы и где вырабатывались нормы похоронной обрядности языческого военно-торгового сословия. Как полагает С. Тарасов, именно «приоритетное положение в союзе племён рода Крива, вероятно, обеспечило Полоцку, полочанам, Полоцкой земле их исключительное, самостоятельное и независимое место в геополитических условиях Восточной Европы».

К представителям сословия священнослужителей, видимо, надо приобщить и первого упомянутого в письменных источниках кривского князя Рогволода (*Ragnvald(as)). Даже при вероятном скандинавском происхождении этого руководителя, его статус «сакрального владетеля» (rex sacrorum) не должен вызывать больших сомнений — тесные этнокультурные контакты в циркумбалтийском регионе того времени позволяют высказать мнение, что и некоторые варяжские вожди могли иметь сакральный статус (напомним хотя бы «вещего» князя Олега (Helgi) (древне-северное «святой»), представление о смерти которого хорошо согласуется с представлениями о ритуальном убийстве «архаического владетеля»). Все отмеченное могло быть дополнительным стимулом (либо условием) со стороны местного населения, чтобы придать князю властные полномочия и признавать их легитимность.

Современная полочанка в одежде и с украшениями кривичских женщин

Гипотеза эта подтверждается и лингвистическими материалами: первый компонент имени Рогволода, как и его дочери Рогнеды, тождествен с др.-северн. *ragnar* «боги», что стыкуется с лит. *Regeti*,

лат. *redzet* «видеть, созерцать», отсюда лит. *Ragana*, бел. (диал.) рагана — «колдунья, волшебница». В основе рассматриваемых наименований лежит сема «вещий дар, дар предвидения» — **ragn-*, и означает этот термин того, кто владеет таким даром.

Существование топонимов, связанных с именем Рогнеды, и мест, где она якобы похоронена («гора Рогвальда и Рогнеды», или иначе «Рогнедин курган» на полуострове Перевоз на озере Дрисса, «Рогнедины курганы» в Вилейском районе и в окрестностях города Краслава (Латгалия), озеро Рагнедь на север от Заславья, «могила Рогнеды» или «замочек Рогнеды» в самом Заславье, могилка Рогнедина на Брянщине), тоже обусловлено определенными религиозными верованиями (17). Заметим, что в народном представлении о «горе Рогвальда и Рогнеды» убийство полоцкого князя Рогволода сопрягается с сюжетом «основного» мифа: якобы князь был убит на этой горе ударом каменного молота.

Особый интерес вызывает фигура знаменитого и без преувеличения самого выдающегося кривского князя — Всеслава Чародея. Уже условия рождения — «от волхвования» — должны были требовать необычности дальнейшего жизненного пути этого властителя. В. Лобач, рассматривая сообщения о Всеславе, убедительно доказывает принадлежность князя к сословию священников. От момента волшебного рождения князю было дано *«язвено»* (отличительный знак), которым, видимо, была заметная у него от рождения «волчья шерсть», что считалось знаком магической способности превращаться в волка по собственному желанию; этот признак может осмысливаться и как свидетельство кривизны (избранности, сакральности) — обязательной черты всех волшебников.

Прозвище князя Всеслава «Волх» из былины о Волхе Всеславиче происходит от термина *«вълхвъ»* —«языческий священник, чародей»; только представитель сословия священников в то время мог «бросить жребий», что и делает Всеслав, прося судьбу *«о дѣвицю себе любу»* (то есть Киев); только чародей, как Всеслав, мог иметь «вещую» душу, причем весьма характерно, что архаическое индоевропейское определение волка **weid-n(o)*, в облике которого «рыскаше» князь, попутно может свидетельствовать и о «пророчестве» этого зверя (180). А. Югов, анализируя некоторые спорные места в «Слове о походе Игоревом», добавляет к этому ряду другие свидетельства «чародейского» образа полоцкого князя: его «вещая» душа может переходить в другое тело — *«в друзе теле»*; эпитет Всеслава «хытръ» означает волшебника; князь добывает себе киевский престол «клюками» (волшебною хитростью); за одну ночь он переио-

сится из-под Киева к Новгороду — *«обесися на сине мьгле»* (повиснув на синем облаке).

Со своей стороны заметим, что мифологические черты Всеслава Чародея, известные из «Слова...» (способность превращаться в волка) и былины про Волха Всеславича (рождение от змея) /19/, хорошо согласуются с древними индоевропейскими представлениями о владетеле-волке и змее, символически связанными с царской властью (сравни лексический ряд Волх, владетель, волость, власть и имя бога Велеса, с которым тоже связаны волчий и змеиный культы, с индо-европейским корнем *uel- для обозначения власти). Кстати говоря, общие индоевропейские истоки имел и другой институт власти, известный на Полотчине, — вече (народное собрание), которое воплощало давнюю традицию так называемой «аристодемократии», имеющую эквиваленты прежде всего в Северной Европе (скандинавский тинг).

До сих пор не прекращается обсуждение между учеными внешнеполитических акций Всеслава. Известно, что после вынужденного изгнания из Полоцка он отправился к финскому племени водь и во главе его учинил поход на Новгород. Как это ни странно, но через языческий и балтский контекст становится понятной скрытая мотивация такого поступка Всеслава. Дело в том, что на землях води выявлено балтское присутствие: значительное число захоронений с восточной ориентацией, которая считается типично балтской обрядовой чертой, распространение в курганах вещей балтского происхождения, балтская гидронимия на территории племени, наличие у води (как и у полоцких кривичей) длинноголового широколицего антропологического типа, который в этой части Европы связывается с балтами.

В балтском контексте води, как нам кажется, можно увидеть следы кривичской колонизации, когда носители культуры длинных курганов, а позже и псковские кривичи проникали на водскую пятину. Это подтверждается тем, что в Латвии потомки води, переселенные туда в 1445 году, известны как кревинги, что можно истолковать их давними контактами с кривичами. Поэтому поход Всеслава, которому язычники-водь доверили свое войско, — не в последнюю очередь, видимо, благодаря его сакральной харизме, похож на продуманный тактический шаг, в основе которого была уверенность в «генетически обусловленной» лояльности води.

Также совсем не случайна согласованность его нападения на Новгород и народного восстания в этом городе, инспирированном языческим волхвом против епископа и новгородского князя — врага

Всеслава. Более того, недавние исследования свидетельствуют о связи между языческими реакциями на Балтике (в землях ободритов в 1066 году и в Швеции в 1067 году) с войной Всеслава против Ярославичей, отмечается роль Чародея в этих событиях как потенциального союзника шведского (и, возможно, ободритского) языческого движения (20).

Можно допустить, что наибольшей (прежде всего военной) поддержкой Всеслав пользовался среди балтских племен, с помощью которых он, скорее всего, вернул в 1071 году свой законный полоцкий престол. Во время царствования Всеслава Чародея, продолжившего политику своего отца Брячислава, отношения с соседними лето-литовскими племенами имели преимущественно мирный характер. Пробалтской сутью политики кривских владетелей (21), возможно, объясняется и включение в состав их государства земель селов и латгалов, где вскоре возникли два города-форпоста — Герцике и Кукенойс, которые со второй половины XI века входили в состав Полоцкого княжества (22).

По Г. Семенчуку, при Всеславе Брячиславиче Полоцкая земля окончательно превратилась в самостоятельное раннесредневековое государство. Оно имело обязательные в таком случае атрибуты и политические инструменты: стабильную территорию, высшую власть в лице князя, свою династию, особую религиозную организацию и вооруженные силы. Все это позволяло полоцким князьям проводить независимую от кого-либо внешнюю и внутреннюю политику.

Одновременно надо учитывать и то, что в результате христианизации и возникновения на ее основе «русской» этноконфессиональной идентичности, Полотчина оказалась в совсем другом контексте. И. Морзолюк доказывает, что, несмотря на особое и весьма специфическое место Полоцкого княжества в Восточной Европе, нет смысла рассматривать его вне истории Киевской Руси и что оно вместе со своей княжеской династией все же осознавалось современниками как часть единого сообщества с центром в Киеве.

При этом следует иметь в виду, что включение разноэтничных пространств в данное сообщество (если признавать его существование) происходило отчасти через влияние городской культуры (в т.ч. в связи с ролью городов как центров просвещения и письменности) и христианской идеологии, которые прямо и косвенно способствовали ассимиляции традиций коренного населения и формированию «общерусского» сознания. Важно также уточнить, что пресловутая «Киевская Русь» была метаэтнополитическим сообществом, которое складывалось из государств, связанных между собой экономи-

чески и культурно, и которые — несмотря на языковые различия — осмысливали свою принадлежность к единому политическому центру.

Однако надо также учитывать существование «немого большинства» тогдашнего населения (в нашем случае — этнически балтского), к которому можно применить слова Н. Яковенко, что «вряд ли огулом основная масса населения (а не князей, их приближенных и кучки просвещенных книжников) имела хотя бы приблизительное представление о размерах Руси. Подавно никому не пришло бы в голову, что, живя в Поросье, можно рассуждать про «общность своего происхождения» с Новгородом или Полоцком. Одинаково писаное слово и единство духовно-интеллектуальной традиции вызывали ощущение взаимной родственности, — но только в узкой среде просвещенной элиты».

Существенным фактором являлась принадлежность Полотчины к циркумбалтийскому культурному региону. Балтийская геополитическая ориентация была явной отличительной чертой Полоцкой земли (23). Есть рациональное зерно во мнении, что некоторые полоцкие властители имели более прочные связи с балтийско-скандинавским миром, чем с Киевской Русью. На примере связей Полотчины с Литвой можно заметить, что раннесредневековая этнокультурная оппозиция русь — литва реализовывалась здесь в более комплементарном варианте (24).

Почти всю историю самостоятельного существования Полотчины на нее влиял литовский фактор. Военная мощь литвы использовалась полоцкими князьями во «внутрирусских» походах в 1156, 1161, 1180, 1198 гг., при борьбе с немецкими рыцарями в 1216 году, а также в гражданских войнах, как, например, князем Володарем Глебовичем, который «не целова хреста» в знак замирения с другими князьями, ибо «ходяше под Литвою в лесех». Любопытно отметить, что иногда летописцы отождествляли полочан и литву: если в Новгородской первой летописи полочане упоминаются как участники нападения на Киев, то более поздняя Никоновская летопись называет вместо них литву.

Полоцкая земля в XIII веке продолжала держаться традиционной политики мирных отношений с Литвой. О пребывании первого литовского князя Тавтивила на полоцком престоле известно с 1263 года, хотя занять его он должен был еще раньше. Примерно с того времени можно говорить о прочном вхождении Полоцка в орбиту политического влияния Литовского государства. Меткую характеристику государственно-династических литовско-полоцких отно-

шений дал В. Ластовский: «Слияние Полоцкой Кривской княжеской династии с династиями Литовских князей было столь тесным, что трудно теперь понять, где у них кончалась кривскость и начиналась литовскость». Родственность кривичей и литвы, сходство их обычаев и культуры (25) стало «раствором» для прочного фундамента, на котором возникало новое государство, известное в пору своего расцвета как Великое Княжество Литовское.

* * *

В этом очерке затронуты только наиболее существенные, по нашему мнению, моменты этнической истории кривичей. Более основательное исследование еще впереди. Но уже сегодня, принимая во внимание накопленные наукой материалы, можно отказаться от стереотипной «восточнославянской» атрибуции крупнейшего «протобеларуского» племени и согласиться с В. Топоровым, что «ранее высказанное мнение о возможном «балтизме» кривичей нашло теперь новое подтверждение на независимых основаниях».

Источники ссылок

1. Сообщение о кривичах в Тверской летописи: «Кривичи еже живуть на вързхъ Волги, и на вързхъ Двины и на вързхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленескь и прочіи Полотскіе власти» (ПСРЛ. Том XV. Тверская летопись. М., 1965, с. 21–22).

2. С. Тарасов отметил: «Полоцк, как столица государства, сыграл исключительную роль первотолчка в длительном и противоречивом процессе складывания беларуской нации» (Тарасаў С. Пачатак часу і прасторы // Полацк: карані нашага радавода. (...) Полацк, 1996, с. 19). Почти аналогично суждение Г. Штыхова: «Кривичи-полочане, или полоцкие кривичи, — население, которое сыграло весьма значительную роль в древней истории Беларуси и положило начало нации, которая теперь называется беларуской» (Штыхаў Г. Полацкія крывічы // «Полацак», 1991, № 8, с. 5).

3. См. у В. Шадыры: «Традиционое отнесение летописных групп кривичей, кстати как и дреговичей с радимичами к чисто славянским племенным объединениям в научном плане не совсем верно» //Шадыра В. Вялікае перасяленне народаў і крівічы // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1995, № 7, с. 210.

4. Намного более полную картину могло бы дать дополнительное исследование гидронимии бассейна Двины. Предыдущие результаты (Катонова М. Данные гидронимии о балто-славянских контактах на севере Бе-

лоруссии // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981, с. 177–184) имеют предварительный и фрагментарный характер, из чего проистекает и далеко неоднозначная их интерпретация. Повторный лингвистический анализ гидронимии региона с учетом новейших достижений науки вполне оправдан и перспективен.

5. Вот суждение В. Топорова: «Чрезвычайно интересно то, что понятие "славянский", употребляемое в традиционном смысле, меняет (а отсюда и теряет) своё значение также и в свете ряда иных достижений последних лет в области реконструкции этнолингвистической карты Восточной Европы. ...Иначе говоря, для этой части Восточной Европы "славянский" элемент, как он понимался до сих пор, для определенной эпохи, когда балтский элемент был бесспорно актуальным, оказывается фикцией» (Топоров В. К вопросу о балтизмах в славянских языках (теоретический взгляд) // Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas vēstis. 1973, № 2, с. 95).

6. Близкой к этому суждению мысли придерживался М. Артамонов: «Вследствие того, что славянские памятники, которые определенно относятся к VIII веку, в Верхнем Поднепровье до сих пор не обнаружены, славянский период на этой территории (...) надо начинать с IX века» (Артамонов М. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья. // Советская археология. 1974, № 1, с. 254).

7. Кальмер Ю. Археологические древности Руси // Stratum. 1999, № 5. Неславянское в славянском мире. // Кальмер допускает, что проникновение «руси» в Среднее Поднепровье и ее знакомство там со славянскими группами могло произойти уже в конце VIII — начале IX века. Соответственно в то же время могла начаться и славянизация «руси», которая в конце концов и превратила ее в основной фактор распространения элементов славянской культуры и языка на пространстве Восточной Европы.

8. Э. Зайковский допускает, что «приток славян-переселенцев количественно был не так уж и велик, поэтому славянизация туземцев происходила прежде всего благодаря славянским городам, княжеской дружине, а с конца X века — христианской церкви, поскольку христианизация вела и к славянизации» (Зайкоўскі Э. Балты цэнтральнай і ўсходняй Беларусі ў сярэднявякоўі // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства: Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» (Мінск, 21–25 мая, 4–7 снежня 2000 г.) (Беларусіка = Albaruthenica. Кн. 21). Мн., 2001, с. 37).

9. По мнению В. Зоценко, норманны проникли в Среднее Поднепровье после неудачных попыток закрепиться в Восточной Прибалтике. В результате длительного контакта этих норманнов с балтами варяжский корпус в Киеве поначалу имел специфический «балтизированный» характер (Зо-

ценко В. Пути проникновения скандинавов в Среднее Поднепровье в IX–X вв. // Труды V Международного конгресса славянской археологии (...). Том III. Вып. 1а. Секция 5. Города, их культурные и торговые связи. М., 1985, с. 87–93).

10. Кроме псковского диалекта, который в свою очередь разделялся на северный, центральный и южный, племенной язык кривичей имел следующие диалекты: староновгородский, сложившийся в процессе взаимодействия псковских и ильменско-словенских (некривичских); смоленские; верхневолжские; полоцкие; западные (беларуские диалекты северной Гродненщины). Показательно, что ареал этих диалектов почти точно соответствует северной части максимальной территории распространения беларуского языка. См.: Станкевіч Я. Этнографічныя й гісторычныя тэрыторыі й граніцы Беларусі // Станкевіч Я. Гістарычныя творы. Мн., 2003, с. 189–209, карта на с. 564.

11. Алексеева Т. Этногенез восточных славян по данным антропологии, с. 170.

12. Весьма показательна краниологическая характеристика материалов грунтового могильника Дрисвяты-Пашевичи XI–XIII вв. Среди инвентаря погребений могильника преобладают вещи со славянскими (точнее — «городскими») предметами, а в антропологическом составе населения доминирует долихокранный широколицый тип, подобный латгалам Восточной Латвии (Емяльянчык В. Краніялагічная характарыстыка матэрыялаў грунтовага могільніка Дрысвяты-Пашавічы (XI–XIII стст.) // Браслаўскія чытанні: Матэрыялы VI навукова-краязнаўчай канферэнцыі. (...) Браслаў, 2003, с. 38–41).

13. Седов, говоря о находках браслетоподобных височных колец IV–V вв. в Восточной Литве, обратил внимание на неоднородный антропологический состав тогдашнего населения этого региона и выделил мужской узколицый грациальный тип, характерный для раннесредневековых ятвягов, и умеренно массивный широколицый тип женщин. Украшениями женщин как раз и были браслетоподобные височные кольца, что позволило исследователю судить об их принадлежности к славянскому этносу.

Но, используя при этом материалы Р. Денисовой, Седов игнорировал ее свидетельство, что умеренно массивный широколицый тип аналогичен типу балтских племен культуры штрихованной керамики, который был представлен уже у поздненеолитических племен нарвской культуры. А это, естественно, исключает всякую связь его со славянами и подтверждает, што браслетоподобные височные кольца как в Литве, так и на территории тушемлинской культуры скорее всего принадлежали местным балтским племенам.

14. Некоторые исследователи сомневаются, изображают ли они коней. Но, как бы ни разрешился вопрос о семантике таких украшений, их связь с культом близнецов весьма правдоподобна.

15. Сергеева З. Народные названия курганов на северо-востоке Белоруссии // Древности славян и Руси. М., 1988, с. 67–72. Сергеева ошибочно полагала, что только «общебелорусское» название для длинных курганов капцы (ср. лит. kapas «могила») балтского происхождения. Наличие в фольклоре соседних народов персонажей, типологически и лингвистически схожих с беларускими «волатами» (ср. литовские, украинские, русские и другие предания о волатах-силачах) свидетельствует скорее об их происхождении из общего балтско-славянского фольклорного наследия (см. также: Смирнов Ю. Первожители с единственным топором // Балто-славянские исследования. 1997. М., 1998, с. 350–373).

16. На сходство кривских и литовских верований обратил внимание и В. Пашуто (Пашуто В. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 109).

17. Вот аналогия. В «Саге о Хальвдане Черном» рассказывается о конунге, при власти которого были самые урожайные годы, а после смерти его тело было разделено на части и похоронено в разных уголках края, чтобы всем жителям было обеспечено благополучие, магически связанное с его персоной. Все курганы, где якобы похоронены останки Хальвдана Черного, назывались его именем. Исследователи утверждают, что в действительности он был погребен в одном месте, а в других в честь конунга насыпаны курганы, что связывается с сакрализацией королевской власти (см.: Стурлусон С. Круг земной. М., 1980, с. 42; Гуревич А. «Круг земной» и история Норвегии // Стурлусон С. Круг земной, с. 615).

Так и после смерти колдуна Грима Эгира в ладожских землях его хотели рассечь на части, но в конце концов насыпали три кургана. Такой же обычай некогда существовал у кельтов — их эпический герой, воин-маг Кухулин, был похоронен по частям (Щавелёв А. Особенности княжеских погребений языческой Руси (летописные известия и археологические данные) // Святилища: археология, ритуалы и вопросы семантики: Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб., 2000, с. 107).

Весьма любопытно то, что некоторые курганы носят имя литовского князя и короля Миндовга, которого небезосновательно связывают с языческим культом («могила Миндовга, или Войшелка» до 1955 года, когда ее снесли, существовала в пинском пригороде Лещ, в конце Фанерной улицы (см.: Кухаренко Ю. Пинские курганы // Славяне и Русь, с. 87–90).

18. По мнению В. Лобача, построенный при жизни Всеслава Софийский собор вряд ли можно рассматривать как однозначное свидетельство

перехода князя в христианство, так как храм св. Софии в то время был прежде всего символом мощи и величия государства.

19. Существует связь летописных сообщений о появлении в 1028 году над Восточной Европой видимого повсюду змееподобного полярного сияния с датой рождения Всеслава Чародея (зима 1028/1029 гг.).

20. Эти обстоятельства не позволяют рассматривать князя в качестве *«образцового христианина»* (см. суждение В. Познякова о конфессиональной принадлежности Всеслава Чародея: Пазнякоў В. Рэц. на: Kryŭja: Crivica. Baltica. Indogermanica. // Беларускі гістарычны агляд. 2000. Том VII, сш. 1, с. 229–230).

В свете языческой «реакции» можно рассматривать и освобождение Всеслава киевским вече и недолгое его господство в Киеве. Как считал В. Комарович, полоцкий князь символизировал языческую старину в конфликте киевлян со старшими Ярославичами и он явно противостоял грекофильской ориентации последних (Комарович В. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Вып. 11 (1955), с. 102–103).

21. Сопоставляя два варианта этнической основы Полоцкого княжества: либо скандинавско-славянской, либо балтско-славянской, полагаем, что наиболее точным был бы термин балтско (кривская) — русская (последняя компонента — немногочисленная, но политически господствующая славяноязычная полиэтничная «русь»)./

22. Для обоснования нашей мысли укажем на отчетливую латгальско-кривскую связь, выявленную в распространении в кривицком ареале «латгальских» топонимов типа *Латыголичи, Латыголь* и названий с основой *kriv- (kriev-)* в Латгалии. Имеется также суждение о значимой роли балтского населения Верхнего Поднепровья в этногенезе латгалов и возможности переноса ими в Восточную Латвию самого названия «латгалы» (Радиньш А. К вопросу об этнической истории латгалов // Историко-археологический сборник. 1997, № 12, с. 207–220).

Кстати, идеализировать отношения Полотчины со всеми балтскими племенами не приходится (напомним неудачный поход 1106 года на земгалов), но, принимая во внимание частые столкновения между самими балтами, можно смело рассматривать экспансию Полоцка не в русле «балтско-славянской конфронтации», а как естественную борьбу за доминирование в своем регионе.

23. Балтийский геостратегический фактор имел существенное значение с момента основания Полоцка: выбор места для города мог быть мотивирован его размещением на стыке водных путей, берущих начало в удаленных друг от друга частях балтийской акватории — рижской и финской

(Булкин В., Смирнов Б. О месте Полоцка на Западной Двине // К 1125-летию Полоцка... С. 13).

24. Более поздний «беларуский» образ литовца (литвина) тоже сильно отличается от «российского» («русского»), в частности — менее враждебной позицией, добродушием, ориентацией на то, что непосредственно связано с контактом (Топоров В. Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива). С. 12—13).

25. И. Абдиралович писал: «Приверженность к старой языческой вере сделала то, что в XIII веке Беларусь соединяется с "языческой" еще Литвой. Видимо, Знич литовского князя горел ярче, чем кресты князя киевского и польского короля» (Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду. Мн., 1993, с. 11).

КРИВИЯ — НАША СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

Алексей Дермант

«Наша Нива» (9 декабря 2011 г.)

Историческое прошлое беларуской нации всегда волновало умы патриотов. В настоящее время идеи балтско-славянского происхождения беларусов достаточно распространены и популярны среди представителей национальной беларуской интеллигенции. На вопросы газеты «Наша Ніва» отвечал исследователь традиционной беларуской культуры Алексей Дермант.

«Наша Ніва»: *Какая этимология слова Крыўя? Откуда оно происходит?*

Алексей Дермант: Наиболее убедительная этимологическая версия связывает происхождение имени кривичи и, соответственно, земли на которой они жили — Кривии (Крыўі) со словами балтских языков обозначающих языческих священников: krivis, kriwe, Krive-Krivaitis. Так, согласно авторитетному исследователю балто-славянских древностей Владимиру Топорову, кривичи могут осознаваться как особое племя священников.

Это косвенно подтверждается тем, что пространство, населенное кривичами, это Большой европейский водораздел, территория, откуда берут начало крупнейшие реки Восточной Европы — Днепр, Двина и Волга. В древности такие земли, откуда берут начало большие реки, обычно сакрализировались и считались священными. Таким образом, Кривия — это наша Святая земля.

НН: *Территория расселения кривичей не охватывала всю Беларусь. Почему после Вацлава Ластовского название Крыўя отождествляют с Беларусью?*

АД: Уточню — не охватывала всю современную Беларусь. Но корневая часть бывшей кривицкой территории почти точно соответствует северным и северо-восточным этнографическим и лингвистическим границам беларуского народа. Мне видится, что это не случайно. И тогда получается, что Крывіччына — это более половины той территории, где позже сформировались беларусы. Пожалуй, это одна из причин, по которым Вацлав Ластовский культивировал это наименование в качестве национального.

Вторая причина — символическая. Именно из Полоцкого княжества, князья которого в летописях даже назывались кривскими, берет начало государственная традиция, отличительной стороной которой было стремление к самостоятельной и независимой политике. Крыўя и сегодня — это первейший и очень существенный символ для нашей национальной идентичности. Это сакральные образы и самые старые корни.

НН: *Каков ареал распространения гидронимов и топонимов с основой крыв-, крэў-? Объединяет ли эти территории единый языковой диалект?*

АД: Гидронимы и топонимы с основой крыв-, крэў- наиболее частые и тянутся компактной полосой от Пруссии через Восточную Летуву, Беларусь, Восточную Латвию до территории Псковщины. Это еще одно серьезное основание видеть в этнической истории кривичей «балтский след». Но на этих территориях сегодня распространены разные языки — где-то балтские, где-то славянские. Между тем исследования лингвистов свидетельствуют, что, например, «северокривицкий» диалект — очень архаичный и некоторые его черты целиком соответствуют аналогичным чертам в диалектах современных балтских языков. Из этого следует вывод, что останки бывшего кривицкого языка также являются индикаторами прежней балтскости.

НН: *Много ли балтских корней в современном беларуском языке? Что общего в диалектах на пограничных территориях современных Беларуси, Литвы и Латвии?*

АД: Общее количество лексических балтизмов беларуского языка явно превышает те несколько сотен примеров, что обычно фигурируют в лингвистической литературе. К сожалению, нашим балтизмам не шибко посчастливилось, ведь, по большому счету, никто из здешних исследователей не делал фронтального исследования этой темы. Уже давно назрела необходимость создания и издания специального «Словаря беларуских балтизмов», но недостает специалистов, разбирающихся в этой теме, способных к осуществлению этого крупного, трудного и очень знакового для Беларуси проекта.

Также необходимо понять, что в нашем языке есть не только лексические балтизмы, то есть отдельные слова, но и целые синтаксические конструкции балтского происхождения, а также фонетические особенности, которые возникли в итоге балтского влияния. Все это — наследство наших балтских предков, которое сквозь века сохранилось таким образом.

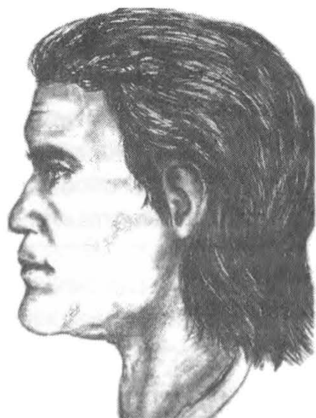

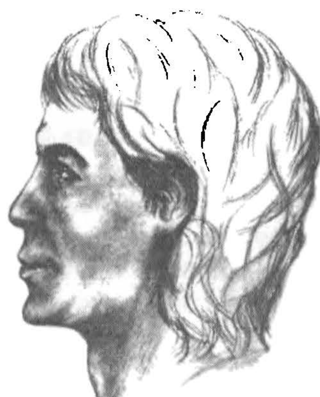

Длинные курганы кривичей

Полуземлянка (жилище древних кривичей; реконструкция)

Антропологический тип древних кривичей (реконструкция по останкам из разных могильников)

НН: *Правда ли, что орфография и произношение беларуского языка балтского происхождения? В частности, дзеканье, яканье?*

АД: Да, среди известных лингвистов теория о происхождении основных отличительных черт беларуского языка: дзеканья, цеканья, аканья, яканья из-за влияния здешних балтских диалектов весьма распространена. Она обоснованна. Шутливо можно даже сказать, что беларусы разговаривают по-славянски с балтским акцентом.

НН: Традиционные похороны на территории Беларуси с насыпями-валатоўкамі имеют славянское или балтское происхождение?

АД: На территории Беларуси, особенно на западе и севере в XI — XIII вв., и даже позже, можно встретить курганы, в которых массово встречаются вещи, определяемые как балтские, в других курганах находят смешанный вещевой инвентарь. Археологи часто определяют этническую атрибуцию похоронных памятников согласно вещевому инвентарю, который там находят. Мне эта методология кажется не очень корректной. Есть случаи, особенно в ситуации межкультурного взаимодействия, когда материальная культура и даже похоронная традиция не может надежно свидетельствовать о том, какое этническое сознание имели люди, похороненные в курганах, и на каком языке или языках они говорили. Тут нужен более надёжный подход, когда этничность рассматривается комплексно, с учетом самых разных причин.

НН: *Подкреплена ли научно мысль, что современные беларусы являются потомками легендарных гипербореев? Что Вы думаете на этот счет?*

АД: Есть самые разные интерпретации насчет того, какой реальный прототип имели гипербореи, известные в античных источниках как обитатели севера. По крайней мере, версия о том, что народы на север от скифов и по ту сторону Карпат вполне могли быть этими гипербореями, является достаточно убедительной. Некоторые исследователи связывают их с древними балтами, что населяли эти северные просторы, и происхождение названия кривичи также может быть рассмотрено в связке с этой проблемой.

НН: *Как происходило смешение балтов и славян?*

АД: В перспективе новейших достижений в исторической науке, теория о массовом славянском расселении, миграции и тем более колонизации территории будущей Беларуси выглядит сомнительно. Хотя бы потому, что антропологические и генетические материалы

свидетельствуют о преемственности генофонда беларусов с населением этих мест во времена, которые значительно предшествовали по времени предполагаемой миграции славян.

Саму проблему балто-славянского взаимодействия стоит рассматривать в другом ракурсе. Надо учитывать, что процесс языковой славянизации, вероятно, имел причиной не только миграцию, которая опять повторю, не была массовой, но и внутреннюю эволюцию здешних балтских диалектов, и естественно имел под собой политико-религиозную почву, когда славянская речь, а вместе с нею и идентичность (как и в случае с мерянскими землями, ставшими колыбелью России) шла вместе с княжеской дружиной и христианской церковью. В некотором смысле славянизация продолжается и сегодня — в форме русификации, тогда как беларуская мова сохраняет следы нашего дославянского наследия.

НН: *Братья ли по крови беларусы и русские?*

АД: Этот вопрос мне тоже кажется не очень корректным, ведь на него нельзя ответить однозначно. Если сравнивать физический облик беларусов и русских, как это делают антропологи, то, безусловно, есть значительные различия. Например, основная часть беларусов являются северными европеоидами и относятся к региональному типу балтийской расы. Тогда как жители Центральной России занимают промежуточное положение между северными и южными европеоидами, а также имеют уралоидные признаки.

Вместе с тем, генетическая карта выглядит несколько иначе. Почти на всей территории Восточной Европы преобладают определенные генетические типы — гаплогруппы, которые вовсе не совпадают с этническими границами и отличают нас от жителей Западной Европы. Но дело в том, что эти гаплогруппы могли сформироваться в глубокой древности, поэтому связывать их с проблемами этногенеза не стоит.

НН: *Что Вы думаете о тезисе триединого народа беларусов, украинцев и русских?*

АД: Считаю, что это исторический миф, который имеет идеологическое происхождение и значение. Ни в древности, ни в современности такого народа с единым языком, самоназванием и сознательностью никогда не существовало.

НН: *В 1721 году, благодаря инициативе царя Московии Петра I, название «русины» забрали себе тогдашние московиты (русские). Как*

относиться к этому? Должны ли мы теперь отрекаться от русинского происхождения в пользу литвинизма?

АД: От нашего «русского» наследства ни в коем случае отказываться не надо. Надо просто правильно его понимать, интерпретировать и воспринимать. Начнём с того, что сама «русь» имеет скандинавское происхождение и ее появление тут, история Полоцка, соединяет нас с регионом Балтийского моря.

Во-вторых, «русинство» также надо воспринимать и в литовском контексте как это было в Великом Княжестве Литовском, а не противостоять ему, как это сегодня делают некоторые историки, преследуя определенные идеологические цели. Делая ставку на «русинство» как генеральную линию родословной беларусов, они просто игнорируют все то, что не вписывается в их славяно-православную редакцию истории. А что делать с кривичами, радимичами, ятвягами, какие были в «Руси»? Зачем маргинализировать литовскую традицию, если она господствовала в ВКЛ?

Я понимаю логику, согласно какой «русинская» генеалогия рассматривается как более соответствующая современному состоянию национального сознания беларусов, но по-настоящему действенная стратегия национального строительства, для того чтобы достичь желанных итогов, не должна ориентироваться на аморфную массу, которой легко манипулировать. Надо создавать прочную и исторически обоснованную иерархию идентичности, где найдется место всем слагаемым.

НН: *Насколько целесообразно сейчас связывать своеобразные беларуские традиции (Святкі, Камаедзіца, Сарακі, Пахаванне стралы) с религией?*

АД: Первоначально все эти праздники имели религиозный смысл и культовую сторону. Они были связаны с традиционным этническим Космосом и были точками, которые обеспечивали его гармоничное существование. В этом суть всех праздников.

Теперешний секуляризированный человек ничего не хочет слышать про религиозный смысл, он требует профанических забав и зрелищ. Тогда ему надо идти в цирк. Ну а тому, кто хочет присоединиться к своей этнической традиции, нужно научиться понимать ее, в том числе ту интересную и древнюю религиозно-космологическую философию и теологию, какую она в себя вмещает.

ГОСУДАРСТВА НАШИХ ПРЕДКОВ

Олег Трусов

Долгое время советские историки уверяли беларусов, что никогда раньше у них не было своего государства, и что самая первая беларуская держава появилась на свет только 1 января 1919 года. Правда, о размерах «советской Белоруссии», несколько недель существовавшей в этнографических границах расселения беларусов, они старались не вспоминать, потому что очень скоро (в феврале — марте того же года) большевистское руководство России обрезало нашу территорию более чем вдвое.

Прошли годы. Сейчас любой беларуский школьник знает о Полоцком княжестве — нашей первой державе, о Великом Княжестве Литовском (ВКЛ), о Беларуской Народной Республике (БНР). Но если мы посмотрим на любую этнографическую карту Беларуси, напечатанную в российских, немецких и других изданиях начала XX века, то увидим, что она простирается далеко за восточные границы ВКЛ. Как в этих местах очутились беларусы, как они сохранили вплоть до Первой мировой войны свой язык, фольклор, обычаи, традиционную одежду и кухню? И это несмотря на то, что с XV–XVI веков здесь правили московские власти, поднаторевшие в ассимиляции покоренных народов. Куда, например, девались многочисленные тюркские племена, оказавшиеся в составе Московии в XV–XVI веках, одновременно с частью беларусов?

Беларусы — потомки нескольких племен, в том числе кривичей — сильнее сопротивлялись ассимиляции потому, что отличались более высоким уровнем культурного развития, и в разные времена имели не одно, а несколько своих государств. Так, у кривичей, которых летописи в последний раз упоминают в XII веке, было четыре суверенных государства — Полоцкое княжество, Великое Княжество Смоленское, Великое Княжество Тверское и Господин Великий Псков. Эти государства иногда враждовали между собой, но чаще они совместно выступали против общих врагов: крестоносцев, татар и московитов.

Справка. Кривичи — объединение балтских племен, живших в VI–XII веках южнее Чудского озера, в бассейне верхнего течения Западной Двины, Днепра и Волги. Впервые упоминаются в «Повести временных лет» под 859 годом, последний раз — в 1162 году как жители Полоцкого

и Смоленского княжеств. Главными центрами кривичей являлись города Полоцк, Смоленск, Изборск и Псков.

Сам термин «кривичи» употреблялся и позже. Так, Петр из Дусбурга в «Хронике земли Прусской» сообщает, что в 1314 году маршал Тевтонского ордена Генрих возглавил вторжение в землю кривичей (terra Criwicze), во время которого разрушил Новогрудок (Новогородок).

Известный деятель беларуского национального движения Вацлав Ластовский (1883–1938) считал кривичей прямыми предками беларусов. Об этом красноречиво свидетельствуют названия его книг «История беларуской (кривской) книги» и «Русско-кривский (беларуский) словарь», а также журнала («Кривич»), который он издавал в Ковно (Каунасе) в 1923–27 гг. Однако выводы современной науки менее жесткие. Кривичи — только одна из групп предков беларусов, наряду с другими племенами.

Псковская феодальная республика

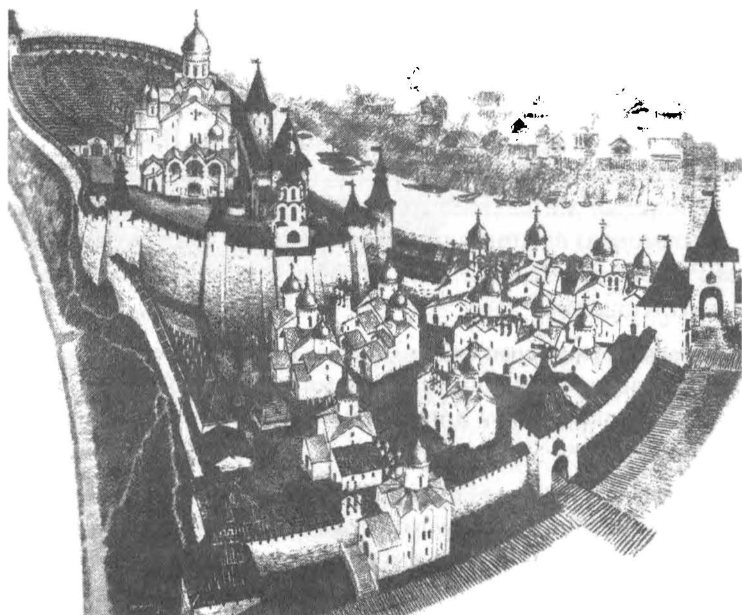
На территории нынешней Псковской области кривичи появились на рубеже VII–VIII веков. Они дошли до южных берегов Чудского озера, частично смешались с местными финскими племенами и образовали отдельную группу «псковских кривичей», обладавшую этнографической спецификой.

Псков возник в VIII веке на высоком холме у слияния рек Великой и Псковы. Археологи обнаружили в исторической части города многочисленные остатки (целые ряды) дохристианских жертвенников. Они имеют овальную форму, сложены из чистого речного песка и по периметру обложены каменными плитами. Рядом лежали скелеты коней, принесенных в жертву. Это означает, что Псков был крупным религиозным центром кривичей. Древнейшей частью города является детинец — Кром, сначала деревянный, а с XIII века каменный. В плане он представляет неправильный многоугольник стен с башнями. Самые знаменитые башни называются Кутекрома и Смердя. Позже вокруг города воздвигли каменные стены с мощными башнями и сильно укрепленными воротами.

Впервые псковские кривичи упоминаются в «Повести временных лет» под 859 годом, в связи с участием в походе на Византию в составе войск киевских князей-варягов Олега и Игоря. Под 862 годом в летописи говорится о варяге Труворе, поселившемся среди псковских кривичей, на берегу Городищенского озера. Это место получило название Труворово городище. Чуть восточнее его (в 250 метрах), на так называемой Жеравьей горе, в 1330 году была по-

строена каменная крепость. Она сложена из плит известняка, имеет 6 башен и занимает площадь в 15 кв. км. Вокруг нее постепенно образовался город Изборск (ныне в 30 километрах западнее Пскова).

Сам Псков впервые упоминается в летописи под 903 годом. До середины XIII века он входил в состав Господина Великого Новгорода, но имел при этом внутреннее самоуправление по новгородскому образцу. Высшим органом власти являлось вече, выбиравшее посадских, сотских и судей. Вече регулировало отношения между феодалами и посадскими людьми, между земледельцами и смердами, ограничивало полномочия служилых князей.

Древний Псков (реконструкция)

В 1240 году город захватили крестоносцы Тевтонского ордена, но уже в 1242 году его отбило войско новгородцев.

В 1265 году из Нальшан, что в Литве, бежал в Псков вместе с дружинниками (до 300 человек) и семьями литвинский князь Довмонт. В следующем году все новоприбывшие крестились. Довмонт получил христианское имя Тимофей, женился на дочери переяславского князя Дмитрия Александровича и стал служилым князем Пскова. Он возглавлял псковитян около 33 лет.

В конце января 1268 года новгородцы организовали поход против ливонских рыцарей и дерптского епископа, на помощь которым

прибыли датчане. Противники сошлись 18 февраля на реке Киюла, в 7 км от Раковора (ныне эстонский Раквере). Датское войско занимало правый фланг, немецкие рыцари — центр, дерптское ополчение стояло на левом крыле. В центре союзной армии стояли новгородцы под командованием посадника Михаила Федоровича и тысяцкого Кондратия, на правом фланге разместились псковичи во главе с князем Тимофеем (Довмонтом), на левом — переяславцы князя Дмитрия Александровича. Поначалу немцы нанесли тяжелые потери новгородцам и псковичам и потеснили их, но затем переяславцы ударили во фланг немцам. Немецко-датское войско отступило.

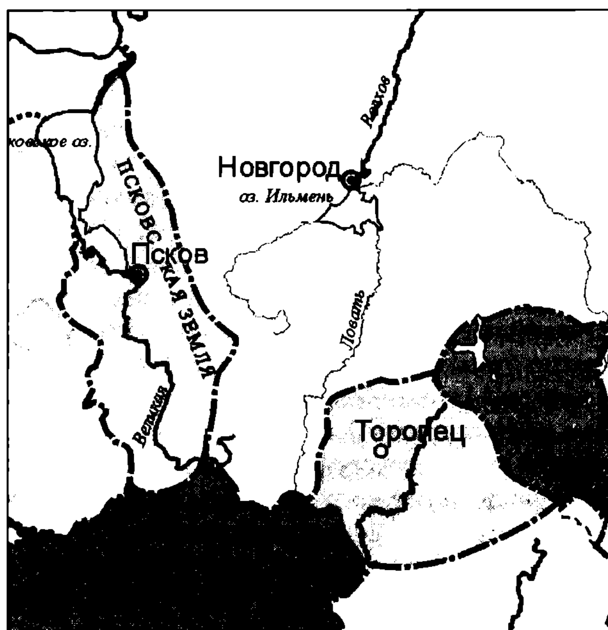
В следующем году Ливонский орден устроил ответный поход на Псков. Но псковичи под предводительством Тимофея и с помощью новгородцев отстояли свой город. В 1271, 1272 и 1298 годах Тимофей снова защищал Псков от нападений ливонцев. Последний раз он разбил их весной 1299 года и вскоре после этого умер (20 мая), оплакиваемый всеми жителями города. После смерти Тимофея Псковского (Довмонта) здешняя церковь объявила его святым и заступником Пскова. Меч князя стал символом псковского государства. В его житии сказано:

> «Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая и попы и нищия и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

Примерно к 1280 году Псков обрел фактическую независимость от Новгорода. Это было прямо связано с деятельностью князя Тимофея (Довмонта). Например, в 1282 году Тимофей захватил новгородское Копорье, откуда совершил нападение на Ладогу. Но только через 55 лет Болотовский договор 1348 года юридически оформил обособление Пскова от Новгорода. С того момента он официально назывался Господин Великий Псков.

Псковское государство было относительно невелико. Оно занимало территорию вдоль рек Великая и Нарова, а также вокруг Псковского озера. С юга на север — около 300 км, ширина до 100 км. Систему укреплений создавали крепости пригородов Пскова (Изборск, Гдов, Остров) и монастырей (Печерский монастырь и другие).

В псковских землях существовало пашенное земледелие, было развито рыболовство. Торговля с Новгородом, Литвой и городами Ганзейского союза сделала Псков крупным ремесленным и торго-

Псковская феодальная республика

вым центром. Среди ремесел выделялись кузнечное, строительное и ювелирное дело. Псков являлся также значительным центром архитектуры, книжной культуры, изобразительного искусства, книжной культуры. Здесь были созданы многочисленные летописи*.

В отличие от Новгорода, в Псковской земле не было крупных феодальных землевладельцев — ни светских, ни церковных. Особенности экономической жизни и землевладения, а также постоянная военная угроза со стороны крестоносцев обусловили сохранение в Пскове вечевого строя. Особое влияние на решения вече оказывал совет бояр (Господа), собиравшийся в пристройке Троицкого собора. Там же находились канцелярия и архив веча, хранились наиболее важные государственные и частные документы. Вече приглашало князей на службу Пскову в качестве военных предводителей.

Сложившиеся в Псковской республике социальные отношения зафиксированы в своде ее законов — Псковской судной грамоте. Она была составлена на основе отдельных постановлений веча, Гос-

---

* Псковские летописи составлены в XIV–XVI веках. Известны 25 списков (вариантов). — *Прим. ред.*

поды и устоявшихся обычаев. Древнюю часть грамоты историки датируют началом XIV века, последняя редакция текста относится примерно к 1469 году. Большинство статей этого документа регламентирует торгово-ремесленные отношения: вопросы купли-продажи, залога, дарения, займа, ссуды, аренды, найма на работу и т.п. Смертная казнь была предусмотрена за государственную измену, кражу имущества в Кроме, поджог или кражу, совершенные трижды.

Псков неоднократно воевал с Полоцким княжеством и ВКЛ, а временами выступал вместе с ними против Ливонского ордена. Наиболее тесный союз с ВКЛ существовал в 1342—49 годах, когда служилым князем в Пскове был Андрей, сын Альгерда*.

В отличие от Новгорода, Псков с середины XV века последовательно проводил промосковскую политику. «Отцы города» считали Москву своей защитницей от территориальных претензий Ливонского ордена, Новгорода и Великого Княжества Литовского.

В 1406—08 и 1426 годах великий князь литовский Витовт безуспешно пытался установить власть над Псковом. В 1456, 1471 и 1478 годах Псков активно поддержал действия Москвы по ограничению, а затем и ликвидации независимости Новгорода. Он выступил на стороне Московии и в ее войне 1500—1503 годов против ВКЛ.

Однако все это не помогло псковичам. В 1510 году Московия силой и коварством захватила Псковскую республику. По приказу великого князя Василия III вече было ликвидировано. Триста семей «лутших людей» московиты вывезли из Пскова в разные города Московии. Их имущество, усадьбы и земли великий князь конфисковал и раздал своим служилым людям.

А в 1570 году великий князь московский Иван IV («Грозный») окончательно добил Псков. В городе его опричники казнили свыше 100 приказных людей (чиновников), купцов и монахов. Но главное, они ограбили «до нитки» всех жителей, все церкви и все монастыри. Более того, по приказу Ивана московиты сожгли в окрестных селениях множество жилых и хозяйственных построек, отобрали запасы хлеба, домашний скот и лошадей. С тех пор Псков превратился в захолустье Московского государства, где поселились многочисленные пришельцы — военнослужащие и чиновники вместе со своими семьями.

---

* В 1378 году князь Андрей снова стал князем в Пскове. Он погиб в 1399 году в битве на Ворскле. Вероятно, ему было тогда не менее 70 лет. — *Прим. ред.*

Тем не менее, этнографическая специфика кривичей сохранялась в псковских землях еще очень долго, до начала XX века. А южные уезды Псковской губернии вообще были населены преимущественно беларусами — в современном смысле термина.

Великое Княжество Смоленское

На территории нынешней Смоленщины изначально жили племена днепровских балтов. В VIII веке здесь появились кривичи и радимичи. Они под натиском германских племен переселялись в бассейн Сожа и Днепра. Пришельцы ассимилировали местное население и стали называться «смоленскими кривичами». В то же самое время здесь появились и варяги, проложившие по Двине и Днепру торговый путь «из варяг в греки».

В IX веке возникли первые городища смоленских кривичей — Гнёздово на Днепре, а затем Смоленск (12 километров восточнее Гнёздово). Смоленск быстро стал крупным пунктом торговли и ремесленного производства. В «Повести временных лет» он впервые упоминается под 863 годом. А в Устюжском (Архангелогородском) летописном своде о Смоленске сказано под 865 годом. Название города ученые выводят от слова «смолить», имея в виду пропитку смолой корпусов купеческих кораблей, плывших по Днепру в Черное море и далее в Константинополь.

Политическое обособление земель в верхнем течении Днепра началось с 30-х годов XI века, однако Смоленщина оставалась волостью Великого княжества Киевского. Кроме самого Смоленска, другими важными ее центрами были Орша, Мстиславль и Торопец. При князе Ростиславе Мстиславиче (1125—1159), внуке Владимира Мономаха, княжество стало вполне самостоятельным и значительно расширило свою территорию. В 1136 году Ростислав учредил в Смоленске епархию греческой православной церкви, даровал ей земли и привилегии. При нем был создан и первый законодательный документ — «Устав Ростислава».

Территория Смоленского княжества значительно увеличилась. Князь Ростислав захватил полоцкий город Копысь, затем отобрал у черниговских князей земли северных радимичей. Здесь возникли крупные (по меркам того времени) города Рославль, Кречут (Кричев) и Прупой (Пропойск, ныне Славгород). На востоке Смоленщины в то время появились Дорогобуж и Ельня. Путь с Днепра на Волгу контролировал город Вязьма.

Следующим смоленским князем стал старший сын Ростислава — Роман (1160–1180). При нем укрепилось местное боярство, а на севере Смоленщины возникло первое удельное княжество с центром в городе Торопец. Здесь княжил Мстислав, младший сын Ростислава, брат Романа.

Когда князь Роман Ростиславич умер, его сменил другой младший брат — Давыд. Он в 1187 году подавил восстание горожан, спровоцированное голодом, и казнил многих видных бояр. У Давыда была сильная дружина из наемников-варягов. С ее помощью он захватил полоцкие земли на Западной Двине. Это позволило Смоленску развернуть активную торговлю с ганзейскими городами, расположенными по берегам Балтийского моря.

В 1230 году произошли сразу несколько трагедий: землетрясение, неурожай, голод и эпидемия чумы, от которой умерли тысячи людей, в том числе князь Мстислав Давыдович. В 1238 году к Смоленску подошли войска хана Батыя. О борьбе смолян с татаро-монголами рассказывает «Повесть о Меркурии Смоленском». Смоляне выстояли, но с 1275 года им все же пришлось платить дань Золотой Орде.

Хотя им удалось избежать татарского вторжения, с того времени начался упадок княжества, отягощенный усобицами между двумя линиями смоленских князей — Романовичами и Давыдовичами. В результате серии вооруженных конфликтов во второй половине XIII века выделились Вяземский и Можайский уделы.

В начале XIV века Смоленск окончательно утратил контроль над Витебском, но в его сферу влияния попал Брянск. Тогда же от Смоленского княжества отошли к ВКЛ земли Поднепровья, бассейн реки Проня, Верхнее Поволжье. При князе Иване Александровиче (1313–1358) Смоленск оказался в вассальной зависимости от ВКЛ. Около 1328 года князь Иван признал Гедимина, отца Альгерда, своим «старшим братом» — ради сохранения торгового пути по Западной Двине.

В 1331 и 1333 годах московские войска дважды нападали на Смоленск, но он сумел отразить агрессию и после этого прекратил выплату дани Золотой Орде*.

---

* Напомним читателям, что Московское княжество, возникшее в 1276 или 1277 году при Данииле Александровиче, изначально являлось одним из улусов Золотой Орды. Его властителям был поручен сбор дани для великого хана у северных и западных соседей княжества. — *Прим. ред.*

В 1348 году смоленская дружина участвовала вместе с войсками ВКЛ в сражении с крестоносцами на реке Страве. В этой битве погиб один из смоленских князей.

В 1352 году на Смоленщину пришла из Московии эпидемия чумы. Умерло много людей и государство ослабело. Воспользовавшись этим, великий князь литовский Альгерд присоединил к ВКЛ города Мстиславль, Кричев и Рославль.

Позже он заключил союз со смоленским князем Святославом Ивановичем (1358–1386) и они вместе совершили в 1377 году успешный поход на Москву. После смерти Альгерда (в 1377 г.) власть в ВКЛ перешла к Ягайло, который с 1385 года стал еще и королем Польши. Его старший брат, полоцкий князь Андрей решил с помощью крестоносцев и смоленского князя Святослава воспользоваться переездом Ягайло из Вильни на постоянное жительство в Краков и захватить власть в ВКЛ. Святослав безуспешно попытался взять Витебск и Оршу, потом осадил Мстиславль. Однако войска Ягайло 7 мая 1386 года разбили смолян на реке Вехре, под Мстиславлем. Князь Святослав Иванович погиб, а Смоленское вече заплатило большой выкуп. Княжество утратило еще часть территории, в том числе город Ржев.

Новый князь Юрий Святославич (1386–1392) присягнул на верность Ягайло, то есть стал его вассалом. Его брат Глеб Святославич (1392–1396) тоже находился в вассальной зависимости от ВКЛ. Использовав в своих интересах усобицу между Глебом и Юрием, великий князь Витовт в 1395 году захватил Смоленск и посадил там своих наместников. Вместо княжества Витовт учредил Смоленскую землю, то есть воеводство. Глеба он отправил в ВКЛ, а Юрий бежал в Рязань к своему тестю Олегу Ивановичу и с его помощью в 1401 году вернул город.

Витовт немедленно прибыл к Смоленску, но взять не смог. То же самое повторилось в 1402 и 1403 годах. Зато Витовт взял Можайск, после чего Смоленск оказался в окружении земель ВКЛ. Использовав нейтралитет Москвы и смерть Олега Рязанского, в 1404 году Витовт вернул Смоленск: «винных всех... позабивал до троих тысячей и, абы в Смоленску не было болшей уже бунтов, а княжество обернул в воеводство».

Несмотря на принятые меры, в апреле 1440 года жители Смоленска снова восстали и свергли воеводу Андрея Саковича, наместника великого князя. Смоляне пригласили к себе воеводой дорогобужского князя Андрея Дмитриевича, а «осподарем» — мстиславского князя Юрия Лугвеновича (ок. 1395–ок. 1458). Юрий арестовал смо-

ленских бояр, вернувшихся из Вильни с выборов нового великого князя, конфисковал их собственность и раздал ее своим сторонникам.

Новый князь ВКЛ и польский король (в одном лице) Казимир IV, только что занявший престол, послал войско к Смоленску. Но оно, простояв три недели под стенами города, не решилось на штурм и вернулось назад. Тогда в ноябре1440 года Казимир сам выступил против повстанцев. Узнав об этом, князь Юрий бежал в Москву, а оттуда в Новгород, войска Казимира заняли Смоленск и другие города княжества. Восстание угасло.

В XV веке Смоленск процветал. Смоленской землей управлял наместник великого князя, представлявший местных феодалов в Сейме и Раде ВКЛ. Существовало городское вече, решавшее вопросы повседневной жизни города и окрестностей. При наместнике заседала местная Рада. В нее входили смоленский епископ, маршалок и другие должностные лица. Горожане избирали себе старосту. Смоленская земля делилась на волости во главе с тиунами. Привилегии смолянам даровали великие князья Литвы Витовт (в 1404 г.), Казимир IV (в 1442 г.), Александр (в 1505 г.) и Сигизмунд I (в 1513 г.).

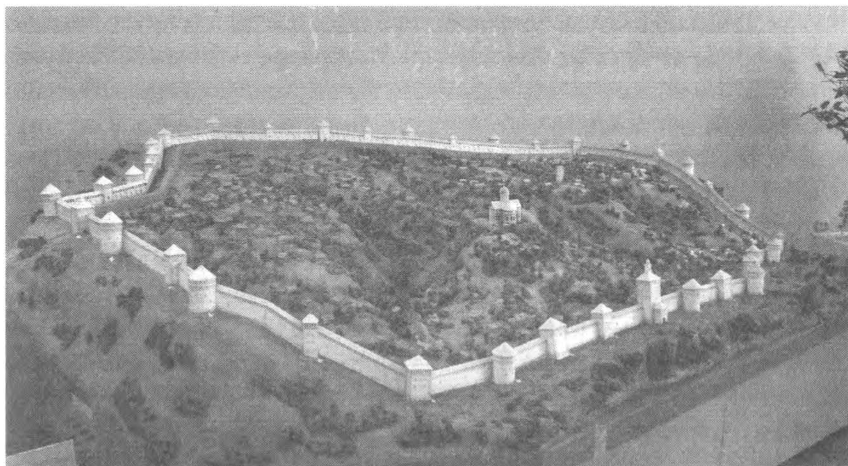
В 1410 году Смоленский полк (хоругвь) отличился в Грюнвальдской битве*.

Смоленск являлся важным центром беларуского летописания. В XIII–XV веках здесь были созданы несколько летописей, известных под общим названием «Смоленские», а также «Смоленская хроника» (около 1430 г.), «Беларуско-литовская летопись» (1446 г.) и переписана в XV веке знаменитая «Радзивиловская летопись», составленная двумя столетиями раньше.

В начале XVI столетия мирная жизнь Смоленска прервалась. В 1514 году, во время войны 1512–22 годов между Московией и ВКЛ, город и все воеводство захватили московиты. Они сделали его своим форпостом на западном направлении. С этой целью «розмысл» (архитектор) Федор Конь в 1596–1602 годах построил вокруг Смоленска мощные каменные стены с башнями, сохранившиеся до нашего времени.

Таким образом, с 1396 и до 1514 года (115 лет, не считая мятежа 1401–1404 гг.) Смоленское княжество являлось составной частью

* Русские авторы обычно упоминают «три смоленских полка», но в действительности при Грюнвальде были хоругви из Смоленска, Орши и Мстиславля под общим командованием князя Семена (Лугвена) Альгердовича. Все три «земли» являлись частью ВКЛ. — *Прим. ред.*

Макет Смоленской крепости, построенный Федором Конем

ВКЛ. Далее им до 13 июня 1611 года (97 лет) владели московиты.

Сигизмунд III, король Речи Посполитой, в 1611 году отвоевал Смоленск, после чего город и воеводство еще 43 года оставались за Литвой. В ноябре 1611 года король даровал Смоленску Магдебургское право, в нем были созданы 4 цеха ремесленников. В 1613 году сейм Речи Посполитой официально восстановил Смоленское воеводство. Кроме самого Смоленска, в него вошли города Белый, Дорогобуж, Красный Городок, Невель, Почеп, Рославль, Себеж, Стародуб, Трубчевск и Чернигов с прилегающими к ним землями. Этот факт в 1618 году признали власти Московии, когда заключали Деулинское перемирие с Речью Посполитой.

Но в октябре 1654 года московиты вторично захватили Смоленск. С тех пор он входит в состав России. Тем не менее, даже в 1859 году — после 205 лет российского господства — большинство населения губернии считало себя беларусами. Вот данные из книги «Смоленская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года» (издание Центрального статистического комитета МВД, Санкт-Петербург, 1868 г.): беларусов — 46,68% против 42,42% русских. И что еще важнее — они жили не смешанно, а раздельно. Из 12 уездов семь (включая Смоленский) были этнически беларускими (беларусов там жило в 10–20 раз больше, чем русских), а в пяти уездах беларусов не было вообще.

Примерно такие же результаты дала всероссийская перепись населения 1897 года. Снова большинство жителей Смоленской губернии своим родным языком назвали беларуский!

Эти данные, в числе других, приводило в 1926 году руководство БССР, аргументируя необходимость возврата в состав ССРБ пусть не всей Смоленской области, но хотя бы беларуских уездов. Однако московское руководство не вернуло Беларуси ни одного из этих уездов, так как этнически беларуским был сам город Смоленск. Возврат уездов без Смоленска выглядел бы «непоследовательным». Сыграли роль и представления о Смоленске как «западных воротах на Москву», и суждения шовинистически настроенных российских историков-консультантов о том, что Московия «давно отвоевала Смоленск у ВКЛ». В итоге Смоленский уезд (в 1859 году 82.636 беларусов против 7611 русских и 1077 лиц других национальностей) остался в России, хотя 90,4% его населения — этнические беларусы...

Великое Княжество Тверское

Это государство возникло в XIII веке на территории, населенной кривичами, и существовало с 1247 по 1485 год — 238 лет.

Сам город Тверь появился в XII веке и сначала принадлежал Господину Великому Новгороду, а с 1209 года стал уделом Переславль-Залесского княжества, вассального по отношению к Владимиру. Но в связи с тем, что татаро-монголы в 1238 году завоевали Владимиро-Суздальские земли, Тверь с 1247 года стала независимой. Тогда здесь правил князь Ярослав Ярославич, родной брат Александра Ярославича «Невского». С 1264 года он стал великим князем Владимирским. Возвышению Твери весьма способствовало учреждение здесь около 1265 года епископии во главе с Симеоном, бывшим епископом Полоцким. Вторым тверским епископом в 1289–1316 годах был Андрей, сын полоцкого князя Герденя.

К числу основных тверских «градов» относились Дорогобуж, Зубцов, Калязин, Кашин, Клин, Кснятин, Микулин, Старица, Телятево и Холм. На стыке границ ВКЛ, Господина Великого Новгорода, Московии и Твери, в верхнем течении Волги, стоял город Ржев, неоднократно переходивший из рук в руки. Определенное время Ржевом одновременно владели и ВКЛ, и Новгород, а жители города делили свою дань поровну между обоими господами.

Столица новой державы не могла обойтись без каменного собора. И в 1285 году его заложили князь Михаил Ярославич, его мать княгиня Аксинья и епископ Симеон. Епископ Андрей в 1290 году освятил новый храм во имя святого Спаса Преображенского (это

название созвучно Спасо-Преображенской церкви, построенной в XII веке святой Ефросинией Полоцкой). Храм был кафедральным (т.е. главным) в новом государстве, его духовным центром.

Таким образом, Тверь опередила Москву в области каменного строительства. Храм был воздвигнут из белого камня и украшен резьбой. В XVI–XVII веках храм несколько раз перестраивали. Но в 1935 году большевики снесли его, разрушив до основания.

В 1369 году князь Михаил Александрович укрепил Тверь деревянным кремлем, а в 1372 город окружили земляным валом.

Расцвет Твери пришелся на XIII–XV века, когда он был крупным культурным, ремесленным и торговым центром. Тверские купцы торговали с городами Прибалтики и Кавказа, Ближнего Востока и Средней Азии. Самый известный среди них — Афанасий Никитин, который в 1466–1472 годах первым из европейцев совершил путешествие в Индию. Он был образованным человеком, владел татарским, персидским и арабским языками. Сначала по Волге и Каспию Никитин доплыл до города Дербент (в нынешнем Дагестане), а оттуда в Баку и Персию. Из персидского порта Ормуз (ныне Бендер-Аббас) Никитин морем добрался до Индии. В Индии купец прожил около трех лет. Назад он возвращался через Аравийское море, Персию, Малую Азию. Из Трапезунда он, переплыв Черное море, прибыл в Крым, в город Кафа (ныне Феодосия). Покинув Крым, немного не доехал до дома и осенью 1472 года умер под Смоленском*. В 1955 году земляки поставили в Твери на гранитном постаменте бронзовый памятник Никитину.

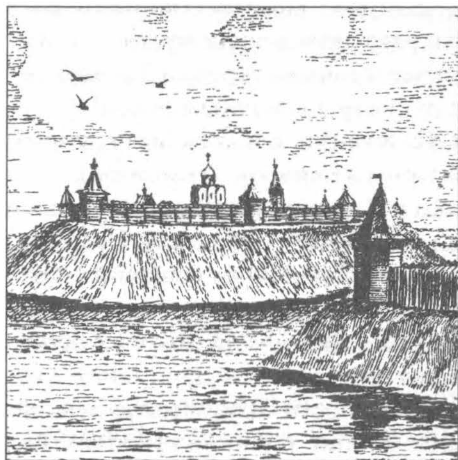
Весьма активно развивалось в Твери изобразительное искусство. Местные художники создали в XIII–XV веках свою живописную школу, прославившуюся иконами и книжными миниатюрами. Известна Тверь и летописями, часть которых сохранилась до наших дней. Самая знаменитая среди них — «Хроника Георгия Амартола».

В первой половине XIV века шла борьба между князьями Твери и Москвы за ярлык хана Золотой Орды на великое Владимирское княжение. Как отметил один современный русский историк, на стороне тверских князей были права старшинства, личный героизм, юридические и моральные аргументы. На стороне московских — деньги, умение приспосабливаться к обстоятельствам и склонность к предательству. Все же трем князьям Твери удалось получить заветный титул. Это Михаил Ярославич (великий князь Владимирский

* Научное издание его записок было осуществлено в 1958 году под названием «Хождение за три моря». — *Прим. ред.*

в 1305–1317 гг.), его сыновья Дмитрий Михайлович (в 1322–1326 гг.) и Александр Михайлович (в 1326–1328 гг.).

В это же время Тверь установила дружеские отношения с ВКЛ. В 1320 году Мария, дочь великого князя Гедимина, вышла замуж за тверского князя Михаила Александровича, а несколько позже дочь князя Кейстута стала женой его сына Ивана Михайловича. Довольно часто тверские хоругви вместе с литвинскими воевали против крестоносцев.

Древняя Тверь

В борьбе против тверских князей московские правители постоянно опирались на Орду и татарские войска. Так, московский князь Юрий Даниилович убил в Орде своего свояка князя Михаила Тверского, но и сам 21 ноября 1325 года погиб от руки его сына Дмитрия.

В 1327 году Тверь восстала против Орды. В городе был убит татарский посол, уничтожена его дружина. Тогда хан Золотой Орды поручил московскому князю Ивану Калите покарать тверичей. Калита возглавил татарское войско, разгромил повстанцев и полностью разграбил Тверское княжество. За это в 1328 году он получил от хана титул великого князя Владимирского. Именно с этого мерзкого эпизода началось возвышение Московии.

Однако Тверь постепенно возродилась. С помо-

щью литовского великого князя Альгерда, который в 1347 году вторым браком женился на тверской княжне Ульяне Александровне, она продолжала сражаться с Москвой. Так, в ноябре 1368 года Альгерд поддержал тверичей, пошел вместе с ними на Москву, осадил ее и три дня стоял под стенами города, пока не получил откуп.

В 1370 году московский князь Дмитрий Иванович («Донской») снова напал на Тверь. Тогда Альгерд вторично пошел на Москву и 6 января 1370 года взял ее в осаду. В это же время тверской князь получил в Орде ярлык на Владимирское великое княжение. В 1372 году войска ВКЛ под предводительством Витовта и Кейстута снова вторглись в Московию, чтобы поддержать своего ставленника.

В 1375 году московский князь Дмитрий Иванович организовал своего рода «крестовый поход» против Твери, мобилизовав воинские дружины 19 удельных князей. Князь Михаил мужественно оборонялся. Осада Твери длилась 5 недель, но город выстоял. Тогда захватчики разрушили окрестные города и села. Князь Михаил предложил мир, что и было принято.

В 1385 году тверской князь Василий Михайлович женился на дочери киевского князя Владимира Альгердовича. Таким образом, связь тверичей с литовской династией Гедеминовичей не прерывалась.

В 1430 году великий князь Витовт пригласил на свою коронацию вместе с московским князем Василием Васильевичем и тверского князя Бориса Александровича. Шесть недель множество гостей пировало у Витовта, но коронация не состоялась. По дороге через Польшу корону украли, а 80-летний Витовт вскоре после этого умер. Однако связи тверских князей и Гедеминовичей остались крепкими, так как тверская княжна родила от Альгерда семерых сыновей, в том числе знаменитого Ягайло.

Наибольший расцвет экономики и культуры тверской державы пришелся на первые две трети XV века, когда в Московии шла долгая гражданская война, вследствие чего набеги на Тверь прекратились. В начале этого столетия князь Иван Михайлович стал чеканить свои деньги — тверские пулы. Широкой славой пользовались тверские металлурги: они лили колокола и пушки.

Последний период расцвета Твери наступил при князе Борисе Александровиче, правившем в 1425–1461 годах.

Однако при князе Иване III Васильевиче Московия укрепилась, ее подчинение Орде после знаменитого «стояния на Угре» (в 1480 г.) значительно ослабло, и она приступила к систематическому захвату земель по всем направлениям. Первой ее жертвой стал Новгород.

Пришла очередь и Твери. Сначала здесь (как раньше в Новгороде, Пскове и Рязани) была создана среди бояр — путем подкупа — своя «пятая колонна». Великий князь литовский Казимир IV, являвшийся одновременно и польским королем, проводил недальновидную внешнюю политику. Он не поддержал Тверь, несмотря на союзные договоры 1449 и 1484 годов.

В сентябре 1485 года войска Ивана III окружили Тверь. Через несколько дней подкупленные бояре перешли на сторону Москвы. Тверской князь Михаил Борисович с семьей и небольшой дружиной сумел бежать в Литву, тогда как его мать, княгиня Настасья, попала в плен к московитам и была вывезена в Москву. «И так кончилось Великое Княжество Тверское» — печально отметил летописец в Волынской краткой летописи.

Тверские князья:

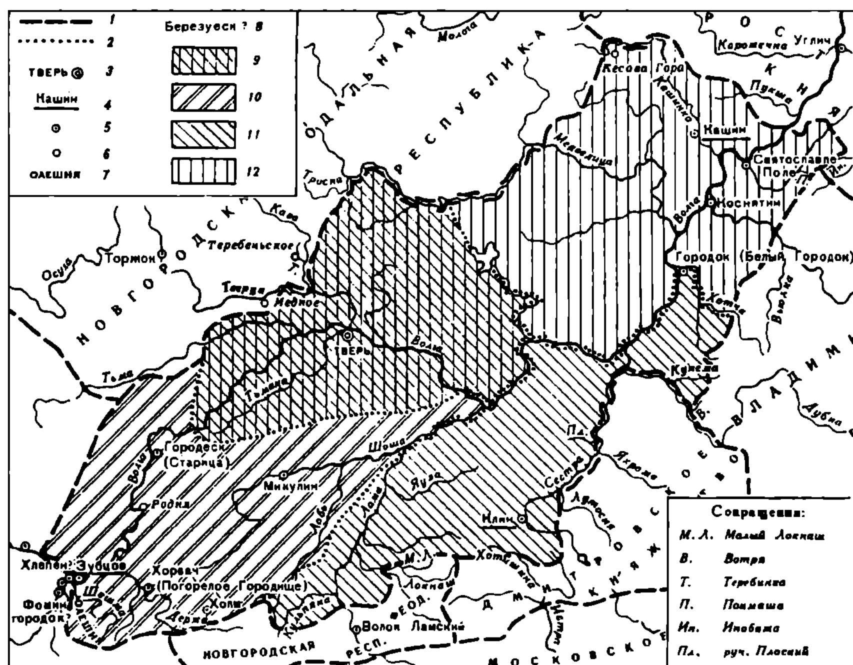
Ярослав Ярославич (1247–1272)
Святослав Ярославич (1272–1285)
Михаил Ярославич (1285–1318)
Дмитрий Михайлович (1318–1326)
Александр Михайлович (1326–1339, убит в Орде с сыном Федором)
Михаил Александрович (1339–1349)
Василий Михайлович (1349–1368)
Михаил Александрович (1368–1399)
Иван Михайлович (1399–1425)
Александр Иванович (1425, май — октябрь)
Борис Александрович (1425–1461)
Михаил Борисович (1461–1485)/

Утратив Тверь — последнего надежного союзника на Востоке, ВКЛ вскоре стало терпеть серьезные поражения от Московии. В 1513 году оно утратило Смоленск. Только победа князя Константина Острожского под Оршей в сентябре 1514 года приостановила московскую агрессию на 50 лет, до Ливонской войны.

Новый московский царь Иван IV Васильевич — внук Ивана III, хорошо знал, что тверичи часто вспоминали былое вольное житье, когда у них были свои собственные князья, породнившиеся с династией Гедиминовичей. В декабре 1569 года войска Ивана Грозного со всех сторон окружили Тверь и стояли тесным кольцом пять дней. А в городе злодействовали опричники. Сначала они ограбили священников, начав с епископа, потом горожан. Затем войска вошли в город и вместе с опричниками убили множество простых людей,

в том числе женщин и детей. Затем по приказу Ивана взялись за пленных полочан и ливонских немцев. Их всех порубили на куски, останки бросили в проруби на замерзшей Волге. В Твери было уничтожено почти все население, не менее 90 %. Отсюда царские каратели пошли в Торжок и Новгород — истреблять тамошних жителей.

Весь XVII век Тверь пребывала в запустении, и только в XVIII столетии постепенно отстроилась. В 1775 году она стала центром одноименной губернии.

Великое княжество Тверское в 1322 г.

Вопреки столетиям господства московитов, беларуское присутствие в ряде уездов Тверской губернии сохранялось и в XIX веке. Согласно переписи 1897 года, беларусами назвали себя около 125 тысяч человек, живших в Осташковском, Зубцовском и Ржевском уездах. В наибольшей мере сохранили свою этнографическую специфику крестьяне, жившие по берегам реки Туд, впадающей в Волгу. Их язык, мотивы песен, традиционная одежда и пляски были тождественны беларуским. Этих приволжских беларусов называли тудовляне. В 1903 году они насчитывали до 45 тысяч человек. Более того, этнические признаки беларусов местные краеведы зафиксировали у тудовлян даже в середине 1960-х годов!

* * *

В конце своего рассказа о забытой беларуской державе — Великом княжестве Тверском — хочу привести цитату из книги современного российского историка Андрея Буровского:

> «Там, где воюют Москва и Литва, воюют Европа и Азия. Не случайно границу этих частей света с XV века и до этого времени упорно проводят через территорию Руси. И выбор... Твери между Великим Княжеством Литовским и Москвой — это не просто выбор вассала между двумя сюзеренами и не просто решение, в какое более крупное и сильное государство войти. Это выбор между Европой и Азией».

Совершенно верно европейцы на своих картах на месте Московии помещали надпись «Великая Татария».

Чтобы нам снова не оказаться в составе соседнего «евроазиатского» государства — вместе с Чечней, Татарстаном, Башкирией и Тувой, надо хорошо знать свою историю. Далеко не случайно трудно найти сведения о независимой Твери в российских учебниках и энциклопедиях. Тверь и сегодня остается для Москвы тем «Карфагеном, который должен быть разрушен».

Большевики в 1931 году даже изменили древнее название города на Калинин, чтобы ничто не напоминало о былой славе тверичей. Однако СССР рухнул, слово «Тверь» снова появилось на географических картах. Нам следует помнить о беларуском присутствии на берегах Волги и о том, что Волга, которую в России называют великой русской рекой, начинается в кривичской (беларуской) земле — как и Днепр, как и Западная Двина.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Князья Полоцкие

960–987/988. Рогволод

987/988–1003 (или 980–1003). Изяслав Рогволодич

1003–1044. Брачислав Изяславич

1044–1068. Всеслав Брачиславич

1069. Мстислав Изяславич (из Туровской ветви князей Киевских)

1069–1071. Святополк Изяславич (из Туровской ветви князей Киевских)

1071–1101. Всеслав Брачиславич (вторично)

1101–1127. Не установлено, кто из сыновей Всеслава Брачиславича получил в удел собственно Полоцк.

1127–1128. Рогволод (Борис) Всеславич

1128–1129. Давыд Всеславич

1129–1132. Изяслав Мстиславич Мономашич

1132. Святополк Мстиславич Мономашич

1132–1144. Василько Святославич (из Витебской линии Рогволодичей)

1144–1151. Рогволод (Василий) Борисович (из Друцкой линии Рогволодичей)

1151–1159. Ростислав Глебович (из Минской линии Рогволодичей)

1159–1162. Вторично Рогволод (Василий) Борисович (из Друцкой линии)

1162–1167. Всеслав Василькович (из Витебской линии Рогволодичей)

1167 — Володарь Глебович (из Минской линии Рогволодичей)

1167–около 1181. Вторично Всеслав Василькович (из Витебской линии Рогволодичей)

Около 1181–1186. Борис (из Витебской линии Рогволодичей)

1186–1216. Владимир (из Минской линии Рогволодичей)

1216–1221. Василько (из Минской линии Рогволодичей)

1221–1222. Борис и Глеб (из Друцкой линии Рогволодичей)

1222–1232. Святослав Мстиславич (из Смоленской линии князей Киевских)

1232–ок. 1248. Брачислав Василькович (из Витебской линии Рогволодичей)

Полоцкие князья, назначенные из ВКЛ

Не позже 1252–1263. Товтивил, зять Брачислава Васильковича, племянник Миндовга

1264. Константин Безрукий, вероятно, сын Брачислава Васильковича

1264. Изяслав Витебский

1264–1267. Гердень

1267–ок. 1270. Изяслав Витебский (вторично)

ок. 1270–ок. 1290. Константин Безрукий (вторично)

Гедиминовичи

1307–1336. Воин

1336–1345. Наримонт (Глеб) Гедиминович

1345–1377. Андрей Ольгердович

1377–1382. Скиргайло (Иван) Ольгердович

1382–1387. Андрей Ольгердович (вторично)

Князья Туровские

988–1015. Святополк Владимирович (незаслуженно прозванный «Окаянным»)

1015–1042. Под властью князей Киевских

1042–1052. Изяслав Ярославич

1052–1072. Под властью князей Киевских

1072. Святополк Изяславич

1072–1077. Под властью князей Волынских

1077–1078. Святополк Изяславич (вторично)

1078–1086. Ярополк Изяславич

1088–1093. Святополк Изяславич (в третий раз)

1093–1125. Под властью князей Киевских

1125–1132. Вячеслав Владимирович

1132–1134. Изяслав Мстиславич

1134–1142. Вячеслав Владимирович (вторично)

1142. Святослав Всеволодович

1142–1146. Вячеслав Владимирович (в третий раз)

1146–1148. Ярослав Изяславич

1148–1150. Святослав Ольгович

1150–1151. Андрей Юрьевич «Боголюбский»

1151–1154. Под властью князей Киевских

1154. Святослав Всеволодович

1156–1157. Борис Юрьевич

1157–1168. Юрий Ярославич (основатель династии Юрьевичей)

1168–ок. 1172. Иван Юрьевич

ок. 1172–1190. Святополк Юрьевич

1190–1195. Глеб Юрьевич
1195–1207. Иван Юрьевич
1207–1223. Андрей Иванович
середина XIII века. Юрий Андреевич
конец XIII — начало XIV вв. Семен Юрьевич

Князья Смоленские

1093–1097. Давыд Святославич (ок. 1050–1123) — сын князя Святослава Черниговского, князь Смоленский в 1093–1097, князь Черниговский в 1097–1123.

1125–1159. Ростислав Мстиславич, внук Владимира Мономаха, князь Смоленский в 1125–1159 (основатель династии, его потомки правили княжеством вплоть до полной утраты самостоятельности в 1404 году).

1358–1386. Святослав Иванович, погиб в битве с литовцами на реке Вехре.

1386–1401. В составе Литвы, под властью наместника вел. князя Витовта.

1401–1404. Юрий Святославич — последний князь Смоленский.

Первый известный смоленский князь — Станислав Владимирович, младший сын великого князя киевского Владимира I Святославича, находился на смоленском княжении при жизни отца.

В 1050-е годы в Смоленске княжили младшие сыновья Ярослава Всеволодовича («Мудрого»), в 1070-е — внук Ярослава — Владимир II Мономах.

В 1090-е гг. Смоленск становится постоянным местом княжения. Вплоть до 1125 года (с кратким перерывом) им управляют сыновья Владимира Мономаха. Вот максимально полный список князей за все время существования Смоленского княжества.

Князья Смоленские (Ярославичи)

1. ок. 988 или ок. 1010 — ранее 1015 — Станислав Владимирович (984/987 — до 1015), сын великого князя киевского Владимира Святославича.

2. 1054–1056/1057 — Вячеслав Ярославич (1033/1036–1056/1057), сын великого князя киевского Ярослава Мудрого, получил Смоленское княжество после смерти отца.

3. 1056/1057–1060 — Игорь Ярославич (1033/1036–1060), сын великого князя киевского Ярослава Мудрого, наследовал Смоленск после смерти брата Вячеслава, ранее — князь владимиро-волынский.

4. 1073–1078 — Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125), внук Ярослава Мудрого, сын переяславского князя Всеволода Ярославича.

Получил Смоленск после изгнания из Киева князя Изяслава и перемещения Всеволода на княжение в Чернигов; позже князь черниговский, переяславский, великий князь киевский.

5. ок. 1093–1095 — Мстислав Владимирович (1076–1132), внук Всеволода Ярославича, сын переяславского князя Владимира Мономаха. Посажен в Смоленск отцом; ранее князь новгородский, ростовский; позже — ростовский, новгородский, белгородский, великий князь киевский.

6. 1095 — Изяслав Владимирович (ум. 1096), внук Всеволода Ярославича, сын переяславского князя Владимира Мономаха. Переведен в Смоленск взамен брата Мстислава; ранее князь курский, позже — муромский.

7. 1095–1097 — Давыд Святославич (ок. 1050–1123), внук Ярослава Мудрого, сын великого князя киевского Святослава Ярославича. Занял Смоленск, изгнав из него Изяслава; ранее князь переяславский, муромский, новгородский; позже — черниговский.

8. 1097–1113 (возможно, были соправителями или сменяли друг друга) Святослав Владимирович (ум. 1114), внук Всеволода Ярославича, сын переяславского князя Владимира Мономаха, позже князь переяславский

и (9) Ярополк Владимирович (1082–1139), внук Всеволода Ярославича, сын переяславского князя Владимира Мономаха, позже князь переяславский, великий князь киевский.

10. 1113–1127 — Вячеслав Владимирович (ок. 1083–1154), внук Всеволода Ярославича, сын великого князя киевского Владимира Мономаха. Унаследовал Смоленск от брата Святослава; позже князь туровский, переяславский, пересопницкий, вышгородский, великий князь киевский.

Князья Смоленские (Ростиславичи)

11. 1127–1159 — Ростислав Мстиславич (ок. 1108–1167), сын великого князя киевского Мстислава Владимировича, одновременно князь новгородский и великий князь киевский (1054–1055), позже великий князь киевский (1159–1167).

12. 1159–1171 — Роман Ростиславич (первое княжение) (ум. 1180), сын Ростислава Мстиславича, позже великий князь киевский (1171–1172).

13. 1171–1172 — Ярополк Романович (первое княжение) (ум. после 1177), внук Ростислава Мстиславича, сын Романа Ростиславича.

14. 1172–1174 — Роман Ростиславич (второе княжение), позже великий князь киевский (1174–1176).

15. 1174–1175 — Ярополк Романович (второе княжение), позже князь трипольский.

16. 1175–1176 — Мстислав Ростиславич Храбрый (ум. 1180), сын Ростислава Мстиславича, ранее князь белгородский, позже — князь новгородский.

17. 1176–1180 — Роман Ростиславич (третье княжение), одновременно князь новгородский.

18. 1180–1197 — Давыд Ростиславич (1140–1197), сын Ростислава Мстиславича, ранее князь новгородский, торжокский, витебский, вышгородский.

19. 1197–1213/1214 — Мстислав Романович Старый (ум. 1223), внук Ростислава Мстиславича, сын Романа Ростиславича, ранее князь псковский, белгородский, позже — великий князь киевский (1213/1214–1223).

20. 1213/1214–1219 — Владимир Рюрикович (1187–1239), внук Ростислава Мстиславича, сын Рюрика Ростиславича, ранее князь переяславский, позже — князь овручский, великий князь киевский (1223–1235, 1235–1239).

21. 1219–1230 — Мстислав Давыдович (1193–1230), внук Ростислава Мстиславича, сын Давыда Ростиславича.

22. 1230–1232 — Ростислав Мстиславич (ум. после 1239), внук Давыда Ростиславича, сын Мстислава Давыдовича, позже великий князь киевский (1239).

23. 1232–1238/1239 — Святослав Мстиславич (? — ?), внук Романа Ростиславича, сын Мстислава Романовича Старого, ранее князь новгородский, полоцкий.

24. 1238/1239–1249 — Всеволод Мстиславич (ум. 1249), внук Романа Ростиславича, сын Мстислава Романовича Старого, ранее князь псковский, новгородский.

25. 1249–1278 — Глеб Ростиславич (ум. 1278), внук Мстислава Давыдовича, сын Ростислава Мстиславича.

26. 1278–1279 — Михаил Ростиславич (ум. 1279), внук Мстислава Давыдовича, сын Ростислава Мстиславича, ранее князь мстиславский.

27. 1279/1280–1297 — Фёдор Ростиславич Чёрный (1233/1240 — 1299), внук Мстислава Давыдовича, сын Ростислава Мстиславича, одновременно князь ярославский, можайский.

28. 1297–1313 — Александр Глебович (ум. 1313), внук Ростислава Мстиславича, сын Глеба Ростиславича, ранее князь мстиславский.

29. 1313–1359 — Иван Александрович (ум. 1359), внук Глеба Ростиславича, сын Александра Глебовича.

30. 1359–1386 — Святослав Иванович (ум. 1386), внук Александра Глебовича, сын Ивана Александровича.

31. 1386–1392 — Юрий Святославич (ум. 1407), (первый раз), внук Ивана Александровича, сын Святослава Ивановича.

32. 1392–1395 — Глеб Святославич (ок. 1355 — 1399), внук Ивана Александровича, сын Святослава Ивановича.

33. 1395–1401 — Роман Михайлович Молодой (ум. 1401), из черниговских князей, племянник Ивана Александровича, ранее князь брянский и черниговский; посажен в Смоленск великим князем литовским Витовтом в качестве наместника.

34. 1401–1404 — Юрий Святославич (второй раз).

Князья Киевские

862–882. Аскольд и Дир (мифические персонажи) . Археологи установили, что в это время самого Киева еще не было!

882–912. Олег «Старый» (мифический персонаж)

912–945. Игорь

945–964. Вдова Игоря (Ольга — от «хельги», от титула женщины-предводительницы. Имя супруги Игоря, как языческое, так и христианское, остается неизвестным).

964–972. Святослав Игоревич

972–980. Ярополк Святославич

980–1015. Владимир I Святославич (все даты до 988 года являются приблизительными; «разбежка» в ту или иную сторону может достигать 30 лет)

1015–1019. Святополк I Владимирович («Окаянный»)

1019–1054. Ярослав Владимирович («Мудрый»)

1054–1068. Изяслав Ярославич

1068–1069. Всеслав Брачиславич («Полоцкий»)

1069–1073. Изяслав Ярославич (второй раз)

1073–1076. Святослав Ярославич

1076–1078. Изяслав Ярославич (третий раз)

1078–1093. Всеволод Ярославич

1093–1113. Святополк II Изяславич

1113–1125. Владимир II Всеволодович («Мономах»)

1125–1132. Мстислав Владимирович

Киевское великое княжение — объединение земель под верховной властью Киева — существовало около 220 лет (912–1132). С 1132 года, после смерти Мстислава, оно навсегда распалось на отдельные княжества.

ЛИТЕРАТУРА

Полоцкие кривичи

Алексеев Л.В. **Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IV–XIII вв.** М.: «Наука», 1966. — 296 с.

Дучыц Л.В. **Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV стст. (Гісторыка-археалагічны нарыс).** Мінск: «Навука і тэхніка», 1991. — 118 с.

Седов В.В. **Длинные курганы кривичей**. М.: «Наука», 1974. — 70 с.

Тарас А.Е. **Рогволодовичи: князья Великого Полоцка** // «Деды», выпуск 14. Минск, 2014, с. 204–237.

Тарасаў С.В. **Полацк, IX–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія.** Мінск: «Беларуская навука», 1998. — 134 с.

Штыхов Г.В. **Древний Полоцк, IX–XIII вв.** Минск: «Наука и техника», 1975. — 136 с.

Штыхов Г.В. **Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.)** Минск: «Наука и техника», 1978. — 160 с.

Штыхаў Г.В. **Крывічы: Па матэрыялах раскопак кургана ў паўночнай Беларусі.** Мінск: «Навука і тэхніка», 1992. — 192 с.

Смоленские кривичи

Алексеев Л.В. **Смоленская земля в IX–XIII вв. (Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии).** М.: «Наука», 1980. — 260 с.

Маковский Д.П. **Смоленское княжество.** Смоленск: Краеведческий НИИ, 1948. — 272 с.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. **Древние городища Смоленщины.** М.–Л.: АН СССР, 1963. — 194 с.

Шмидт Е.А. **Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных).** Смоленск: «Свиток», 2012. — 168 с.

Псковские кривичи

Болховитинов Е.А. **История Княжества Псковского.** М.: «Кучково поле», 2012. — 528 с.

Кафенгауз Б.Б. **Древний Псков: Очерки по истории феодальной республики.** М.: «Наука», 1969. — 136 с.

Плоткин К.М. **Древний Псков.** Псков, 1997.

Псков: Очерки истории. /Сб. статей под ред. И.П. Шаскольского/. Л.: Лениздат, 1971. — 368 с.

Степанов Ю.В. **Господарство на берегах Великой.** Псков: «Псковское возрождение», 2003. — 104 с.

Дреговичи

Коробушкина Т.В. **Курганы Белорусского Побужья X–XIII вв.** Минск: 1993.

Лысенко П.Ф. **Города Туровской земли.** Минск: «Наука и техника», 1974. — 198 с.

Лысенко П.Ф. **Дреговичи.** Минск: «Навука і тэхніка», 1991. — 244 с.

Лысенко П.Ф. **Туровская земля, IX–XIII вв.** /2-е изд./ Минск: «Белорусская наука», 2001. — 268 с.

Поболь Л.Д. **Древности Туровщины.** /2-е изд., доп. и перераб./ Минск: «Беларуская навука», 2004. — 142 с.

Черемин А.А. **Туровское княжество (X–XIV века).** Минск: Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2012. — 208 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ Митрофан

ОЧЕРК ИСТОРИИ КРИВИЧСКОЙ И ДРЕГОВИЧСКОЙ ЗЕМЕЛЬ ДО КОНЦА XII СТОЛЕТИЯ

Подписано в печать 27.11.2014. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 10,89. Тираж 3000 экз. Заказ 3363.

ООО «Харвест».
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/17 от 16.08.2013.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 2/102 от 01.04.2014.
Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

Эта книга «отца» белорусской историографии М.В. Довнара-Запольского вышла в свет в 1891 году. С тех пор она не переиздавалась, поэтому практически неизвестна современным читателям. Между тем, ее содержание по-прежнему представляет значительный интерес для всех, кто интересуется историей белорусского народа.

Предлагаемое издание состоит из трех частей. В первой дано географическое описание земель кривичей и дреговичей. Во второй кратко изложена политическая история Полоцкого, Смоленского и Туровского княжеств. В третьей, дополнительной части помещены статьи ряда авторов, знакомящие с современными взглядами на историю кривичей и дреговичей.